

ЗАПИСКИ
ФИЛИПА ФИЛИПОВИЧА
ВИГЕЛЯ.

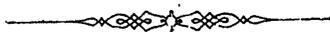

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ИЗДАНИЕ «РУССКАГО АРХИВА».

(ДОПОЛНЕННОЕ СЪ ПОДЛИННОЙ РУКОПИСИ).

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульварь.
1892.

I.

По приѣздѣ въ Петербургъ, въ болѣзненномъ состояніи духа и плоти, прежде всего искалъ я отрады, зная, что ею начнется исцѣленіе и телѣснаго моего недуга. Для того взѣхалъ я прямо къ Блудову, увѣренъ будучи, что онъ не поскучаетъ ни хандрой моей, ни лихорадкой, и въ томъ не ошибся. Его нравъ не переставалъ быть живымъ и веселымъ, а сердце сострадательнымъ. Въ началѣ предыдущаго года имѣлъ онъ горестъ лишиться обожаемой матери и почти въ то же время утѣшеніе наследовать довольно богатому дядѣ. Это давало ему возможность къ другимъ похвальнымъ или любезнымъ качествамъ присоединить и гостепріимство. Онъ послалъ за врачомъ своимъ, Англичаниномъ Беверлеемъ, заставлялъ самого меня смѣяться надъ мрачными моими мыслями, и дни въ три или четыре все у меня прошло, какъ будто ни въ чемъ не бывало.

Какъ ровно за пять лѣтъ передъ тѣмъ, въ началѣ Сентября 1802 года, прибылъ я тутъ въ Петербургъ, чтобы быть свидѣтелемъ любопытнаго зрѣлища: важныхъ перемѣнъ во всемъ государственномъ управленіи. Какъ бы не обращая никакого вниманія на пристрастіе своихъ подданныхъ къ союзной съ нимъ дотогѣ Англій, на явную ненависть ихъ къ омрачившимъ ихъ воинскую славу великому Французскому полководцу и его побѣдоносному народу, Государь во всемъ обнаруживалъ новую симпатію свою къ нимъ и удивленіе. Изъявленій всеобщаго за то неудовольствія не было возможности не только наказывать, ни даже удерживать: ибо отъ знатнаго царедворца до малограмотнаго писца, отъ генерала до солдата все, повинувась, роптало съ негодованіемъ. А онъ, примѣръ долготерпѣнія на тронѣ, долженъ былъ все выслушивать съ молчаніемъ, когда, по мнѣнію его, въ глубинѣ души своей, онъ былъ увѣренъ, что сдѣлалъ все для спасенія Россіи и будущаго ея величія.

Многіе годы прошли, люди исчезли, страсти погасли, и теперь можно съ нѣкоторою справедливостію судить о тогдашнихъ поступкахъ Александра. Франція, воинственная и блестящая, хвастливая и заносчивая, была постоянно предметомъ страха и зависти всѣхъ со-

сѣдей своихъ, Австріи, Великобританіи и Гишпаніи, Германскихъ и Итальянскихъ владѣтелей. Окруженная со всѣхъ сторонъ естественными врагами, она весьма благоразумно и успѣшно искала всегда союзниковъ въ отдаленныхъ отъ нея странахъ, въ Швеціи, въ Польшѣ и въ Турціи. Изъ-за нихъ встало неслыханное государство, по обширности своего размѣра и по быстротѣ своихъ успѣховъ, можно сказать, невиданное въ мірѣ. Менѣе чѣмъ въ полвѣка, оно заступило мѣсто всѣхъ старыхъ союзниковъ Франціи, унизивъ одного, уничтоживъ другаго, обезсиливъ третьяго. Прежнее Французское правительство не могло еще понять важность значенія Россіи. Въ горячкѣ, въ бѣшенствѣ своемъ, революція слѣпо вооружалась, безъ разбора, противъ всѣхъ монархій; но когда, уставъ отъ судорожныхъ усилій, она подчинилась порядку, то воинственный гений, его водворившій, не довольствуясь силою оружія, призвалъ на помощь и политику для обузданія мятежнаго духа, ея распространеннаго. Орлинымъ взглядомъ своимъ Наполеонъ увидѣлъ первый для Франціи всю выгоду союза съ Россіей; самодержавіе на Сѣверѣ плѣняло его властолюбивый умъ, онъ искалъ сближенія, и восторженный Павелъ, передъ смертію, раздѣлялъ уже величіе его замысловъ. Сильное вліяніе Англіи разсѣкло сей едва завязанный узелъ; кротость Александра, его желаніе мира и добра отдала его отъ честолюбца; но сей послѣдній не упускалъ случая, чтобы возстановить съ нимъ согласіе. Наканунѣ Аустерлица онъ еще мирнолицъ и просилъ о свиданіи и, наконецъ, получилъ его въ Тильзитѣ.

Кто былъ свидѣтелемъ тайной бесѣды на роковомъ паромѣ? О, какъ любопытенъ былъ сей разговоръ, когда въ состязаніи были съ одной стороны вся прелесть наружности, благородство осанки, нѣжность голоса, тонкость и гибкость ума, однимъ слономъ почти женская прелесть, которая покоряла сердца подданныхъ и чужеземцевъ, а съ другой—Итальянская хитрость, прикрытая солдатскою откровенностію, почти сверхъестественная сила убѣжденія и очарованіе великаго имени. Ужасная буря породила сильнаго человѣка, который усмиривъ ее; оковавъ мятежь, онъ превратилъ его въ какое-то словобѣсіе; болѣе десяти лѣтъ ужасомъ своего имени наполнялъ онъ Европу; казалось, сами небеса изъ ада на землю вызвали его какъ исполнителя ихъ воли, и онъ стоялъ лицомъ къ лицу передъ Александромъ. При его появленіи, въ виду его, сей громовержець погасилъ свои перуны, и руку, которая за мигъ до того держала ихъ, протянулъ къ нему почтительно и дружелюбно. Кто бы устоялъ противъ того, особенно въ минуту двойной опасности? Не трудно было Наполеону доказать, сколько выгодно могла быть для Россіи дружба съ нимъ, то-есть съ Франціей, коею былъ онъ тогда главою, представителемъ и выраженіемъ.

емъ. Это такая истина, которую въ послѣдствіи одно только безпри-
мѣрное его властолюбіе могло сдѣлать сомнительною, но которой люди
съ здравымъ смысломъ всегда вѣрили и нынѣ менѣе нежели когда
оспариваютъ. «Доселѣ былъ одинъ Наполеонъ, отнынѣ да будетъ ихъ
двое, вѣроятно сказалъ онъ; соединивъ свои силы, довершать они по-
кореніе свѣта, и потомъ, общими же силами, среди всеобщаго мира,
будутъ пещись объ устройствѣ всеобщаго благоденствія». Признаюсь,
я еще и понынѣ вѣрю честосердечію обоихъ договаривавшихся госу-
дарей: при произнесеніи клятвы въ вѣчной любви, кто думалъ о ея
нарушеніи и кто не нарушалъ ея? Хотя Европа не берлога, однакоже
трудно было медвѣдю долго ужиться въ ней со львомъ; но все-таки,
наконецъ, медвѣдю удалось задушить его.

Подражаніе обычаю или одѣянію какого-нибудь народа всегда въ
Россіи есть вѣрнѣйшій признакъ добраго съ нимъ согласія. Уже съ
Сентября мѣсяца начали всю гвардію переодѣвать по-французски; въ
слѣдующемъ году сдѣлано это и со всею арміей. Дотолѣ слѣдовали
простотѣ Австрійскихъ мундировъ; исключая бѣлаго плюмажа на шля-
пѣ, ничто не отличало генерала отъ простаго офицера; тутъ шитье и
эполеты, все богаче по мѣрѣ возвышенія въ чинахъ, начали обозна-
чать каждый изъ нихъ. Косы обрѣзаны, пудра и помада брошены и
оставлены гражданскимъ чиновникамъ, которые также начали употреб-
лять ихъ только при мундирахъ и въ дни пріѣзда ко двору. Всѣ во-
енные люди были вытянуты, затянуты, такъ что инымъ трудно было
дышать; новый покрой сдѣлалъ одежду ихъ просторнѣе и далъ полную
свободу ихъ тѣлодвиженіямъ. Они и этимъ были недовольны: въ но-
выхъ мундирахъ своихъ видѣли Французскую ливрею и, съ насмѣшли-
вою досадою поглядывая на новое украшеніе свое, на эполеты, гово-
рили, что Наполеонъ у всѣхъ Русскихъ офицеровъ сидитъ на плечахъ.

Можно себѣ представить, какъ все это было больно для Петер-
бургской знати, заимствовавшей всѣ повѣрія свои отъ эмигрантовъ;
съ какою явною холодностію сія искусственная аристократія, вся про-
никнутая легитимизмомъ, принимала присланнаго отъ Наполеона на
первый случай Савари. Въ разсужденіи его исполняла она всѣ обя-
занности общежитія, платила ему визиты, приглашала его на всѣ
большіе званые вечера свои, но обходилась съ нимъ съ тою убій-
ственной учтивостію, въ которой она такая мастерица и которой тайна
ей одной извѣстна.

Упрекнуть его было не въ чемъ: онъ все переносилъ съ терпѣні-
емъ и старался быть любезенъ. Въ одномъ только знатномъ домѣ былъ
онъ принятъ съ отверстыми объятіями: старуха княгиня Елена Ники-
тишна Вяземская, вдова генераль-прокурора, выдавшая двухъ дочерей

за посланниковъ Неаполитанскаго и Датскаго, всегда любила безъ памяти иностранцевъ и въ особенности Французовъ, и для нихъ былъ у нея всегда притонъ. Прежде многіе старались ей подражать; но продолжительною связью съ Французскимъ посольствомъ она обезславивъ свою старость; были люди, которые не побоялись взвести на нее клевету, будто за угощеніе Французовъ она получала деньги отъ правительства.

Родною племянницей этой княгини Вяземской была Александра Петровна Хвостова, о которой говорилъ я въ концѣ второй части сихъ Записокъ. Не смотря на свой патриотизмъ и легитимизмъ, въ угожденіе тетки, должна была она принимать Савари и его свиту; впрочемъ, съ живостію ея ума и характера, и ей самой любопытно и пріятно было ихъ видѣть у себя. Тутъ имѣлъ я случай ихъ встрѣчать, и могу сказать нѣсколько словъ объ нихъ. Умиѣ всѣхъ былъ конечно Ле Лорнь (Le Lorgne), который въ видѣ путешественника бывалъ уже въ Россіи, жывалъ въ Москвѣ и выучился немного по-русски. Онъ былъ малый лѣтъ тридцати, ловкій, смѣлый, даже иногда наглый, и вмѣстѣ съ тѣмъ вкрадчивый; такіе люди вездѣ или вламываются, или пролѣзаютъ. Замѣтно однакоже было, что ласковый пріемъ, сдѣланный ему до того въ Россіи, сильно на него подѣйствовалъ, и что онъ искренно любилъ ее, а со всѣмъ тѣмъ охотно пожертвовалъ бы ею кумиру Франціи: онъ одинъ, кажется, у Савари занимался письменною частію.

Благороднѣе всѣхъ именемъ и осанкой былъ Монтескю-Фезенсакъ, ведущій родъ свой отъ Лула, герцога Гасконскаго, слѣдственно отъ Барловинговъ. Примѣсью такихъ людей Наполеонъ любилъ скрапивать свои полки и миссіи.

Всѣхъ красивѣе собою былъ молоденькій Талуеть. Онъ вмѣстѣ съ другимъ, Фодоасомъ, принадлежалъ къ новой республиканско-имперской аристократіи, то-есть они оба были сыновья во время революціи чрезмѣрно обогатившихся плебеевъ. Оба сіи *жюкриса* *), невѣдніемъ свѣтскаго обращенія, разговорами и манерами смѣшили Петербургскія гостиныя. Одинъ изъ нихъ, Фодоасъ, любезничая разъ съ какою-то дамой, игралъ лежащимъ на ея столикѣ аметистовымъ сердцемъ, бралъ его въ ротъ и нечаянно проглотилъ его. На другой день, изверженное и вымытое сердце сіе, при учтливой запискѣ, было возвращено той, которой оно принадлежало.

Къ симъ двумъ примыкалъ еще третій молодой мальчикъ, Антоанъ, сынъ богатаго Марсельскаго негоціанта и, не менѣе того, по матери родной племянникъ женъ Іосифа Бонапарте и Бернадота, то

*) Престофили. П. Б.

есть будущихъ королей Гишпанскаго и Шведскаго. Въ это время Иосифъ уже былъ Неаполитанскимъ королемъ. Слухъ прошелъ, будто Марія-Каролина, настоящая королева, находившаяся тогда въ Сицилиі, не только опасно занемогла, но и скончалась. О томъ неосторожно сказали при Антоавѣ, который, полагая, что рѣчь идетъ о его теткѣ, счелъ долгомъ притвориться падающимъ въ обморокъ. Все это чрезвычайно забавляло знатныхъ, которые насмѣшками надъ цвѣтомъ юности, неудачно присланнымъ Наполеономъ, думали мстить ему за его славу.

Какъ странно было видѣть сихъ образчиковъ ново-французскаго двора встрѣчающихся у Хвостовой съ Лагардами, Дамасами и другими молодыми роялистами древнихъ семей, офицерами въ Русской гвардіи! Послѣдніе даже въ общемъ разговорѣ старались, чтобъ однимъ словомъ не задѣть кого-нибудь изъ этой ротюры; одинъ только дерзкій Растиньякъ подступилъ разъ къ Монтескию и громко спросилъ его: при комъ онъ камергеромъ, при Бонапарте или при женѣ его? Тотъ скромно отвѣчалъ: «при императрицѣ».

Попытку Хвостовой соединить у себя тѣхъ и другихъ Французовъ одобрить нельзя. Сама она часто не могла утерпѣть, чтобы не оказать предпочтенія прежнимъ своимъ знакомымъ и не похвастать иногда славой своей Россіи, когда Наполеонисты слишкомъ завирались о его безсмертіи. Съ другой стороны роялисты и многіе Русскіе съ смертельною досадою должны были бесѣдовать съ тѣми, коихъ почитали сволочью и коихъ по неволѣ встрѣчали только среди толпы въ большихъ собраніяхъ. Едва прошла осень и наступила зима, какъ тѣ и другіе ее покинули, и одни только искренніе ея друзья остались постоянными и вѣрными ея посѣтителями.

Кажется, Наполеону хотѣлось, оказавъ Россіи первую учтивость, показать съ тѣмъ вмѣстѣ и преимущество свое надъ нею. Для того прислалъ онъ Савари съ одними комплиментами, безъ всякаго уполномочія, и ожидалъ прежде назначенія къ намъ чрезвычайнаго посла, чтобы кто-нибудь отъ насъ въ семъ званіи къ нему былъ отправленъ. Выборъ палъ на графа Петра Александровича Толстаго, прежде бывшаго Петербургскаго военнаго губернатора, но оставившаго сію должность, чтобы подвизаться на войнѣ. Его любили и уважали; но, согласившись ѣхать посломъ въ Парижъ, онъ сдѣлался виновнымъ въ мнѣніи публики. Плохая эпиграмма въ дурныхъ Французскихъ стихахъ, ходившая по городу, была его выраженіемъ. Вотъ она:

Nous imitons le grand: on le savait d'avance.
Caius fit son cheval consul de Rome,
Et nous faisons tout comme
En envoyant un âne ambassadeur en France.

Сущая несправедливость! Графъ Толстой былъ человѣкъ усердный, вѣрный, на котораго совершенно положиться было можно: Русскій въ душѣ и Русскій по уму, то-есть, какъ говорится, изъ просту лукавъ. Такіе люди, съ притворною разсѣянностію, какъ бы ничего не помня, ничего не замѣчая, за всѣмъ слѣдятъ глазомъ зоркимъ и наблюдательнымъ и ни на минуту не теряютъ изъ вида пользы и чести своего отечества. Кажется, у насъ въ Россіи изстари велось, чтобы мужи, предназначающіе себя на великіе подвиги, болѣе или менѣе на себя накидывали какое-то юродство. Стѣдуетъ только вспомнить Суворова, который въ семь родѣ былъ не первый и въ наше время не одинъ. Тутъ есть что-то похожее и на Брута, и на Сикста Пятаго.

По прибытіи въ Парижъ, графъ Толстой нашелъ приготовленное уже для него жилище. Слѣдуя системѣ прельщеній съ Россіей, Наполеонъ купилъ Отель-Телюсовъ, довольно большой и красивый домъ, въ лучшей части города, съ прекраснымъ садомъ его отъ улицы отдѣляющимъ, и отдалъ его Русскому посольству. Мы не могли остаться въ долгу и хотѣли заплатить съ лихвою, и для того только что отдѣланный великолѣпный домъ князя Волконскаго, на Дворцовой набережной, за дорогую цѣну купленъ въ казну для ожидаемаго Коленкура.

Пріѣздъ его въ Январѣ мѣсяцѣ былъ сигналомъ отъѣзда для Савари съ компаніей. Почти всѣ полагали, что нестерпимая спѣсь Коленкура была слѣдствіемъ данныхъ ему наставленій. Я совсѣмъ другаго мнѣнія: этотъ человѣкъ былъ просто дерзкій холопъ, который, гордясь успѣхами, могуществомъ своего господина, какъ всѣ низкія души забывался въ счастіи. Можетъ-быть, по примѣру Савари, приготовленный къ холодному приему отъ общества, онъ съ перваго шага хотѣлъ предупредить его своею надменностію. Доказательствомъ, что раздраженіе противъ себя Русскихъ не могло входить въ намѣренія Наполеона, служить то, что предтеча Коленкура, Савари, и преемникъ его, Лористонъ, всегда оказывали, первый величайшую терпѣливость, послѣдній — умѣренность и скромность въ сношеніяхъ съ дворомъ и вельможами, даже тогда, какъ все клонилось къ совершенному разрыву съ Россіей.

Цѣлыя пять лѣтъ съ Сентября 1802 года, министерство, прозванное Англійскимъ, управляло государственными дѣлами. Кажется, въ самодержавныхъ правленіяхъ министры, которые просто орудія воли государевой, должны только слѣдовать, хотя бы и не одобряли ея, новой политической системѣ, имъ принятой. Не такъ думали наши Фоксы и Питты; жаль имъ было расставаться съ мѣстами и властію, они ихъ какъ будто противъ воли сохраняли; но самъ Императоръ подалъ имъ средства съ благовидностію освободиться отъ тяжести дѣлъ. Не вдругъ, какъ въ Англіи, а въ продолженіе послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ

1807 года министерство измѣнилось и возобновилось почти въ цѣломъ составѣ своемъ.

Началось съ министра финансовъ, почтеннаго графа Васильева. Онъ бы не удался, и его бы не отпустили: онъ былъ еще не слишкомъ старъ, но изнуренный долготѣтными трудами и опытный въ дѣлахъ, онъ можетъ быть съ трепетомъ смотрѣлъ на приближающееся несогласіе съ Великобританіей, царицей торговли, и чувствовалъ, что затрудненія, въ которыя оно его поставитъ, будутъ превыше силъ его. Счастіе сопутствовало ему всегда въ жизни и не покинуло его при концѣ ея: ибо что можетъ быть счастливѣе какъ во-время умереть? Онъ скончался въ концѣ Августа, а въ половинѣ Сентября объявлена война Англии. Бремя, имъ носимое, само собою легло на давно уже подставившаго подъ него рамена свои, племянника его, Федора Александровича Голубцова, и черезъ два года потомъ его раздавило.

За годъ до того, князь Чарторыйскій, уступая силѣ общаго мнѣнія, долженъ былъ портфель иностранныхъ дѣлъ передать нѣкому барону Будбергу; не покидая однакоже Государя, онъ тайно оставался главнымъ совѣтникомъ его въ дѣлахъ дипломатическихъ. Этотъ Будбергъ былъ, кажется, лицо совсѣмъ безъ фізіономіи. При воспитаніи императора Александра, находился онъ въ числѣ наставниковъ, и объ немъ ничего не говорили. Потомъ еще при Екатеринѣ былъ онъ назначенъ посланникомъ въ Стокгольмъ и тамъ ничего не умѣлъ сдѣлать, даже сосватать великую княжну Александру Павловну за Шведскаго короля; его однакоже не отозвали. Безъ особыхъ милостей и безъ гоненій отъ Павла, оставался онъ при немъ на прежнемъ мѣстѣ почти въ забвеніи. Въ 1802 году попытались было сдѣлать его Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ; мѣсяца два или три мѣсто сіе оставалось какъ будто вакантнымъ, объ немъ и помину не было, и его опять назадъ отправили въ Стокгольмъ. Какъ подставку, какъ подтычку вызвали его оттуда въ 1806 году, чтобы дать ему названіе министра иностранныхъ дѣлъ. Съ симъ званіемъ случился онъ въ Тильзитѣ при переговорахъ, и неумышленно, безвинно подписалъ мирный трактатъ; и за то никто не думалъ на него сердиться и поносить его, а вся досада обратилась на бывшаго тутъ, также случайно, Русскаго князя. Трудно опредѣлительно сказать что-нибудь на счетъ характера такого человѣка, который сквозь столь важныя мѣста и событія прошелъ невидимкой; судя по догадкамъ можно себѣ вообразить его Нѣмцемъ, довольно образованнымъ для того времени, гдѣ нужно искательнымъ, терпѣливымъ и молчаливымъ, и слѣдственно по наружности глубоко-

мысленнымъ. Познавъ наконецъ весь нуллитеть его, Государь, видно безъ обиняковъ сказалъ ему: «Ступай, братъ, на покой!» *)

Мѣсто жалкаго Нѣмца занялъ Русскій съ громкимъ именемъ, высокою образованностію, благородною душою, незлобивымъ характеромъ и съ умомъ, давно ознакомленнымъ съ дѣлами дипломатическими и ходомъ Французской революціи. И единосемцы его громко возроптали на то Я не осуждаю ихъ; сердце у Русскихъ наболѣло отъ двухгодоваго стыда, и все приводило его въ раздраженіе; они безъ ужаса не могли видѣть сына знаменитаго ихъ полководца усерднымъ посредникомъ Россіи съ похитителемъ ея славы. Самое даже согласіе графа Николая Петровича Румянцова на принятіе званія министра иностранныхъ дѣлъ показываетъ въ немъ сильный духъ, готовый, со вступленіемъ въ должность, вступить въ борьбу со всеобщимъ мнѣніемъ, самоотверженіе, съ которымъ онъ въ настоящемъ жертвовалъ своею честію для будущей пользы своего отечества. Время, конечно, показало, что онъ обманывался; но кто изъ подвизавшихся тогда, въ концѣ 1807 года, не былъ обманутъ, не исключая даже самихъ Александра и Наполеона? Онъ смотрѣлъ не съ той точки зрѣнія какъ высшая и низшая публика, и обѣими былъ не понять. Уже вѣрно Румянцовъ не могъ быть подкупленъ золотомъ, онъ, который, живши всегда умѣренно, расточалъ его единственно на умноженіе просвѣщенія въ Россіи. И онъ бы сталъ измѣнять ей! Такъ чтоже? Онъ былъ очарованъ величіемъ дотолѣ врага и вдругъ ревностнаго союзника Россіи, онъ былъ увлеченъ плѣнительною мыслию о великомъ союзѣ Сѣверовостока съ Югозападомъ, предъ коими все должно было покориться: такъ ошибаются только люди съ необыкновенною душою.

До того еще, безпрестанныя шутки Александра Львовича Нарышкина на счетъ графа Румянцова много повредили ему въ мнѣніи свѣта. Тетка его, Анна Никитишна, была замужемъ за дядею Нарышкиныхъ и полученное отъ мужа имѣніе во вдовствѣ хотѣла отказать своему племяннику; изъ того вышелъ процессъ, который, наконецъ, Нарышкины же выиграли. Но придворный шутникъ никогда не могъ простить своему противнику, вѣчно преслѣдовалъ его своими острыми насмѣшками и успѣлъ въ глазахъ людей сдѣлать его смѣшнымъ; а что смѣшно, то кажется и глупымъ. Съ другой стороны зависть, которая оставляетъ въ покоѣ одну только посредственность, которая готова заглядывать въ нужныя мѣста, подслушивать холопскія рѣчи, не гнушается ничего нечистаго, чтобъ осквернить имъ уважаемыхъ людей, изощряла про-

*) Попробовалъ бы Русскій быть столь ничтожнымъ, какъ Андрей Яковлевичъ Будбергъ; ему много, много бы удалось быть членомъ Московскаго Англинскаго клуба.

тивъ него свое жало и приписывала ему какія-то слабости, противныя нравственности. На каламбуры Нарышкина, не всегда удачныя, на клевету мірскую, какъ бы не вѣдая о нихъ, отвѣчалъ Румянцовъ одними великими, безпримѣрными въ Россіи дѣлами: снаряжалъ на свой счетъ корабли и для открытій отправлялъ ихъ вокругъ свѣта, съ издержками и трудами отыскивалъ и собиралъ любопытныя, отечественныя древнія рукописи и хартіи и посредствомъ великолѣпныхъ изданій дарилъ ими читающую публику, заводилъ для всѣхъ открытыя библіотеки, учреждалъ музеи. Сдѣянное имъ блещетъ на Англійской набережной въ Петербургѣ и лучше меня оправдаетъ его предъ потомствомъ.

Въ началѣ второй части сказалъ я, что онъ былъ министромъ комерціи; сдѣлавшись министромъ иностранныхъ дѣлъ, сохранялъ онъ два года оба министерства, доколѣ первое не было упразднено. Предмѣстникъ его, Будбергъ, до того утрашился одного имени министра, что спѣшилъ выпросить себѣ въ товарищи сына покровителя своего, фельдмаршала Николая Ивановича Салтыкова, Александра Николаевича, зятя графа Головкина (объ немъ я также говорилъ въ своемъ мѣстѣ). По родственнымъ связямъ съ Нарышкиными былъ онъ въ числѣ недоброжелателей Румянцова, который нашелъ его въ министерствѣ. По великому тогда кредиту сего послѣдняго, стоило ему только изъяснить желаніе удалить отъ себя сего товарища, чтобъ оно было исполнено. Онъ того не сдѣлалъ, оказывалъ уваженіе и довѣренность Салтыкову и великодушіемъ старался, но не успѣвалъ обезоруживать своихъ непріятелей.

На сіи перемѣны могъ я смотрѣть равнодушно; скоро однагоже должны онѣ были коснуться и мѣста моего служенія. Лордъ Кочубей, который въ продолженіе пяти лѣтъ усиливался при дворѣ, расширялъ свое министерство, распространялъ свою власть, казался первымъ министромъ. Для соблюденія пристойности, чтобъ явно не измѣнить изснѣвѣдуемымъ имъ политическимъ правиламъ, показывалъ онъ видъ недовольный, безмолвное порицаніе, не зная, что и безъ того уже онъ сдѣлался не угоденъ Царю. Не будучи слишкомъ богатъ, а чиновенъ, гордъ и расчетливъ, онъ хотѣлъ, не разоряясь, жить соотвѣтственно притязаніямъ своимъ на высокую знатность. Ему одному извѣстны были средства, кои употреблялъ онъ, чтобы согласовать великолѣпіе съ бережливостію. Сначала дивились, наконецъ стали приписывать колдовству быстрое и чрезвычайное приращеніе его состоянія, тогда какъ не уменьшались его расходы; долговъ онъ не дѣлалъ, помощи отъ Государя не получалъ и при заботахъ государственныхъ едва ли имѣлъ время заниматься собственными хозяйственными дѣлами. Изъ двухъ тысячъ не съ большимъ думъ выросло у него вдругъ до двадцати. Въ непріате-

длях недостатка у него не было; надменность его, хотя умѣряемая вѣжливостію, вселяла къ нему нелюбовь, которая въ иныхъ доходила до ненависти. Отъ того пошли толки о тѣсныхъ связяхъ его съ Перецомъ, съ Штиглицомъ, Евреями-миліонерами, кои по его покровительству имѣли въ рукахъ своихъ важныя отрасли государственныхъ доходовъ. Начали замѣчать, что изъ начальниковъ губерній тѣ только пользовались особою его милостію, кои управляли богатѣйшими изъ нихъ и умѣли наживаться; имъ только безпрестанно выпрашивалъ онъ награды. Сіи толки, сіи подозрѣнія тайными каналами достигли, наконецъ, до царскаго слуха.

Передъ отъѣздомъ Государя въ армію, оберъ-прокуроръ Петръ Степановичъ Молчановъ, преданный Куракинымъ, отправленъ былъ въ Саратовъ по какому-то пустому дѣлу, но съ тайнымъ порученіемъ обстоятельно развѣдать о поступкахъ губернатора Бѣлякова. Подъ разными ничтожными предлогами проживъ тамъ все лѣто, онъ осенью воротился съ возомъ обвиненій и неоспоримыхъ доказательствъ хищности любимца Кочубеева. Бѣляковъ былъ призванъ въ Петербургъ и преданъ суду. Ударъ сей нанесенъ былъ самому министру, который горячо въ сіе дѣло вступился. Утверждаютъ, будто въ жару разговора о томъ съ Государемъ, разгнѣванный Александръ далъ ему почувствовать, что почитаетъ его прикосновеннымъ къ злоупотребленіямъ въ Саратовской губерніи; будто обиженный тѣмъ Кочубей сказалъ, что «послѣ того оставаться ему невозможно» и получилъ въ отвѣтъ, «что никто его не удерживаетъ».

Преемникъ его былъ уже на пути изъ Полтавы въ Петербургъ. Нѣкогда Безбородко, дядя Кочубей, при Павлѣ, посредствомъ Лопухиной и Лопухиныхъ, умѣлъ ниспровергнуть такъ-называемую партію императрицы Маріи Ѳеодоровны, Куракиныхъ, Лобановыхъ, Неллидовой, Буксгѣдена. Съ тѣхъ поръ между первымъ изъ сихъ семействъ и его племянникомъ продолжало существовать какое-то неприязненное соперничество. Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, бывшій два года при Павлѣ генераль-прокуроромъ, можно сказать генераль-министромъ, долженъ былъ при Александрѣ довольствоваться должностію Малороссійскаго генераль-губернатора и находится нѣкоторымъ образомъ въ зависимости своего противника. Призваніе его къ занятію мѣста Кочубей показывало уже явную немилость къ сему послѣднему, который, однакоже, имѣлъ утѣшеніе видѣть, что, при всеобщемъ расположеніи умовъ, безчисленность недовольныхъ смотрѣла на паденіе его какъ на торжество возрастающей Французской партіи, какъ ее называли; оказывала ему участіе и уваженіе и не слишкомъ снисходительна привѣтствовать восходъ Куракина. Мнѣ долженъ былъ онъ

казаться радостнымъ, ибо, по давнишнимъ связямъ отца моего съ старшимъ братомъ новаго министра, могъ онъ ожидать отъ него болѣе защиты и покровительства.

Въ Ноябрь случилась сія перемѣна. Въ послѣдней половинѣ царствованія Екатерины, можетъ быть, съ ея одобренія, все молодые люди богатыхъ и знатныхъ семействъ искали только мѣстъ при Дворѣ и къ занятію ихъ однихъ лишь были способны. И потому-то князь Алексѣй Куракинъ, который изъ нихъ одинъ смолода посвятилъ себя изученію законовъ и трудностямъ гражданской службы, между ними былъ лицо замѣчательное. Въ жизни его были пятна, но да позволено мнѣ будетъ умолчать о всемъ, что не клонится къ чести его.

Во время послѣдней кампаніи противъ Французовъ, Императоръ собственными глазами убѣдился во многихъ беспорядкахъ по военному управленію, кои, по мнѣнію его, были причиною послѣднихъ неудачъ нашего войска; одною артилеріей, доведенною до совершенства графомъ Аракчеевымъ, остался онъ доволенъ. Зная, сколь имя сего чловѣка, дотолѣ одними только отдѣльными частями управлявшаго, было уже ненавистно всемъ Русскимъ, но полагая, что извѣстная его энергія одна лишь въ состояніи будетъ возстановить дисциплину въ войскѣ и обуздать хищность комисаріатскихъ и провіантскихъ чиновниковъ, онъ не поколебался назначить его военнымъ министромъ. Со старѣвшимъ Вязмитинову было дѣйствительно не подъ силу занимать сію должность, когда армія умножилась сотнею тысячъ воиновъ, когда онъ не пользовался никакою довѣренностію, когда, безъ малѣйшей отвѣтственности, вся власть находилась въ рукахъ у докладчика по военной части генераль-адъютанта графа Ливена и когда, сверхъ того, подъ именемъ главнокомандующаго, взвалили на него управление столицей. Еще въ ребячествѣ слышалъ я, какъ съ омерзениемъ и ужасомъ говорили о людоедѣ Аракчеевѣ. Съ конца 1796 года до 1801-й былъ у насъ свой терроризмъ, и Аракчеевъ почитался нашимъ Русскимъ Маратомъ. Въ краткое царствованіе Александра, такіе люди казались невозможны; этотъ умѣлъ сдѣлаться необходимъ и всемогущъ. Сначала былъ онъ употребленъ имъ какъ исправительная мѣра для артилеріи, потомъ какъ наказаніе всей арміи и подъ конецъ, какъ мщеніе всему Русскому народу. Давно уже вся Россія говорила о семъ чловѣкѣ; а я не сказалъ ни одного слова; но здѣсь только нашелъ я мѣсто вкратцѣ, по своему, начертать его жизнь и характеръ, впрочемъ всеи извѣстныя.

Сынъ самаго бѣднаго дворянина Новгородской губерніи, онъ въ малолѣтствѣ отданъ былъ въ артилерійскій кадетскій корпусъ. Одаренный умомъ и сильною надъ собою волею, онъ съ ребячества

умѣлъ укрощать порывы врожденной своей злости: не только покорялся всегда вышшимъ надъ собою, но, кажется, любилъ ихъ власть, видя въ ней источникъ, изъ коего единственно могъ онъ почерпнуть собственную. Не занимаясь изученіемъ иностранныхъ языковъ, пренебрегая исторіей, словесными науками, до того что плохо выучился Русской грамотѣ, чуждый совершенно чувству всего изящнаго, молодой кадетъ, любя только все разчетливое, положительное, прилѣпился къ однѣмъ наукамъ математическимъ и въ нихъ усовершенствовался. Выпущенный въ офицеры, онъ попалъ въ артилерійскую роту, которая для потѣхи дана была наслѣднику престола и находилась при немъ въ Гатчинѣ.

Лучшей школы работѣпства и самовластия найти бы онъ не могъ; онъ возмужалъ среди людей отверженныхъ, презираемыхъ, покорныхъ, хотя завистливыхъ и недовольныхъ, среди этой малой гвардіи, которая должна была впоследствии осрамить, измучить и унижить настоящую, старую гвардію. Чувствуя все превосходство свое передъ другими Гатчинцами, Аракчеевъ не хотѣлъ имъ быть подобенъ даже и въ изъясненіяхъ холопской своей преданности.

Употребляя съ пользою данную ему отъ природы суровость, онъ давалъ ей видъ какой-то откровенности и казался бульдогомъ, который, не смѣя никогда ласкаться къ господину, всегда готовъ напасть и зарыть тѣхъ, кои бы воспротивились его волю. Такимъ образомъ приобрѣлъ онъ особую довѣренность Павла Перваго.

При вступленіи его на престолъ, былъ онъ подполковникъ, черезъ два дня послѣ того генераль-майоръ, въ Аннинской лентѣ и имѣлъ двѣ тысячи душъ. Не довольствуясь обогащеніемъ, быстрымъ возвышеніемъ его, новый Императоръ открывалъ широкое поле его извѣстной дѣятельности, создавъ для него новую должность коменданта города Петербурга (не крѣпости) и въ тоже время назначивъ его генераль-квартирмейстеромъ арміи и начальникомъ Преображенскаго полка. На просторѣ, разъяренный бульдогъ, какъ бы сорвавшись съ цѣпи, пустился рвать и терзать все ему подчиненное: офицеровъ убивалъ поносными, обидными для нихъ словами, а съ нижними чинами поступалъ совершенно по-собачьи; у одного гренадера укусилъ носъ, у другаго вырвалъ усъ, а дворянчиковъ унтеръ-офицеровъ изъ своихъ рукъ билъ палкою. Онъ былъ тогда еще весьма не старъ, не совсѣмъ опытенъ и въ пылу молодости спѣшилъ по своему натѣшиться. Впоследствии выучился онъ кусать и инымъ образомъ. И такія дѣянія, объ ужасѣ воинокъ не смѣли ему доложить, почитались милостивцемъ его за ревностное исполненіе обязанностей. Годъ спустя, чрезмѣрное его усердіе изумило самого Царя, и въ одну изъ добрыхъ его минутъ, внимая

общему волю, рѣшился онъ его отставить и сослать въ пожалованную имъ деревню.

Не болѣе года оставался онъ въ ней. Она была въ близости отъ Петербурга и какъ Государю стоило, такъ сказать, протянуть къ нему руку, то онъ и не утерпѣлъ, чтобы не призвать проученнаго имъ приверженца и не назначить инспекторомъ всей артилеріи. Мнѣ неизвестна причина новой немилости къ нему Царя; вѣроятно наговоры и происхи безчисленныхъ непріятелей; только вторично долженъ былъ онъ удалиться. Вызванный въ послѣдній разъ, онъ вѣзжалъ въ заставу столицы въ ту самую минуту, когда прекращалась жизнь его благодѣтеля.

Сельское житіе его было мучительно для несчастныхъ его крестьянъ, между коими завелъ онъ дисциплину совершенно военную. Ни покоя, ни малѣйшей свободы, ни веселія, плясокъ и пѣсней не знали жители села Грузина, нѣкогда помѣстья князя Меншикова. Вездѣ видны были тамъ чистота, порядокъ и устройство, за то вездѣ одни труды, молчаніе и трепеть. И эта каторга должна была служить послѣ того образцомъ изобрѣтенныхъ имъ военныхъ поселеній. Непонятно, какъ могъ императоръ Александръ, который зналъ, что въ царствованіе отца его Аракчееву поручено было тайно присматривать за его дѣяніями, какъ могъ онъ вновь избрать его начальникомъ всей артилеріи? Не служить ли это доказательствомъ, что личностями умѣлъ онъ иногда жертвовать пользѣ службы? Войдя разъ въ частныя сношенія съ молодымъ Императоромъ, онъ, лучше чѣмъ отца его, успѣлъ его обольстить своею грубою, мнимо-откровенною покорностію; все убѣждало Александра въ его чистосердечіи, самый девизъ въ гербѣ, при пожалованіи ему Павломъ графскаго достоинства, имъ избранный, «безъ лести преданъ». Онъ умѣлъ увѣрить Царя, что кромѣ двухъ боговъ, одного на небѣ, другаго на землѣ, онъ ничего въ мірѣ не знаетъ и знать не хочетъ, имъ однимъ служить, имъ однимъ поклоняется.

Въ явномъ несогласіи съ общимъ мнѣніемъ, во многомъ къ нему несправедливымъ, Государь выборомъ графа Аракчеева въ военные министры какъ будто хотѣлъ показать, что онъ самъ мнѣніемъ не дорожить и болѣе падить его не намѣренъ.

Такой человекъ какъ Аракчеевъ безусловно не могъ принять министерства. Онъ потребовалъ устраненія графа Ливена отъ военныхъ дѣлъ, уничтоженія канцеляріи военно-походной, причисленія ея къ его собственной канцеляріи и распространенія его власти до того, чтобы сами главнокомандующіе арміями должны были принимать его приказанія. Обстоятельства ему благопріятствовали; на зло недовольнымъ, Государь на все изъявилъ свое согласіе.

Чтобы хотя на время дать совершенный покой старику Сергѣю Кузьмичу Вязмитинову, освободили его и отъ главнаго начальства надъ столицей, назначивъ военнымъ губернаторомъ князя Димитрія Ивановича Лобанова-Ростовскаго. Кажется, и онъ своей строптивости обязанъ былъ симъ мѣстомъ. При Екатеринѣ храбрый полковникъ, при Павлѣ генераль-лейтенантъ, отставленный отъ службы, жилъ онъ долго въ деревнѣ, забытый всѣми. Объ немъ бы никогда не вспомнили (ибо нечѣмъ добрымъ было помянуть его), еслибы опасность, угрожающая нашимъ границамъ, не заставила вызвать на защиту отечества всѣхъ заслуженныхъ воиновъ. По его проворству поручено ему было сформировать наскоро совсѣмъ новую пѣхотную дивизію; она поспѣла весной, и онъ привелъ ее къ Нѣману въ самое то время, какъ на берегахъ рѣки сей побѣда остановлена была миромъ. Двоюродный братъ его, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, бывший вице-канцлеръ, назначенный посломъ въ Вѣну, на пути туда, случился тутъ также проѣздомъ и предложилъ его въ число уполномоченныхъ. Тогда они втроемъ съ Будбергомъ имѣли славу подписать знаменитый Тильзитскій трактатъ, за что Лобановъ произведенъ былъ полнымъ генераломъ. Не знаю, почему именно онъ, а не другіе, этимъ огадилъ всѣмъ и, въ насмѣшку надъ кривлявою заносчивостію своею, получилъ прозваніе Князя Мира. Никогда еще ничтожество не бывало самолюбивѣе и алчѣе, какъ въ этомъ сокращенномъ человѣкѣ, въ этомъ сердитомъ карлѣ, у котораго на маленькой Калмыцкой харѣ рѣзко было начертано грѣхопаденіе, не знаю, матери или бабки его.

Вотъ почти всѣ новыя лица, которыя явились тогда на политической сценѣ у насъ. Прежніе любимцы, мало-по-малу, одинъ за другимъ начали удаляться: Чарторыйскій уѣхалъ въ Австрію и никогда уже въ Петербургъ не возвращался*); Кочубей продалъ домъ и слѣдующею весной поѣхалъ путешествовать за границу; Новосильцовъ сдѣланъ просто сенаторомъ и, получивъ безсрочный отпускъ, поселился въ Вѣнѣ; товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, графъ Павелъ Строгановъ, во фражѣ отличавшійся съ казаками противъ Французовъ, поступилъ въ военную службу генераль-майоромъ. Одинъ только Чичаговъ сохранилъ покаместъ прежнее мѣсто.

Благодаразумный Сперанскій, мѣняясь съ обстоятельствами, потихоньку, непримѣтнымъ образомъ, перешелъ изъ почитателей Великобританіи въ обожатели Наполеона, изъ Англичанина сдѣлался Французомъ. Сія перемѣна въ правилахъ и въ образѣ мыслей была для него

*) Авторъ ошибается: князь Чарторыйскій былъ въ Петербургѣ напр. въ 1817 году. П. Б.

чрезвычайно полезна, ибо еще болѣе приблизила его къ Царю, при особѣ котораго единственно остался онъ статсъ-секретаремъ, получивъ увольненіе отъ должности своей въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Вскорѣ потомъ назначенъ онъ товарищемъ министра юстиціи и управляющимъ Коммиссіей составленія законовъ. Не въ однѣхъ двухъ должностяхъ сихъ наслѣдовалъ Сперанскій Новосильцову, но и въ безпредѣльной довѣренности, коею сей послѣдній пользовался у Александра, а слѣдующее затѣмъ пятилѣтіе есть періодъ, который по всей справедливости получилъ его названіе.

II.

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ Государь поѣхалъ въ Витебскъ для осмотра большой арміи, которая возсоздавалась изъ своихъ развалинъ. Послѣ того нѣкоторая часть ея взяла направленіе къ Сѣверу; но, приближаясь къ Петербургу, полки, не вступая въ него, обходомъ шли далѣе. Никто не зналъ намѣреній Императора: легко сохранить тамъ тайну, гдѣ никто не ищетъ ее проникнуть, а въ это время всѣ были очень равнодушны ко всему, что не относилось прямо къ Наполеону и его дѣйствіямъ.

Одинъ изъ сихъ полковъ былъ въ совершенномъ разстройствѣ; его остановили и спрятали въ Подгорномъ Пулковѣ, чрезъ которое Царскосельская дорога тогда еще не пролегалла: это былъ полкъ зятя моего, Митавскій драгунскій. Дѣлая ему смотръ, великій князь Константинъ Павловичъ сказалъ, что онъ отъ роду еще ничего хуже не видалъ; впрочемъ, сказалъ онъ сіе безъ гнѣва, ибо зналъ, что въ совершенномъ младенчествѣ, не созрѣвъ, полкъ сей ничего не дѣлалъ какъ только храбро дрался, что командуетъ имъ майоръ, что полковой командиръ еще не назначенъ, а шефъ его въ это время лежалъ безглазень, бездыханень.

Болѣзнь бѣднаго генерала Алексѣева усилилась отъ недостатка въ медицинскихъ пособіяхъ. Будучи въ Витебскѣ, Государь оказалъ ему великое участіе и для излѣченія дозволилъ ему ѣхать въ Москву. Это было въ глухую осень, и я воображаю, какія мученія долженъ былъ онъ выдержать дорогой, и едва ли менѣе того сопровождавшая его супруга; но въ Москвѣ ожидало его спасеніе.

Отъ послѣдняго разгрома въ Пруссіи множество отличнѣйшихъ людей въ разныхъ родахъ спасалось въ Россію. Между ими одинъ соединялъ въ себѣ высокое знаніе врача, долготѣльную практику съ величайшимъ искусствомъ оператора: это извѣстный Лодеръ, который находился тогда въ Москвѣ. Алексѣеву, привыкшему ходить на встрѣчу

неприятельскимъ пулямъ и картечамъ, не столь страшно было подставить себя благотворному ножу Лодера, хотя сей послѣдній и объявилъ ему, что операція фистулы можетъ быть для него опаснѣе самаго сраженія и что въ продолженіи ея можетъ испустить онъ духъ. Все это перенесъ онъ съ необычайною твердостью и послѣ того скоро началъ поправляться въ здоровьѣ своемъ.

Съ симъ добрымъ извѣстіемъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Петербургъ вдовый братъ мой Николай. Когда онъ служилъ въ Малороссійскомъ кирасирскомъ полку и жилъ въ уѣздномъ городѣ Гадячѣ, то съ молодою женой часто посѣщалъ по близости губернской городъ Полтаву, мѣстопребываніе генераль-губернатора князя Куракина. Въ провинціи знатные не могутъ быть столь разборчивы насчетъ общества какъ въ столицѣ, и молодая женщина, хорошенькая и образованная, должна была казаться украшеніемъ гостиной княгини Куракиной, и оттого мужъ и жена скоро сдѣлались у нея короткими. Желая испытать, не будетъ ли новый министръ внутреннихъ дѣлъ къ нему столь же благосклоненъ, какъ былъ генераль-губернаторъ, братъ мой пріѣхалъ изъ Пензы чрезъ Москву и явился къ нему съ покорнѣйшимъ привѣтствіемъ отъ отца моего. Для себя братъ мой ничего не хотѣлъ: лишившись подруги, онъ жилъ единственно для дѣтей и для родныхъ; въ неутолимой его горести одна къ нимъ любовь была для него улаженіемъ. И потому-то онъ несказанно былъ утѣшенъ ласковымъ приѣмомъ Куракина, который поручилъ ему написать къ нашему родителю, что, зная связи его съ его братомъ Александромъ Борисовичемъ, онъ всегда желалъ быть участникомъ въ этой дружбѣ, а меня велѣлъ себѣ представить. Со мною обошелся онъ какъ съ мальчикомъ, котораго хотятъ приласкать, и я пока и этимъ остался доволенъ.

Но брата моего удовлетворить этимъ было невозможно. Употребляя во зло снисходительность министра, онъ началъ его преслѣдовать неотступными просьбами о доставленіи мнѣ слѣдующаго, но совсѣмъ не слѣдуемаго чина. Сперанскій пересталъ уже быть моимъ начальникомъ, и сладить съ этимъ дѣломъ казалось легче. На его мѣсто поступилъ Григорій Григорьевичъ Пшеничный, изъ Малороссіянъ, нѣкогда правитель канцеляріи генераль-прокурора князя Куракина, слѣдственно начальникъ Сперанскаго. Человѣкъ этотъ былъ, видно, какъ Фигаро, какъ я, какъ большая часть Русскихъ, дѣятеленъ по необходимости и лѣнивъ по природѣ. Бѣдность заставляла его трудиться въ молодости; когда же онъ поднялся въ чинахъ и нажилъ состояніе, то уже втянулся въ работу, и она обратилась ему въ привычку. Князь Куракинъ, по старому знакомству, призвавъ его опять на службу, забылъ или не зналъ, что десятилѣтній покой послѣ трудовъ отнимаетъ у человѣка

много способностей и охоты. Пшеничный показался намъ человѣкомъ тяжеловѣснымъ, сдобнымъ и мягкимъ какъ вновь испеченный пшеничный пирогъ. Въ экспедиціи засѣлъ онъ какъ бревно; но начальники отдѣлений и другіе чиновники, желая, видно, не походить на лягушекъ басни, обходились съ нимъ весьма почтительно. Все показывало, что отъ него нельзя было ожидать ни пользы, ни вреда. Рассказывали намъ, что на старости лѣтъ пристрастился онъ къ своей національной музыкѣ и проводилъ дни въ играни на гусяхъ Малороссійскихъ пѣсень. Послѣ Сперанскаго, такой-то человѣкъ и былъ мнѣ надобенъ; ему велѣно представить меня къ чину, а для такихъ людей воля начальнива есть законъ. Представленія къ наградамъ чрезъ Комитетъ Министровъ дѣлались тогда съ величайшею тайной, и я никогда не узналъ, какіе искусно вымышленные труды могли мнѣ быть приписаны. Какъ бы то ни было, черезъ три мѣсяца послѣ представленія, произведенъ я за отличіе въ надворные совѣтники, со старшинствомъ съ 31 Декабря 1807 года. Вотъ какимъ образомъ добрый братъ мой, въ отставку, въ Петербургъ завѣзій, руководимый единымъ горячимъ желаніемъ мнѣ добра, во второй разъ мнѣ благодѣтельствовалъ.

Онъ нѣсколько времени оставался еще въ Петербургѣ, выжидая прїѣзда выздоравливающаго зятя нашего, который, изрѣзанный, поху́дѣвшій, въ Январѣ мѣсяцѣ прибылъ къ столь же хворому полку своему. Константинъ Павловичъ особенно благоволилъ къ Алексѣеву; съ его высокою помощію и съ собственною врожденною дѣятельностію, въ два мѣсяца онъ успѣлъ поставить полкъ сей на ряду съ лучшими кавалерійскими.

Неожиданная вѣсть разнеслась въ Февралѣ мѣсяцѣ: новая война возгорѣлась почти у воротъ столицы; Русскія войска вступили въ Шведскую Финляндію. За чѣмъ или за что? Упрямый король Густавъ IV думалъ, что походить на Карла XII, ибо имѣлъ нѣкоторыя изъ его странностей, забывъ, что не имѣлъ совсѣмъ воинской его храбрости, забывъ его уроны и жалкій конецъ. Онъ одинъ изъ Европейскихъ монарховъ (исключая Англіи) не соглашался еще признать Наполеона императоромъ, не хотѣлъ съ нимъ мириться. Россія должна была приневолить его ко вступленію въ общій союзъ противъ острова, враждебнаго всей твердой землѣ. Роль которую игралъ тогда Александръ, конечно могла казаться незавидною: во исполненіе какъ будто не собственной, а чужой воли, онъ вооружался всею силою своею противъ слабаго сосѣда, близкаго родственника, свояка, ничѣмъ его не оскорбившаго. Наше правительство, т. е. Государь и новыя его министры, смотрѣли на это иначе, какъ на начало развитія плана, съ общаго условія въ Тильзитѣ начертаннаго. Къ тому же, храбрость

Шведовъ, неограниченная власть и благородное безразсудство ихъ короля представляли единственный случай къ завоеванію Финляндіи; а опытъ показалъ, еще при Екатеринѣ, сколь Шведское сосѣдство можетъ быть опасно для Петербурга.

Въ первый разъ еще, можетъ-быть, съ тѣхъ поръ какъ Россія существуетъ, наступательная война противъ старинныхъ ея враговъ была всѣми Русскими громко осуждаема, и успѣхи нашихъ войскъ почитаемы безславіемъ. Какъ бы то ни было, наши солдаты, подъ предводительствомъ главнокомандующаго графа Буксгѣдена, дѣлали свое дѣло, шли все впередъ, встрѣчая мало сопротивленія, находя даже помощь въ измѣнѣ многихъ недовольныхъ королямъ. Сей послѣдній изумился, не хотѣлъ сначала повѣрить такой несправедливости; но, убѣдясь въ ней, поступилъ, несчастный, какъ Азіатскій деспотъ: велѣлъ Русскаго посланника лишить свободы и тѣмъ далъ справедливый поводъ къ войнѣ, которая дотолѣ ограничивалась какъ будто одними демонстраціями.

Съ напряженными силами начала Швеція защищаться. Говорить объ этой войнѣ мнѣ еще придется; но описывать, даже начало ея, кажется, не мое дѣло. Истинно-военные люди всегда находятъ причины ко всякой войнѣ справедливыми: имъ лишь бы подраться. Вотъ почему зять мой скорбѣлъ о томъ, что разстройство, неисправность его полка осуждаютъ его на мирное пребываніе въ уѣздномъ городѣ Тихвинѣ, куда въ Мартѣ мѣсяцѣ велѣно было ему полкъ сей отвести. Онъ не зналъ, что война сія безъ него не кончится, или, лучше сказать, имъ кончится.

Мѣсяца два или три прожилъ я самымъ пріятнымъ образомъ, въ семейномъ кругу, что въ Петербургѣ случалось со мной рѣдко. Только въ Апрѣлѣ сестра моя поѣхала къ мужу, а братъ мой Николай отправился въ Воронежъ, гдѣ находились его дѣти.

На смѣну той и другому скоро пріѣхалъ старшій, тогда несчастный братъ мой Павелъ. Часто невинные страдаютъ за виновныхъ и вмѣстѣ съ ними. Трудно было Императору отличить тѣхъ отъ другихъ, когда позднее доставленіе амуниціи и съѣстныхъ припасовъ къ дѣйствующей арміи и худое ихъ качество обличали комисариатскихъ и провіантскихъ чиновниковъ въ умышленной, злонамѣренной неисправности. Еще осенью обоимъ штатамъ объявлена опала, и служащіе въ нихъ лишены чести носить общій армейскій мундиръ. Взамѣнъ никакого имъ дано не было; впоследствии сочинили для нихъ мундиръ, весьма бѣдный, похожій на тотъ, который носятъ полковые лѣкаря, и назначили его въ награду только тѣмъ чиновникамъ, которые на дѣлѣ докажутъ свое усердіе и безкорыстіе. Сіе общее клеймо

пало и на брата моего, котораго оно убивало. Въ провіантской службѣ былъ ему лестенъ одинъ только военный мундиръ; въ продолженіе двухъ кампаній противъ Французовъ старался онъ отличиться отъ другихъ своихъ сослуживцевъ, имѣлъ право ожидать награды, ибо атестованъ и представленъ къ оной былъ отъ главнокомандующаго и корпусныхъ командировъ, и вмѣсто того подвергся общему наказанію. Съ отчетами вызванъ онъ былъ въ Петербургъ и по прибытіи немедленно представилъ ихъ военному министру. Никакого начету на него сдѣлать было не можно; но что всего ужаснѣе было для него, графъ Аракчевъ, опасаясь, чтобы малое число честныхъ людей не поспѣшило оставить службу, выпросилъ, вопреки дворянской грамоты, запрещеніе подавать въ отставку даже и тѣмъ, кои найдены будутъ совершенно исправными.

Въ это время внезапный упадокъ государственнаго кредита производилъ чрезвычайное уныніе и какъ будто оправдывалъ жалобы людей, болѣе другихъ вопіявшихъ противъ союза съ Наполеономъ. Не знаю, правда ли, что разрывъ съ Англіей и остановка морской торговли были тому причиной. Я могу только судить о дѣйствіяхъ и объ нихъ только могу здѣсь упомянуть. Асигнаціонный рубль, который въ Сентябрѣ еще стоилъ 90 копѣекъ серебромъ, въ 1 Января 1808 года упалъ на семьдесятъ пять, а весною давали за него только 50 копѣекъ серебромъ; далѣе и болѣе, черезъ три года, серебряный рубль ходилъ въ четыре рубля асигнаціями. Для помѣщиковъ, владѣльцевъ домовъ и купечества такое пониженіе курса не имѣло никакихъ вредныхъ послѣдствій, ибо цѣны на всѣ продукты по той же мѣрѣ стали возвышаться. Для капиталистовъ же и людей живущихъ однимъ жалованьемъ было оно сущимъ разореніемъ; кажется, съ этого времени начали чиновники вознаграждать себя незаконными прибытками. Людямъ, недавно купившимъ въ долгъ имѣнія на асигнаціи, пониженіе курса послужило обогащеніемъ и спасеніемъ вообще всѣмъ задолжавшимъ.

Прослыть честнымъ въ провіантскомъ штатѣ было также бѣда. Брата моего вызвали въ Петербургъ нарочно съ тѣмъ, чтобы скорѣе послать его въ Финляндскую армію. Едва недѣли двѣ или три успѣли мы пожить вмѣстѣ, какъ онъ долженъ былъ отправиться, полонъ грусти и унынія, безъ всякой надежды на повышеніе, даже безъ правъ на уваженіе, котораго военный министръ всѣхъ сихъ опальныхъ старался лишить.

Мнѣ вошло въ привычку, на свободѣ, вмѣсто дачи ѣздить каждое лѣто въ Пензу. Мой родитель, становясь старѣе, сдѣлался гораздо снисходительнѣе, если позволено мнѣ сказать, слабѣе въ дѣтямъ, и потому мнѣ нетрудно было получить его позволеніе на новую отлучку;

министерство также не затруднилось дать мнѣ отпускъ. Разставшись съ братомъ, мнѣ что-то стало грустно; къ тому же, отправляясь налегкѣ, онъ оставилъ въ полное мое распоряженіе хорошенькую дорожную коляску; я хотѣлъ ею воспользоваться и 22 Мая, помнится, выѣхалъ изъ Петербурга.

III.

Что достопримѣчательное могъ я встрѣтить отъ Петербурга до Москвы по дорогѣ, по которой проѣзжалъ я восьмой разъ въ жизни? Сама Москва, въ когорой никого не было изъ моихъ родныхъ и весьма мало знакомыхъ, представлялась мнѣ какъ покойный ночлеги. Но Русскому какъ будто грѣшно проѣхать Москву, не остановившись въ ней по крайней мѣрѣ дня три; къ тому же, заставили меня сіе сдѣлать нѣкоторыя необходимыя починки въ коляскѣ.

Мало заботясь о томъ, что происходило въ Европѣ, всѣ заняты были тогда домашнимъ важнымъ происшествіемъ, открытіемъ новаго гулянья на Прѣсенскихъ прудахъ. Я помню, когда я жилъ въ пансіонѣ Форсевиля, по близости случалось мнѣ съ товарищами проходить по топкимъ и смраднымъ берегамъ запруженнаго ручья Прѣсни. Искусство умѣло тутъ изъ безобразія сотворить красоту. Не совсѣмъ прямая, но широкая аллея, обсаженная густыми кучами деревъ, обвилась вокругъ спокойныхъ и прозрачныхъ водъ двухъ озеровидныхъ прудовъ; подлѣя гати замѣнены каменными плотинами, чрезъ кои прорвались кипящіе шумные водопады; цвѣтники, бѣсѣдки украсили сіе мѣсто, которое обнеслось хорошою желѣзною рѣшеткой. Два раза въ недѣлю музыка раздавалась надъ семи прудами, старъ и малъ, богатъ и убогъ толпились вокругъ нихъ. Съ великимъ удовольствіемъ былъ я на этомъ гуляньѣ; оно и по сю пору еще существуетъ въ прежнемъ видѣ, но почти совсѣмъ оставлено посѣтителами. Москвичи, какъ и всѣ мы Русскіе, въ этомъ случаѣ похожи на ребятъ: всегда обрадуются новой игрушкѣ, потомъ скоро она имъ надоѣстъ, и безпрестанно подавай имъ новое.

Честь и хвала, однакоже {учредителю гулянья сего. Въ прежнія времена, при Екатеринѣ и при Павлѣ камергеры, князь Тюфякинъ, князь Масальской завѣдывали мелкими, брошенными Московскими городскими и загородными дворцами, при каждомъ изъ коихъ было по смотрителю и по малочисленной прислугѣ. Императоръ Александръ, хотя послѣ коронаціи ни разу не заглядывалъ въ Москву, однакоже будучи, какъ извѣстно, великій строитель, чрезвычайно пекся объ ея украшеніи. Воспользовавшись сею склонностію, старый царедворецъ, Петръ, Степановичъ Валуевъ подалъ мысль учредить, родъ строитель-

ной комиссіи, подъ именемъ Кремлевской Экспедиціи, съ значительнымъ штатомъ и сдѣлать его начальникомъ оной. Москва много отъ этого выиграла: онъ былъ человекъ со вкусомъ, къ тому же гибкій, угодительный, часто ѣздилъ въ Петербургъ и умѣлъ выпрашивать суммы на поддержаніе старыхъ зданій, на распространеніе ихъ и на возведеніе новыхъ. Рядовой и весьма небогатый дворянинъ, онъ задумалъ быть знатнымъ, и какъ ни трудно было при Екатеринѣ достигнуть сего безъ заслугъ (чего не дѣлаетъ сильное желаніе!), онъ успѣлъ въ томъ. Женившись на дѣвицѣ, которая была въ близкомъ родствѣ съ сильными вельможами, онъ умѣлъ ими овладѣть и увѣрить, что честь ихъ требуетъ возвысить новаго родственника. Всѣхъ перещеголялъ онъ въ искусствѣ ловко нагибаться передъ любимцами Императрицы и презрительно смотрѣть на толпу, отъ коей началъ отдѣляться. Онъ былъ сдѣланъ камеръ-юнкеромъ, камергеромъ, а при Павлѣ оберъ-церемоній-мейстеромъ, потомъ при немъ же все таже пѣсня: осыпанъ наградами, отставленъ и высланъ изъ Петербурга. Послѣ того въ Москвѣ, убѣжищѣ всѣхъ удалившихся отъ двора вельможъ, естественнымъ образомъ онъ сталъ въ ихъ ряду, пока не создалъ себѣ въ ней пріятнаго служенія. Оставаясь однимъ изъ ея кумировъ (въ числѣ коихъ таже много истукановъ), онъ самъ однакоже не забывалъ часто ѣздить на идоломоленъ въ Петербургъ. Мнѣ случалось только его видѣть иногда; знавшіе же его лично сказывали мнѣ, что ничего не могло быть гибче его передъ силой и упруге передъ слабостью. Пусть оно такъ, наружная сторона Вознесенскаго монастыря, Синодальная типографія и Прѣсенскіе пруды останутся всегда славными его памятниками.

Послѣ недовольнаго Петербурга, поглядѣвъ на безпечную Москву съ удовольствіемъ, не совсѣмъ для нея лестнымъ, я отправился въ Пензу. Подъѣзжая къ Мурому, замѣтилъ я что-то неисправное въ колесѣ и взялъ осторожность поѣхать тише. Пріѣхавъ благополучно, увидѣлъ я, что если бы сотню сажень далѣе, былъ бы я съ коляской на боку: желѣзная ось совсѣмъ почти была переломлена. Братицу коляску оставилъ я на сохраненіе почтмейстеру, къ коему случайно имѣлъ письмо; безпрестанныя починки мнѣ надобли, и я поскакалъ на перекладныхъ, что мнѣ было не въ диковинку. Далѣе Сарацка, когда я выѣхалъ со станціи Ермоловки, жаръ сдѣлался нестерпимый, въ Россіи, въ первыхъ числахъ Іюня можно сказать невѣроятный: земля и небо казались раскаленными. Отъ совершеннаго изнеможенія, не смотря на частые толчки, я заснулъ. Когда черезъ часъ я проснулся, мнѣ показалось, что уже сумерки и меня кто-то давить; совершенно же очнувшись, я увидѣлъ, что черныя тучи совсѣмъ заводили небо и до того спустились на землю, что сдѣлались какъ бы досягаемы для

руки. Въ воздухѣ, который отъ сильнаго ихъ давленія сталъ удушливъ, царствовала грозная тишина. Она продолжалась не долго; цѣлые катаракты низвергались на грѣшную главу мою, и страшные громовые удары падали такъ близко, что казалось искали ея. Ямщикъ мой безпрестанно крестился и едва управлялъ лошадьми, которыя отъ испуга часто падали ницъ. Я потому позволяю себѣ говорить объ этой грозѣ, что подобной ей въ жизни не видывалъ. Мрагъ озарялся не однимъ блескомъ молній, но и пламенемъ зажженныхъ ими окрестъ лежащихъ деревень. На самой же дорогѣ, версть на десять до перваго селенія, Пелетмы, не было ни одного мѣста, гдѣ бы я могъ остановиться. Того не могъ я сдѣлать и въѣхавъ въ селеніе; ибо всѣ суетились, бѣгали, и я оглушенъ былъ крикомъ женщинъ, которыя вопили объ отцахъ или мужьяхъ, родственникахъ или сосѣдяхъ, убитыхъ грозою; на самой улицѣ видѣлъ я народъ, толпящійся вокругъ одного изъ тѣлъ. Итакъ, освѣщаемый молніями, долженъ былъ я ѣхать далѣе до станціи Кутли. Я никогда не хвалился храбростію, и потому не безъ труда повѣрять мнѣ, если скажу, что мало робѣлъ во время этого воздушнаго мятежа. Это много зависитъ отъ состоянія нервовъ; когда столь страшныя явленія не производятъ жестокаго испуга, то рождаютъ обыкновенно какой-то восторгъ. Его я болѣе чувствовалъ: блескъ, въ которомъ являлась мнѣ смерть, отнималъ бѣльшую часть ея ужаса.

Въ Кутлѣ унялись громъ и молнія; кончилась пѣззія грозы, но не прекращалась прозаическая часть ея, проливной дождь, который охолодилъ воздухъ. Въ открытой телѣгѣ, пробитый имъ до костей, дрожалъ я отъ лихорадки, а продолжалъ все ѣхать далѣе. Въ Пензенской губерніи вездѣ черноземъ; накатанная по немъ дорога въ сухое время становится тверда, какъ камень; растворенный же дождевою влагой превращается онъ въ клейкое вещество, которое липнетъ къ экипажамъ и колесамъ и отстать болѣе не можетъ; оттого-то тройка славныхъ коней съ трудомъ и медленно тащила мою легкую повозку. Наступила ночь, зги не было видно, безпрестанно встрѣчались овраги и новыя промоины, и дорога сдѣлалась совсѣмъ не забавна. Между тѣмъ грязь, насылаемая мнѣ копытами лошадей, покрывала весь плащъ мой, а на лицѣ моемъ образовала плотную маску. Проѣхавъ послѣднюю къ Пензѣ станцію Вазерки, налѣво отъ дороги увидѣлъ я огни въ господскомъ домѣ села Грабовки; измученный не могъ я долѣе выдержать, велѣлъ туда повернуть и рѣшился предстать хозяевамъ во всемъ своемъ безобразіи. Дѣйствительно они испугались и не вдругъ узнали меня. Какъ было не принять и не угостить губернаторскаго сына? Они сажались ужинать, но подождали, чтобы дать мнѣ время умыться. Пока продол-

жается ужинъ, дайте мнѣ, читатель, поразсказать вамъ, кто таковы были владѣльцы села Грабовки, меня гостеприимно призрѣвшіе.

Давно, очень давно, прежде описываемаго мною времени, близъ Пензы жилъ счастливо одинъ добродушный и богатый помѣщикъ, Аполовъ Никофоровичъ Колокольцовъ, степенный, кроткій, всѣми уважаемый. Молодая, веселая и прекрасная жена, Елисавета Григорьевна и вокругъ нея пять цвѣтущихъ младенцевъ были радостію его жизни. какъ вдругъ злой судьбѣ захотѣлось посѣтить его жесточайшею изъ печалей. Внутри Россіи войска весьма рѣдко проходятъ черезъ города, а еще рѣже останавливаются въ нихъ; безпрестанныя войны и великое протяженіе границъ требуютъ тамъ ихъ присутствія; когда же невзначай показываются среди жителей, къ нимъ непривычныхъ, то обыкновенно горе мужьямъ и родителямъ! Послѣ Пугачевского бунта какой-то драгунскій полкъ цѣлый годъ простоялъ въ Пензѣ на безсмѣнныхъ квартирахъ; имъ начальствовалъ не старый еще полковникъ Петръ Алексѣевичъ Исленьевъ, смѣлый и предприимчивый, рослый и плечистый. Онъ умѣлъ понравился госпожѣ Колокольцовой; однакоже сія связь оставалась неизвѣстною не только довѣрчивому супругу (мужья суть обыкновенно послѣдніе, до коихъ такого рода тайны доходятъ), но и всѣмъ любопытнымъ кумушкамъ обоего пола, коими провинціальныя города всегда такъ наполнены.

Наконецъ, полкъ долженъ былъ выступить, и для любовниковъ пришла минута разлуки. Они, то есть болѣе она была въ отчаяніи и рѣшилась, по мнѣнію моему, на дѣло преступное. Желая въ послѣдній разъ угостить мнимаго друга, котораго полкъ былъ уже на дорогѣ, несчастный Колокольцовъ пригласилъ всю Пензу на прощальный для него пиръ въ то самое село Грабовку, о которомъ говорю. Онъ едва замѣтилъ смущеніе, въ коемъ хозяйка сѣла за столъ; когда же поднялась чаша за здравіе отъѣзжающаго, она вдругъ встала и, заливаясь слезами, объявила, что не имѣетъ силъ съ нимъ разстаться и готова слѣдовать за нимъ всюду. Всѣ гости поражены были симъ театральнымъ ударомъ, вѣроятно приготовленнымъ самимъ Исленьевымъ, которому желалось цѣлый городъ сдѣлать свидѣтелемъ торжества своего и стыда почтеннаго Колокольцова. Сей послѣдній отъ изумленія онѣмѣлъ; любовь превозмогла справедливый его гнѣвъ, онъ палъ къ ногамъ виновной, прощая ея заблужденіе, именемъ дѣтей умолялъ ее не покидать ихъ и его. Она колебалась, когда Исленьевъ показалъ въ открытое окошко, какъ солдаты его выносятъ сундуки и чемоданы, въ которые наканунѣ тайкомъ уложила она свои пожитки. Колокольцовъ велѣлъ было дворнѣ своей оставить солдатъ; Исленьевъ указалъ на стоящій вблизи на коняхъ вооруженный эскадронъ, готовый по знаку его окружить домъ и сдѣлать

всякое сопротивленіе невозможнымъ. Кромѣ дневнаго разбоя, трудно такому поступку приискать приличное названіе. Хозяйка и гости поспѣшно оставили домъ, за часъ до того шумный и веселый; онъ опустѣлъ и наполнился единою горестію. Будемъ справедливы къ настоящему времени: согласимся, что при нынѣшнемъ правительствѣ и съ нынѣшними нравами столь безстыдная жестокость не могла бы быть терпима и не осталась бы безнаказанною.

Если не люди, то справедливое Небо почти всегда наказываетъ преступленія. Долго странствовала госпожа Колокольцова, таскаясь безпрестанно по походамъ за соблазнителемъ своимъ; она претерпѣвала всякаго рода нужды, въ городахъ чуждалась общества, но нѣкоторое время все была утѣшена продолжающеюся его привязанностію. Между тѣмъ онъ, какъ будто для приличія, женился; законную жену держалъ въ Москвѣ, а наложницу при полку или бригадѣ на полевой ногѣ. Время шло и поневолѣ все болѣе ихъ связывало; она старѣлась, онъ холодѣлъ къ ней; кончилось тѣмъ, что она надоѣла, омерзѣла ему, и сколь они оба ни желали того, ни онъ отвязаться отъ нея, ни она оставить его долго не могли. Наконецъ, рѣшился онъ эту Ариадну бросить въ нищетѣ гдѣ-то на берегу Азовскаго моря*).

Тамъ нашли ее дѣти ея, давно уже совершеннолѣтнія. Соединенными мольбами склонили они оскорбленнаго отца дать кровь у себя въ домѣ блудной женѣ, болѣе двадцати пяти лѣтъ отъ него отлучившейся. Милосердія двери отверзлись передъ ней, а прежняя любовь за нею ихъ затворила. Дѣло удивительное! Престарѣлый Колокольцовъ влюбился въ обезцѣвленную старуху столь же страстно, какъ нѣкогда въ нее же, свою непорочную невѣсту. Счастіе и спокойствіе, бдиставшіе на первой зарѣ ея жизни, освѣтили опять и вечернюю.

Грабовка была оставлена владѣльцемъ своимъ; онъ уединился во вновь построенномъ для себя убѣжищѣ, въ другой, болѣе отдаленной отъ города деревнѣ; тамъ принялъ онъ заблудшую овцу свою. Еще нѣсколько лѣтъ до возвращенія ея, началъ онъ посѣщать Пензу и, въ намѣреніи жить открыто и пышно, построилъ въ ней самый большой, лучшій каменный трехэтажный домъ, который послѣ отецъ мой такъ дешево купилъ въ казну для губернаторовъ. Кающаяся грѣшница въ немъ не бывала: она не могла ожидать великой снисходительности отъ Пензенской публики и потому не смѣла или не хотѣла ей показываться,

---

*) Мерзкіе поступки не мѣшали Исленеву быть отменно храбрымъ и искуснымъ воиномъ. При Енгалерѣхъ былъ онъ уже генералъ-поручикомъ, а при Павлѣ отставленъ тѣмъ же чиномъ. Его неизмовѣрному мужеству приписывалъ отчасти Суворовъ удачный штурмъ Праги. Онъ тѣмъ былъ отличенъ, что получилъ прямо Владимирскую ленту 1-й степени, другой во всю жизнь не получалъ, сдѣдственно и не носилъ.

заперлась съ мужемъ въ деревнѣ, а онъ для нея готовъ былъ забыть цѣлый свѣтъ. Однакоже въ первые мѣсяцы губернаторства отца моего, стариннаго ея пріятеля и по первой его женѣ, родственника, любезное, даже нѣжное письмо его къ ней, въ первый и въ послѣдній разъ, вызвало ее въ Пензу изъ добровольнаго ея заточенія. Обхожденіе съ нею добродѣтельной и сострадательной матери моею послужило примѣромъ для другихъ женщинъ. Глядя на сихъ старыхъ, нѣжныхъ супруговъ, подумалъ я: кто бы могъ вообразить, чтобы въ промежуткѣ начала и конца согласной ихъ жизни былъ ужасный, даже отвратительный романъ.

Старшему сыну Димитрію Аполоновичу, женатому на дочери многорѣченнаго Богдана Ильича Огарева, Александрѣ Богдановнѣ, отдана была Грабовка во владѣніе еще при жизни родителей. Жена правомъ схожа была съ отцомъ, а мужъ съ матерью своею. Она имѣла всѣ тѣ свойства, кои особенно похвальны въ муштинахъ, строгія и твердыя правила, умѣренность въ рѣчахъ, осторожность въ поступкахъ, за то сухость и холодность въ женщинѣ непріятны. Онъ же имѣлъ нѣкоторыя изъ женскихъ слабостей, былъ несроменъ, легкомысленъ, добръ сердцемъ и золъ на словахъ. Онъ имѣлъ нѣкоторую образованность, зналъ иностранныя языки, довольно успѣшно занимался хозяйственными дѣлами, выписывалъ всѣ дозволенныя газеты, отчасти любилъ политическія новости, а еще болѣе городскія и за слишкомъ поспѣшное разглашеніе ихъ ссорился иногда съ знакомыми. Отъ отца своего получилъ онъ по наслѣдству любовь и уваженіе къ моему и всегда сохранялъ ихъ. Этой связи сылъ онъ обязанъ должностію губернскаго предводителя, на которую выбрали его уѣздные дворяне, почти всѣ преданные моему отцу и почти вездѣ составляющіе большинство.

Къ этой четѣ явился я ночью въ запачканномъ видѣ. Они уготоваривали меня переночевать; я не согласился, ибо всего оставалось мнѣ только 24 версты до Пензы, и, насытись, обогрѣвшись, спѣшилъ я кончить мое путешествіе. Тогда велѣли они шестерню лучшихъ лошадей съ ихъ конюшни заложить въ легкую и покойную коляску и, не смотря на грязь, на горы и овраги, я благополучно къ ней доѣхалъ, хотя впрочемъ далеко за полночь.

Я остановился въ нижнемъ этажѣ опустѣвшаго губернаторскаго дома. За нѣсколько дней до того отецъ мой переѣхалъ въ собственный, деревянный, на Дворянской улицѣ вновь выстроенный домъ, не столь большой какъ красивый: страсть его къ строеніямъ не оставляла его до конца жизни. Къ перемѣщенію его на новоселье была еще особая причина: въ Пензѣ съ любопытствомъ и нетерпѣніемъ, со страхомъ и надеждой ожидали одну важную особу, ни болѣе, ни менѣе

какъ сенатора, какъ ревизора. Кто знаетъ провинцію, тому извѣстно, сколь великимъ это почитается тамъ происшествіемъ. Отецъ мой придрался къ случаю, оказавъ ему учтивость уступкою казеннаго своего жилища и не обременивъ никого постоемъ, пожить въ домѣ, отъ котораго онъ былъ безъ памяти.

Надобно рассказать по порядку, какимъ образомъ, въ первый разъ еще во время управленія отца моего Пензенскою губерніей, велѣно было ревизовать ее. Послѣ отставки Бѣлякова никто не назначенъ былъ Саратовскимъ губернаторомъ. Временно управлялъ губерніею вице-губернаторъ Алексѣй Давыдовичъ Панчулидзевъ. Это такое лицо, которое давно желалъ изобразить я; не доставало только къ тому удобнаго случая.

Кажется, нѣтъ ни одного народа ни въ Европѣ, ни въ Азіи, кого бы представители, обрачки, не находились въ Русской службѣ и слѣдственно, наконецъ, не дѣлались Русскими дворянами, отчего сіе словіе у насъ такъ отличается отъ другихъ, чисто-Русскихъ, и становится помѣсю всѣхъ породъ. Нѣкто Давыдъ Панчулидзе, выходецъ изъ Грузіи, вѣроятно въ числѣ слугъ Грузинскихъ царевичей по временамъ въ Россіи поселяющихся, получилъ какой-то небольшой чинъ, а сыновей успѣлъ опредѣлить въ казенныя учебныя заведенія, въ кадетскіе корпуса, и они всѣ вышли въ люди. Грузинцы вообще не славятся великимъ умомъ, но на что онъ годится? И для успѣховъ не во сто ли разъ полезнѣе хитрость, свойственная всѣмъ жителямъ поработенной Азіи? Старшій сынъ Давыда, Алексѣй Панчулидзе съ 14-го класса служилъ въ Казенной Палатѣ и, не повидая ея, дослужился до чина статскаго совѣтника и должности вице-губернатора. Можно себѣ представить, какую великую опытность приобрѣлъ онъ въ финансовыхъ дѣлахъ столь богатой губерніи. Два раза былъ онъ вдовцомъ и женился въ третій разъ; но приданое всѣхъ трехъ супруговъ далеко не было достоточно, чтобы поддержать то великолѣпіе, коимъ изумлялъ онъ въ Саратовѣ. Не одинъ принадлежащій ему огромный и помѣстительный домъ, а два или три соединенные между собою галереями, и при нихъ множество службъ, обширный дворъ и безконечный садъ, почти внѣ города, занимали болѣе пространства, чѣмъ увеселительныя замки многихъ изъ Нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей. Этотъ очарованный замокъ служилъ гостинницей и ловушкой для всѣхъ пріѣзжихъ изъ обѣихъ столицъ и другихъ провинцій; во время пребыванія ихъ въ Саратовѣ, каждый изъ нихъ пользовался въ немъ помѣщеніемъ, освѣщеніемъ, отопленіемъ, столомъ и прислугой. Этого мало: бібліотека, каждый годъ умножаемая вновь издаваемыми книгами на Русскомъ и иностранныхъ языкахъ, въ которую самъ хозяинъ никогда не заглядывалъ, была къ услугамъ малаго

числа читающихъ его посѣтителей; оркестръ, при коемъ находились два-три Нѣмца капельмейстера, долженъ былъ при изъявленіи малѣйшаго желанія тѣшить столь же малое число любителей музыки; конюшня его, наполненная славными рысаками, и псовая охота были въ распоряженіи его гостей болѣе, чѣмъ въ его собственномъ. Возможно ли было устоять противъ обольщеній столь милаго хозяина, въ мѣстѣ, исключая дома его, лишенномъ всякихъ забавъ? Все это было для иногородныхъ; для служащихъ же въ Саратовской губерніи былъ онъ еще болѣе дѣрогъ и полезенъ: карманъ его сдѣлался каналомъ, чрезъ который протекая, Пактоль*) дѣлился на мелкіе ручьи и разливался по тощимъ ихъ нивамъ. Безкорыстнымъ губернаторамъ (кажется, былъ одинъ таковой, Нефедьевъ) умѣлъ онъ угождать всѣмъ, чѣмъ, исключая денегъ, угождать только было можно; съ другими ладилъ онъ посредствомъ дѣлежа. Всѣ оставались довольны, всѣ восхваляли щедрого, чудеснаго вице губернатора; всѣ знали, къ сотворенію такихъ чудесъ какія употреблялъ онъ средства, и всѣ согласно молчали о томъ. Но вы не знаете о томъ, читатель; объяснить ли вамъ сію тайну? Не говоря о множествѣ другихъ богатыхъ источниковъ, между которыми откупная часть, продажа горячаго вина, можетъ почитаться не послѣднимъ, въ Саратовской губерніи находится одинъ неисчерпаемый кладезь, Елтонское соляное озеро: теперь вы понимаете, я надѣюсь. Скажите, что такое казна? Общественный капиталъ. Послѣ того можно ли почитать похищеніемъ ея все то, что употреблено для пользы общества? Такими разсужденіями многіе, вѣроятно, извиняли г. Панчулидзева, всѣ тѣ, въ коихъ оставалось сколько-нибудь совѣсти.

Онъ самъ своею особой былъ вовсе не любезенъ; малъ ростомъ, блѣденъ, долгоносъ, угрюмъ и молчаливъ; яблонное дерево совсѣмъ не красиво, а любятъ его, ибо плоды его вкусны и сочны. Единственною или, по крайней мѣрѣ, главною его страстію было разчетливое тщеславіе. Никогда, ничего и никого не позволялъ онъ себѣ осуждать; напротивъ, ко всѣмъ порокамъ былъ болѣе чѣмъ снисходителенъ, смотрѣлъ на нихъ одобрительно, всѣхъ запятнанныхъ людей утѣшалъ своимъ участіемъ. Это уже много. Онъ дѣлалъ еще болѣе: не возставалъ даже противъ честности, никогда не преслѣдовалъ ея, почиталъ ее весьма извинительнымъ заблужденіемъ ума и, разчитывая, что сколько ни постоянно она гонима въ Россіи, однакоже по временамъ честные люди поднимаются въ ней и дѣлаются сильны.

Пока онъ послѣ Бѣлякова временно управлялъ губерніей, показала въ ней какая-то повальная болѣзнь. Дѣйствительно ли онъ испугался

*) Рѣка въ Лидіи, съ золотымъ пескомъ. П. Б.

или хотѣлъ придать болѣе важности своему донесенію, но онъ представилъ министру, что у него открылась чума. Въ такихъ случаяхъ, туда гдѣ нѣтъ генераль-губернаторовъ, для скорѣйшаго прекращенія зла, посылаются обыкновенно сенаторы съ особеннымъ полномочіемъ; выборъ же представляется министру внутреннихъ дѣлъ. Князь Куракинъ предложилъ Государю Козодавлева, преданнаго ему и имъ взысканнаго человѣка, во время его генераль-прокурорства бывшаго оберъ-прокуроромъ Сената, а потомъ герольдмейстеромъ. Въ концѣ Февраля отправился онъ со свитою чиновниковъ въ Саратовъ.

Такого ли человѣка, какъ Панчулидзевъ, сталъ бы такой человѣкъ, каковъ былъ Козодавлевъ, уличать во лжи или обвинять въ ошибкѣ, которая звела правительство въ чрезвычайныя, совсѣмъ излишнія издержки? Къ тому же, прилично ли было сенатору прокатиться даромъ и, надѣлавъ шуму, подобно синицѣ, не зажечь моря? Всѣ мѣры приняты, разставлены карантинныя, оцѣплены деревни, а отъ страшной заразы умерло всего девять человѣкъ. Не трудно было къ сему числу прибавить нуль, и сколь ни мало оно еще было, увѣрить въ донесеніи, что если тысячи не погибли, то отчасти государство должно за то благодарить бдительность неутомимаго вице-губернатора. Мѣсяца два съ половиною прошли прежде чѣмъ сдѣлано было это донесеніе, и тогда только когда зародыши, самые слѣды жестокой язвы были совершенно истреблены. Такъ безстыдно обмануть Царя тонкаго, недоувѣрчиваго, осторожнаго! И никто не взялъ труда объяснить ему смыслъ этой басни. Право, вмѣсто того чтобы гордиться пространствомъ Россіи, приходится иногда жалѣть о томъ, что разстояніе такъ часто мѣшаетъ истинѣ доходить до трона. Козодавлеву дали Александровскую ленту; всѣ сопровождавшіе его и съ хорошей стороны имъ замѣченныя губернскіе чиновники получили награды. Мнимая чума совсѣмъ кончилась, а началось настоящее, продолжительное, нравственное опустошеніе Саратовской губерніи: Панчулидзевъ назначенъ губернаторомъ. Сколь званіе сіе ни лестно было для его самолюбія, онъ безусловно принять его не могъ. Сдѣлать его губернаторомъ, лишивъ его Елтонскаго озера, значило тоже, что, подобно Антею, возвысить его, отдѣливъ отъ земли. Что такое былъ бы онъ безъ солянаго озера? Самсонъ безъ волосъ. Въ удовольствіе его, управленіе соляною частію перенесено и причислено къ должности гражданскаго губернатора.

Чтобы продлить на все лѣто пріятное внѣ столицы сенаторское пребываніе Козодавлева, министръ внутреннихъ дѣлъ придумалъ испросить ему приказаніе проѣздомъ обозрѣть Пензенскую губернію, рассмотреть нѣкоторыя оставшіяся безъ отвѣта прежнія жалобы жителей и производящееся дѣло по подложной просьбѣ въ отставку отца моего.

Тутъ былъ еще противъ него тайный умыселъ князя Куракина, какъ послѣ сіе открылось; въ секретномъ письмѣ просилъ онъ, Козодавлева именемъ старой дружбы, расхвалить все, даже то что не найдеть онъ слишкомъ исправнымъ. Не мнѣ осуждать его за то.

Объ этомъ отецъ мой, разумѣется, ничего не зналъ и, слыша, какъ Панчулидзевъ превосходилъ самого себя, какъ разнообразно потѣшалъ онъ пребывающаго въ Саратовѣ сенатора, не имѣя ни средствъ, ни намѣренія въ чемъ-нибудь равняться съ нимъ, нѣсколько затруднился въ томъ, какимъ образомъ ему принять избалованнаго угощеніями Козодавлева. При мнѣ болѣе недѣли со дня на день его ожидали; наконецъ, пріѣхалъ онъ съ семействомъ своимъ и довольно большою свитой. Въ уступкѣ для его жительства казеннаго дома видѣлъ онъ знакъ отмѣннаго къ нему уваженія и хотѣлъ отвѣчать на то вѣжливостію; потому отказался, опасаясь, какъ говорилъ онъ, подвергнуть губернатора и кратковременному стѣсненію. Родитель же мой, какъ отцы къ младшимъ дѣтямъ, какъ авторы къ послѣднимъ своимъ сочиненіямъ, такъ пріѣхавшій къ новому архитектурному творенію своему, что уже все лѣто не хотѣлъ съ нимъ разстаться, и я одинъ остался на раздольѣ въ губернаторскомъ домѣ. Отказъ занять его наши Пензенскіе недоброжелатели сочли немилостію сенаторскою, тѣмъ болѣе, что, по приглашенію одного помѣщика, который безъ ссоры чуждался нашего семейства, остановился онъ въ его домѣ. О семь помѣщикѣ не сказала я еще ни слова, и развѣ здѣсь придется о немъ поговорить.

Осипъ Петровичъ и Анна Петровна Козодавлевы родились въ одномъ году и въ одномъ городѣ; потомъ встрѣтились, влюбились, женились и, наконецъ, въ одномъ и томъ же году оба умерли. Сама природа приготовила ихъ другъ для друга, и судьба способствовала ихъ соединенію. Столь согласныхъ и нѣжныхъ супруговъ встрѣтить можно было не часто; ученію Апостола касательно браковъ «да будутъ двѣ души во единѣ» слѣдовали они съ точностію. Дѣйствительно они были какъ бы одно тѣло, изъ коего на долю одному достались кожа да кости, а другой мясо и жиръ. Каждый отдѣльно являлся болѣе или менѣе дробью; только въ приложеніи другъ къ другу составляли они цѣлое. Оттого во всю жизнь ни на одни сутки они не разлучались; къ счастью, Осипъ Петровичъ не былъ воинъ, не то Анна Петровна сражалась бы рядомъ съ нимъ. Оба замѣчательны были одинаковымъ безобразіемъ, и что еще удивительнѣе, въ обоихъ оно было не безъ пріятности. Имъ было тогда за пятьдесятъ лѣтъ; слѣдственно въ молодости это безобразіе могло быть и привлекательно, и тѣмъ объясняется взаимная ихъ страсть.

Одного семейнаго счастья не доставало имъ: у нихъ не было дѣтей. Имъ замѣнила ихъ любимая воспитанница. У Анны Петровны была

сестра, княгиня Елисавета Петровна Хилкова *), обѣ урожденныя княжны Голицыны; сей послѣдней Богъ не далъ ума, коимъ наградила старшую, за то благословилъ чрево ея. Одну изъ ея дочерей, въ честь тетки названную Анною, крестила Козодавлева и груднымъ младенцемъ взяла къ себѣ съ кормилицей. Родную дочь нельзя было болѣе любить, и дѣвочка, называя ихъ отцомъ и матерью, платила имъ величайшею нѣжностію, за то непростительнымъ образомъ чуждалась, даже гнушалась тѣхъ, коимъ обязана была жизнью. Съ перваго взгляда была она очень хороша собою, стройна какъ пальма, румяна какъ роза, бѣла какъ мраморъ. Пріятности, однакоже, черты лица ея не имѣли, и цвѣтъ волосъ у нея былъ самый странный: видно было, что время изъ рыжихъ сдѣлало ихъ темнорусыми, ибо изъ темноты ихъ все выскакивали яркія искры; они обрусѣли какъ бы рѣчь чужестранца, который бы правильно говорилъ по-русски, но съ иноземнымъ выговоромъ. Воспитана она была хорошо и въ семнадцать лѣтъ совсѣмъ не застѣнчива, съ невинною веселостію не подозрѣвала могущества красогы и никому не имѣла желанія нравиться. Гораздо послѣ, весьма уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ и будучи замужемъ за однимъ княземъ Щербатовымъ, какъ мнѣ сказывали, расчетливость произвела въ ней сіе желаніе. Но въ то время, никогда не видавъ Петербургскихъ баловъ, на кои ея не вывозили еще, плясать на Саратовскихъ и Пензенскихъ казалось ей верхомъ блаженства.

При отправленіи Козодавлева, нѣсколько чиновниковъ дано было въ его распоряженіе, и на возвратномъ пути его трое изъ нихъ находились при немъ въ Пензѣ. Флоръ Осиповичъ Доливо-Добровольскій, человекъ самый дѣятельный и проворный, былъ полицеймейстеромъ въ Могилевѣ, когда, при обзорѣннн сей губерніи, Козодавлевъ узналъ, оцѣнилъ и поваялъ его. Онъ его вытребовалъ въ видѣ старшаго адъютанта, когда ополчился противъ Саратовской чумы. Родъ Добровольскихъ и Кршижановскихъ въ Польшѣ и Западныхъ губерніяхъ и Евреиновыхъ въ Россіи весьма многочисленъ; ихъ названія ознаменованы крестомъ (кршижъ по-польски) и будутъ гласить позднѣйшему ихъ потомству о доброй волѣ, съ какою Израильскіе предки ихъ приняли христіанскую вѣру. Судя по красивымъ, но совершенно Іудейскимъ чертамъ лица Флора Осиповича, можно было полагать, что святое мѣропомазаніе, изъ семейства его, надъ нимъ первымъ совершено было. По происхожденію его и по должности, которую онъ занималъ, состояніе его

---

*) Въ Москвѣ я слышала, что эта женщина была гениально глупа. Ее кто-то увѣрилъ, что преставленіе свѣта будетъ въ тотъ годъ, когда Свѣтлое Воскресеніе придется въ Великій Четвергъ, и при началѣ каждаго года она съ трепетомъ о томъ справлялась.

могло быть и родовое, и благопріобрѣтенное; денегъ было у него много, онъ не скупъ былъ на нихъ, но умѣлъ дѣлать изъ нихъ полезное для себя употребленіе. Въ искусствѣ угождать начальству (не одною ревностною службой), въ то время довольно обыкновенномъ, былъ онъ не послѣдній. Особенно имѣлъ онъ даръ дарить нужныхъ ему людей и дамъ, усердно и ловко подъ именемъ бездѣлицъ предлагая имъ мелкія драгоценныя вещи, которыя подъ именемъ же бездѣлицъ безъ затрудненія могли быть приняты. Отъ сихъ бездѣлицъ, удачно посвященныхъ, собиралъ онъ въ послѣдствіи весьма полезные плоды. Дѣятельность не покинула его и въ старости: служа въ почтовомъ вѣдомствѣ, въ сѣдинахъ и въ лентахъ, и понынѣ скачетъ онъ по станціямъ, для осмотра будто бы состоянія почтъ въ Россіи.

Другой сенаторскій адъютантъ или секретарь былъ Андрей Петровичъ Римской-Корсаковъ, молодой человѣкъ небольшого роста, и я готовъ прибавить, и ума, въ которомъ корыстолюбіе только что развивалось, а самолюбіе было въ полномъ развитіи. Отецъ его, Петръ Воиновичъ, по деревнѣ, былъ сосѣдомъ графа Аракчеева, который, какъ известно, въ собесѣдникахъ своихъ не искалъ ни высокаго просвѣщенія, ни любезностей общежитія. Онъ коротко сошелся съ старымъ Корсаковымъ, потому что тотъ былъ великій весельчакъ, ѣдунъ и любодѣй, и выпросилъ у Государя фамилію его и правъ законныхъ дѣтей пяти сыновьямъ его внѣ брака рожденнымъ; въ числѣ ихъ былъ и тотъ, о коемъ говорю. Козодавлевъ, какъ человѣкъ придворный, любилъ въ немъ сына Аракчеевскаго друга, любилъ трудолюбіе его и политическое воспитаніе, которое надѣялся ему дать *).

Если третьему чиновнику Козодавлевъ оказывалъ менѣе вѣжливости и вниманія, за то любилъ его паче другихъ. Сего весьма зрѣлаго юношу звали Иванъ Никитичъ Вѣлокловъ. Слышали ли вы когда-нибудь такое названіе? Ужъ вѣрно нѣтъ и никогда болѣе не услышите: безъ рода и безъ племени, онъ умеръ безъ жены и безъ потомства. Вышедъ изъ тмы неизвѣстности, сей малый метеоръ посіялъ малое время займствованнымъ отъ Козодавлева тусклымъ блескомъ и опять послѣ него погрузился во мракъ. Онъ былъ довольно добрый малый, но ѣеспособный ни на какую должность, кромѣ той, которая составляетъ середину между приватнымъ секретаремъ и камердинеромъ. Если кто вспомнить, что говорилъ я о безплодіи друга моего Тургенева, тотъ конечно удивится, когда узнаетъ, что я почитаю его родоначальникомъ особаго рода людей въ Русской службѣ, которыхъ я на-

*) Изъ послѣдней должности, которую занималъ этотъ Римской-Корсаковъ, Волынскаго гражданскаго губерніатора, былъ онъ навсегда выгнанъ.

зову чиновниками-хлопотунами. До него въ колегіяхъ и канцеляріяхъ находились просто люди занятые или праздные, трудящіеся или числящіеся; онъ вымыслилъ нѣчто новое, подобно симъ искуснымъ женицамъ, которыя, при наслажденіи порокомъ, умѣютъ пользоваться всѣми почестями добродѣтели. Послѣдователи въ изобрѣтенномъ имъ искусствѣ далеко его опередили. Нынѣ каждый министръ имѣетъ при себѣ по чиновнику-хлопотуну, рѣдко болѣе одного. Они находятся при немъ неотлучно, безсмынно дневальными, всегда подъ рукой; они чинятъ ему перья, ничего не пишутъ, кромѣ пригласительныхъ его записокъ, рассылаютъ ихъ, исполняютъ его комисіи по дѣламъ службы, равно какъ и по домашнимъ его дѣламъ. Они ходятъ къ нему прямо въ кабинетъ, въ спальню, даже далѣе; имъ однимъ является онъ въ халатѣ, иногда въ рубашкѣ; при нихъ брѣтся, умывается. Тѣ, которые пользуются уже неограниченною его довѣренностію, проникаютъ въ слѣдъ за нимъ въ уединеннѣйшее мѣсто его жительства; тамъ, вдали отъ взоровъ другихъ докладчиковъ и толпы просителей, одни они присутствуютъ при семъ тайномъ возсѣданіи и даже тутъ представляютъ ему нѣкоторыя черновыя бумаги. Они гроза курьеровъ, предметъ любезностей директоровъ, глубочайшаго почтенія начальниковъ отдѣленій. При испрошеніи или раздачѣ награды, разумѣется, самые лакомые куски имъ достаются. Общая страсть ихъ *покровительствовать*: уставая отъ безпрестанно-согбеннаго и сжатаго положенія, они любятъ расправляться передъ тѣми, кто въ нихъ ищетъ. Но кругъ министерства, въ коемъ служатъ, для нихъ слишкомъ тѣсенъ: они выпрашиваютъ у своего министра рекомендательныя письма къ другимъ; о мѣстахъ, о чинахъ, о денежномъ пособіи хлопочутъ у директоровъ департаментовъ; по тяжбынымъ дѣламъ, за деньги или даромъ, ходатайствуютъ у сенаторовъ, у оберъ-прокуроровъ; за каждое оказанное имъ снисхожденіе требуется и отъ нихъ какая-нибудь послуга, и они становятся настоящими мѣнялами. Этой вѣчной суетѣ посвящаютъ они все свободное время, которое оставляютъ имъ занятія по прямой, или, лучше сказать, по косвенной ихъ обязанности, и это даетъ имъ, болѣе чѣмъ кому, видъ озабоченныхъ людей въ столицѣ. Послѣ всего сказаннаго нужно ли болѣе объяснять, какой родъ должности при Козодавлевъ исправлялъ Бѣлоклоцовъ, одинъ изъ первыхъ порожденій Тургенева *)?

Еще одинъ Пензенскій помѣщикъ самъ приписалъ себя къ свитѣ Козодавлева. Я объ немъ не говорилъ: дворянство сей губерніи такъ многочисленно, что дѣтъ возможности назвать всѣхъ членовъ его

*) Въ новѣйшее время, въ семь родъ болѣе всѣхъ были замѣчательны два человека: Николай Феодоровичъ Ремеръ и Гаврило Степановичъ Поповъ.

вдругъ, а только постепенно, при удобномъ случаѣ, выводить ихъ на сцену. Николай Порфирьевичъ Дубенскій былъ сынъ Порфирія и племянникъ Ксенофонта Гавриловичей, которые оба, если вѣрить преданіямъ, при умѣ и нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ, имѣли удивительную, непопятную охоту откармливать свиней. Изъ этого заключить можно, что ни который изъ нихъ не могъ служить Фонъ-Визину образцомъ въ изображеніи характера Скотинина. Однакоже время охоту сію превратило въ страсть, когда поля ихъ покрылись цѣлыми стадами сихъ животныхъ, и они ростомъ и дородствомъ стали равняться съ кабанями. Если пристально станешь разсматривать лица, то на физиономіи дѣтей почти всегда найдешь отпечатокъ склонностей, которыя имѣли ихъ родители. Желтовато-смуглое лицо молодого Дубенскаго всегда имѣло цвѣтъ и подобіе слегка копченаго окорока; изъ поръ его, даже безъ большаго жара, вмѣсто обыкновенной потной влаги, все проступали какъ бы частицы растопленнаго сала; сурово - потушенный взглядъ давалъ ему тоже нѣкоторое сходство съ любимцами его отца; но на этомъ оно и останавливалось. Кажется, онъ имѣлъ расположеніе къ толщинѣ, если бы желчь, которою онъ былъ преисполненъ, не поглощала бы и не истребляла въ немъ зародышей жира до того, что съ лѣтами кожа лица его потеряла свою первоначальную влажность.

Виновать, я находилъ большое удовольствіе въ его обществѣ: въ Пензѣ никто не могъ равняться съ нимъ умомъ и знаніемъ; въ другихъ мѣстахъ встрѣчалъ я много людей умнѣе его, но злѣе и завистливѣе никого не встрѣчалъ. Онъ готовъ былъ вредить всякому успѣху самаго добраго знакомаго (друзей у него не бывало): нелученіе къмъ-либо меньшаго чина, маловажный выигрышъ въ карты, любовь къ кому-нибудь даже противной ему женщины, все производило его досаду и весьма острыя, язвительныя насмѣшки. Умомъ побѣждалъ онъ однакоже иногда злость: онъ не любилъ отца моего, но гнушался подлыми его противниками и не хотѣлъ мѣшаться въ ихъ интриги. Жена его Елисавета Петровна, урожденная Гартунгъ, воспитанная въ Смольномъ монастырѣ, была въ Петербургѣ какъ-то знакома съ семействомъ Козодавлева; онъ же самъ, выпущенный при Екатеринѣ капитаномъ, не съ большимъ въ тридцать лѣтъ былъ оставленнымъ полковникомъ, не выдавъ никогда неприятельскаго огня. Поэтому и желалъ онъ сразиться по крайней мѣрѣ съ опасностями морской язвы, чрезъ покровительство жены вызванъ сенаторомъ къ нему въ помощь и за великіе подвиги въ дѣлѣ семъ произведенъ въ статскіе совѣтники. У него въ домѣ остановился Козодавлевъ. Всѣмъ извѣстно, какимъ блестящимъ образомъ служилъ онъ потомъ и какъ внезапно и постыдно упалъ онъ съ высоты, до коей достигъ.

Въ сношеніяхъ своихъ съ отцомъ моимъ, г-нъ Козодавлевъ не подавалъ повода къ малѣйшему неудовольствію; напротивъ, какъ будто нехотя бралъ первенство передъ нимъ, и часто упоминалъ о томъ, что въ чинѣ его моложе. Чтò касается до части угостительной, то онъ вывелъ его изъ затрудненія угадывать чтò можетъ ему быть пріятнѣе, и самъ указалъ на средство удовлетворить его желанія. Онъ просилъ губернатора о приказаніи ежедневно доставлять въ его домъ нужные для него съѣстные припасы и вести тому вѣрный счетъ, по которому при отъѣздѣ не оставитъ онъ сдѣлать уплату. Такъ какъ въ Пензѣ трудно было достать хорошаго вина, которымъ былъ наполненъ погребъ отца моего, то онъ его же просилъ снабжать онымъ, обѣщаясь по возвращеніи въ Петербургъ въ замѣну прислать ему цѣлый транспортъ. Богѣе ничего онъ не требовалъ, а то ли дѣло было въ Саратовѣ! Однакоже и этого было довольно и было бы даже слишкомъ много, еслибъ пребываніе его въ Пензѣ продлилось. Онъ былъ человекъ умный, добрый и просвѣщенный, съ весьма хорошимъ состояніемъ, и такое отсутствіе деликатности, конечно, было ни что иное какъ остатокъ дурныхъ обычаевъ прежнихъ временъ.

Приблизилось время Петровской ярмарки, и обыкновенный съѣздъ на нее чрезвычайно умножился прибытіемъ Саратовскихъ жителей и помѣщиковъ, пріѣхавшихъ на поклоненіе сенатору-благодѣтелю. Дворянство, купечество начали въ честь его давать праздники, на коихъ парцею была любимая дочь-племянница, княжна Анна Михайловна. Сдѣлавшись почти домашнимъ у Козодавлевыхъ, я замѣтилъ, что они того же ожидаютъ отъ отца моего, и такъ уже обремененнаго чрезвычайными расходами. Я началъ его уговаривать; дѣлать было нечего, и онъ рѣшился дать пиръ въ селѣ своемъ Симбухинѣ, который въ провинціи могъ почитаться великолѣпнымъ. Онъ думалъ, что тѣмъ и кончится; нимаго: Козодавлевымъ полюбились пировать на чужой счетъ, и они уже безъ зазрѣнія совѣсти стали сами напрашиваться. Въ Іюль мѣсяцѣ, не смотря на жары, должно было дать еще два бала: одинъ въ собственномъ домѣ, въ которомъ жилъ отецъ мой, а другой въ пустомъ губернаторскомъ, 22-го числа, въ день именинъ вдовствующей Императрицы. Все это, говорили, было ничто въ сравненіи съ Саратовомъ, гдѣ однакоже пиршества только сопровождали другія, гораздо важнѣйшія, пожертвованія. Великая разница въ положеніи двухъ губернаторовъ: одинъ только что вступилъ въ должность и имѣлъ тысячу средствъ къ вознагражденію себя за убытки, другой ни прежде, ни послѣ не имѣлъ ни одного и думалъ уже объ оставленіи службы.

Давно уже окончены были ничтожныя дѣла, порученныя въ Пензѣ разсмотрѣнію Козодавлева; а онъ все медлилъ отъѣздомъ, котораго

мы ожидали съ нетерпѣніемъ, не смотря на ласки, на любезности намъ расточаемыя какъ имъ самимъ, такъ и окружающими его. Ко всему этому присоединилось еще одно обстоятельство довольно неприятное и затруднительное. Бѣлоклововъ, который игралъ столь важную и столь низкую роль при сенаторѣ, затѣялъ влюбиться въ меньшую сестру мою Александру. Правиться ей онъ не могъ: онъ не былъ даже дурень, а имѣлъ одну изъ тѣхъ пошлыхъ фizioномій, которыхъ никогда не замѣчаешь, которыя видишь двадцать разъ, каждый разъ полагая, что это въ первый; но благодарность ли, или женское самолюбіе—онъ казался ей менѣе отвратителенъ, чѣмъ другимъ. Козодавлевъ ни мало не затруднился съ предложеніями обратиться къ отцу моему. Это была его любимая дочь. Онъ жестоко обидѣлся, но, стараясь не показывать того, только что нахмурился и отослалъ къ матери моей, говоря, что онъ въ эти дѣла не мѣшается. Она же, будучи предупреждена, отвѣчала, что ни за что не согласится прежде восемнадцати лѣтъ выдать замужъ дочь, которая едва только вступила въ семнадцатый годъ. Кажется, можно было это принять за учтивый отказъ; но Козодавлевы упрямилась видѣть въ томъ отсрочку, и внезапную холодность, которую показывала сестра моя, когда узнала, что дѣло становится серьезнымъ, почитать застѣнчивостію, стыдливостію провинціальной дѣвочки.

Наконецъ, въ Августѣ мѣсяцѣ, который у насъ считается первымъ осеннимъ, начались ихъ сборы къ отъѣзду. На дорогѣ былъ Саранскъ и его Успенская ярмарка; нѣжность Козодавлевыхъ къ моимъ родителямъ до того увеличилась, что, желая какъ можно позже съ ними разстаться, они начали уговаривать ихъ съ ними туда дѣхать. Вольно было отцу моему провожать сенатора, тащиться за нимъ; но трудно отказывать людямъ, которые умоляютъ и въ которыхъ имѣешь нужду. Итакъ, послѣ завтрака у насъ, всѣ вмѣстѣ отправились мы въ путь. На половинѣ дороги, своротивъ немного влѣво, приготовленъ намъ былъ ночлегъ у одного помѣщика, весьма замѣчательнаго человѣка, по его предварительному приглашенію.

Благодатный родъ чудаковъ, которыми и Москва, и провинція въ старину такъ были обильны, нынѣ совсѣмъ почти исчезъ. На перепутьи, у одного изъ сихъ послѣднихъ Могигановъ, не могу отказать себѣ въ удовольствіи остановиться передъ его памятию. Иванъ Федоровичъ Кошкаръ былъ счастливымъ смертнымъ: онъ былъ всегда веселъ, здоровъ, жилъ почти всегда въ деревнѣ, имѣлъ тысячу душъ. На туловищѣ его, имѣвшемъ видъ четвероугольнаго обруба или терма, торчала голова, какъ бы изсѣченная изъ темносѣраго мрамора съ бѣлыми крапинами, то-есть лицо его было смуглое и рябоватое. Приятную, забавную свою уродливость соединилъ онъ съ чудеснѣйшею кра-

сотой одной Ольги Васильевны. Въ первые годы супружества оставалась она ему вѣрною, и отъ того, къ сожалѣнію, всѣ дѣти наружностію въ него удались. До конца дней своихъ былъ онъ влюбленъ въ свою Оленьку и могъ любоваться собою, глядя въ восемь или девять зеркальцевъ, отражавшихъ его самодовольную харю. Нѣчто однакоже любилъ онъ едва ли не болѣе жены: музыкальное чувство было въ немъ врожденное, онъ имѣлъ вѣрный слухъ и самоучкою изрядно игралъ на скрипкѣ; ко всѣмъ странностямъ стариннаго покроя помѣщика прибавлялъ онъ всѣ проказы бѣшенаго меломана. Изрѣдка посѣщалъ онъ Петербургъ и имѣлъ причины всегда тамъ быть доволенъ сдѣланнымъ ему приѣмомъ: во многіе знатные дома на расхватъ его приглашали. Онъ никакъ не разбиралъ ни лѣтъ, ни званія, со всѣми обходился равно фамильярно и, чрезвычайно смѣшно изъясняясь по-французски, всѣхъ называлъ *mon cher*. Какъ кладу обрадовался ему Шаховской, снялъ съ него скорѣе слѣпокъ и по немъ удачно успѣлъ изваять двѣ оригинальныя фигуры Пентюхина и Транжирина въ своихъ комедіяхъ. Мнѣ случилось сидѣть подлѣ этого Кошкарова, во время концерта знаменитаго скрипача Роде; ничего не могло быть забавнѣе, какъ видѣть огромное его пузо, трепещущее отъ восторга и слышать тихо, чуть внятно произнесенныя слова: «Батюшка, Родюшка, голубчикъ, другъ мой!» Нужно ли говорить, что у такого чужовѣка былъ отличный оркестръ, когда въ это время, слѣдуя обычаю, другіе помѣщики, менѣе его богатые и не имѣвшіе понятія о музыкѣ, заводили свои капеллы. Смѣшно и жалко было смотрѣть на поминутныя ласки его Русскому капельмейстеру, который завелъ ему роговую музыку, можетъ быть лучшую въ Россіи и въ то же время явно былъ любовникомъ жены его. Она же, гораздо за сорокъ лѣтъ, все еще совершенная красавица, прекрасно насъ угостила. Сенатору и губернатору съ судругами, разумѣется, отведены были особыя комнаты, а насъ, другихъ, прочихъ, кое-какъ уложили спать. На другой день, съ ранняго утра до поздняго завтрака, потчивали насъ музыкой; послѣ того отправились мы далѣе и къ вечеру пріѣхали въ Саранскъ.

Ярмарка въ самомъ разгарѣ: скачка, шумъ, крикъ въ небольшомъ городѣ, тѣсное помѣщеніе въ жаркое время года, все это, къ счастью, весьма не полюбилось Козодавлевымъ; угощеніе, впрочемъ, довольно богатаго городничаго Евсюкова также не слишкомъ понравилось имъ и, пробывъ только два праздничные дня, 15 и 16 числа, они 17-го насъ оставили. Отецъ мой поспѣшилъ обратно въ Пензу, куда призвали его и повѣрка собственныхъ домашнихъ счетовъ, и накопленіе дѣлъ во время веселой суматохи, произведенной присутствіемъ сенатора. Слѣдствіемъ оной между прочимъ была продажа любимаго его

новаго дома, который построилъ онъ экономически, долго отказывая себѣ во многихъ прихотяхъ.

Мнѣ также была пора скоро воротиться въ Петербургъ; до зимняго пути было еще далеко, а поздній осенній въ тогдашнее время, еще болѣе чѣмъ теперь, у насъ былъ настоящая пытка. Помаленьку сталъ я собираться и совсѣмъ готовъ былъ отправиться, какъ одинъ весьма пріятный случай заставилъ меня на нѣсколько дней отложить свой выѣздъ. По утру, 7 Сентября, почтмейстеръ къ отцу моему принесъ съ почты пакетъ, въ коемъ находились Государевъ рескриптъ и Аннинская лента. Куракинъ ожидалъ только окончательнаго, требуемаго имъ донесенія Козодавлева, чтобы сдѣлать сильное, убѣдительное представленіе Царю. Это было торжество, побѣда надъ врагами, но объ одержаніи ея такъ много и такъ долго, право, не стоило заботиться, а не лучше ли бы было давно отойти съ миромъ, особенно тогда, какъ званіе губернатора годъ отъ году примѣтно упадало? Какъ однакоже ордена въ то время не потеряли еще совсѣмъ цѣну свои, особенно же ленты и звѣзды, то полученіе такой награды, хотя довольно цѣдно, обрадовало моихъ родителей. Семь лѣтъ отецъ мой былъ на губернаторствѣ, и я заставилъ его засмѣяться, когда, поздравляя его съ царской милостью, сказала, что онъ получилъ ее за семилѣтнюю войну съ негодяями. Многие изъ его приверженцевъ хотѣли давать ему обѣды, балы; онъ отклонилъ отъ себя сіи почести, ибо съ Козодавлевымъ долженъ былъ напередъ отпраздновать послѣдній успѣхъ свой по службѣ. Въ семейномъ кругу, съ малымъ числомъ коротко знакомыхъ, провели мы нѣсколько пріятныхъ дней.

Въ братниной коляскѣ, привезенной мнѣ изъ Мурома, выѣхавъ я изъ Пензы въ день Воздвиженія Креста, 14 Сентября. Отъѣхавъ не болѣе двѣнадцати верстъ, встрѣтилъ я тяжело нагруженную четверомѣстную карету; сидѣвшая въ ней вскрикнула и велѣла остановиться. Это была сестра моя Алексѣева. Ея мужъ выступилъ въ походъ противъ Шведовъ, а она, въ разлукѣ съ нимъ, спѣшила къ родителямъ и къ двумъ малымъ сыновьямъ, которые съ учителемъ около года находились въ домѣ у дѣдушки. Отъ этой встрѣчи цѣлымъ получасомъ опоздала она къ нимъ на свиданіе.

Время мнѣ благоприятствовало, оно было сухое, теплое; въ сутки часа на три или на четыре становилось даже жарко. Ночью однакоже бывало холодно. Отъ частыхъ перемѣнъ въ температурѣ я простудился, и въ самый день пріѣзда моего въ Москву схватила меня лихорадка; но два-три дня были для меня достаточны, чтобъ отъ нея освободиться. Французская труппа съ Филисой изъ Петербурга находилась тогда въ время въ Москвѣ; я пошелъ ее смотрѣть во вновь открытый, деревян-

ный, обширный, прекрасный театръ на Арбатской площади, который былъ построенъ въ замѣнъ сгорѣвшаго стараго, каменнаго Петровскаго театра и который черезъ четыре года самъ долженъ былъ сдѣлаться жертвою пламени. Одного только знакомаго встрѣтилъ я тамъ, и то довольно новаго; обрадовался же я Жуковскому, какъ будто вѣкъ съ нимъ жилъ. Цвѣтъ поэзіи въ немъ только что совершенно распустился, и въ непритворныхъ, искусственныхъ, веселыхъ разговорахъ благоухала вся душа его. Мнѣ показалось, что я въ Петербургѣ во Французскомъ театрѣ, сижу съ Блудовымъ; объ немъ мы не наговорились поневолѣ долженъ былъ я нѣсколько лишнихъ дней пребыть въ Москвѣ.

Хорошая, ясная погода между тѣмъ все какъ будто поджидала меня, чтобы сопутствовать мнѣ въ Петербургъ. Не было ни облачка на небѣ, ни малѣйшаго трепетанья въ пожелтѣвшихъ листьяхъ; такая осень случается иногда на Сѣверѣ, но очень рѣдко. Въ день Покрова Богородицы, 1-го Октября, когда я приблизился къ Петербургу, уже смерклось; я могъ однакоже замѣтить, что дачь еще не покидали, ибо со многихъ сторонъ подымались въ воздухъ фузеи и ракеты.

IV.

Хотя и пріѣхалъ я въ Петербургъ, но въ этой главѣ буду объ немъ говорить мало. Съ начала моего пріѣзда ничего особенно примѣчательнаго въ немъ не случилось. Государь находился въ Эрфуртѣ, для свиданія съ Наполеономъ въ сопровожденіи Румянцова, Аракчеева, Сперанскаго и многихъ другихъ приближенныхъ къ нему особъ. Императрицы продолжали жить въ загородныхъ дворцахъ, и знатные люди, изъ вѣрноподданческаго подражанія, забнули отъ сырости и стужи на своихъ дачахъ. Какъ я пишу для себя столько же, какъ и для другихъ, то главу сію намѣренъ посвятить однимъ семейнымъ воспоминаніямъ, которыя могли бы быть вовсе не занимательны для читателя, если бы сколько-нибудь не были связаны съ политическими происшествіями того года.

Недолго зятю моему Алексѣеву, шефу Митавскаго драгунскаго полка, дали¹ оставаться съ нимъ въ Тихвинѣ. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ вѣрно было ему, съ полкомъ своимъ, идти позади Ладожскаго озера въ Сердоболь, лежащій на старой нащей Финляндской границѣ; тамъ получилъ онъ² приказаніе пробираться черезъ лѣсистую и каменистую Карелію далѣе на Сѣверъ, чтобы соединиться съ корпусомъ генерала Тучкова.

Въ продолженіи лѣта, бѣлая часть Финляндіи была занята Русскими войсками; главный городъ ея, Абовъ, находился въ ихъ рукахъ; Свеаборгъ, неодолима твердыня, сѣверный Гибралтаръ, былъ взятъ или купленъ часто поминаемымъ мною графомъ Сухтеленемъ. Рѣдкіе и малые наши уроны противъ Шведовъ были тотчасъ вознаграждаемы важными надъ ними успѣхами. Корпусъ Тучкова (Николая Алексѣевича), по направленію къ Сѣверу, проникалъ во внутренность земли; другой корпусъ, подъ начальствомъ одного молодого генерала, подававшего дотошъ однѣ надежды, а тутъ оправдавшаго ихъ, подвигался впередъ вдоль берега Ботническаго залива.

Императрица Екатерина полководцевъ своихъ любила награждать въ ихъ дѣтяхъ, повышая ихъ въ малолѣтствѣ. Младшій сынъ фельдмаршала Каменскаго, графъ Николай Михайловичъ, не имѣя двадцати лѣтъ отъ роду, былъ при ней полковникъ. Я лично его знавалъ; онъ учился въ одномъ пансіонѣ съ братьями моими, остался съ ними пріятелемъ, и потому когда бывалъ въ Кіевѣ, какъ родной живалъ у насъ въ домѣ. Онъ былъ скромнѣе, ласковѣе, весьма недуренъ собою, въ голосѣ имѣлъ что-то нѣжное; я помнилъ постоянно пріятную его улыбку и съ трудомъ могъ повѣрить, что гнѣвъ его, подобно отцу, доходилъ иногда до изступленія. Пылкій, влюбчивый, онъ въ тоже время былъ чрезвычайно застѣнчивъ, могъ и не умѣлъ нравиться женщинамъ; слѣдствіе того тайныя наслажденія и муки еще въ молодости иссушили его тѣло и разстроили его нервы. Оттого-то, вѣроятно, не всегда онъ могъ владѣть собою; не смотря на то, всѣ подчиненные любили и уважали его за его умъ, за его благородное, доброе сердце. Едва начиная брить усы, былъ онъ уже генералъ-майоромъ и на Альпійскихъ высотахъ дѣйствовалъ отчаянно-геройски въ глазахъ героя Суворова, соперника отца своего; восхищенный имъ старецъ благословилъ его, и послѣ того онъ, Багратионъ и Милорадовичъ почитались въ арміи крестниками Суворова, какъ бы усыновленными имъ на полѣ битвы. Въ день Аустерлица, подъ Прейсшпгъ-Эйлау, подъ стѣнами Данцига, командуя бригадою или дивизіей, поддержалъ онъ свою репутацію неустрашимости и военнаго знанія. Когда въ Финляндіи поручили ему корпусъ, счастье продолжало ему улыбаться; ибо первое важное дѣло при Куортанѣ, гдѣ онъ отдѣльно начальствовалъ, было имъ выиграно. На время оставимъ его.

Жители малолюдной, бесплодной Карелии почти не знали употребленія хлѣба: имъ замѣняли его рыба, изобилующая въ ихъ озерахъ, и дичь, которою наполнены были ихъ густыя, непроходимыя дебри; всѣ они были звѣроловы. Когда Алексѣевъ, предводительствуя горсткію своихъ всадниковъ, вступилъ въ ихъ предѣлы, то по неумѣству сво-

ему, полагая, что идутъ грабить ихъ скудную собственность, и ободренные малочисленностію непріятелей, они всѣ вооружились. Первый переходъ черезъ лѣсистыя горы совершилъ Алексѣевъ благополучно, не встрѣтивъ ни малѣйшаго нападенія; но на другой день, чѣмъ далѣе сталъ онъ углубляться въ лѣсъ, положеніе его становилось опаснѣе: казалось, что каждое дерево превращалось въ стрѣлку, во всякомъ ущельѣ была засада. Онъ потерялъ уже нѣсколько драгунъ и началъ рассчитывать, что, подъ ударами невидимыхъ и вездѣсущихъ враговъ, ему не останется ни единого человѣка, когда онъ едва достигнетъ половины подлежащаго ему длиннаго пути. Потому рѣшился онъ воротиться въ Сердоболь и донести, что не видитъ возможности исполнить даннаго ему повелѣнія, если не дадутъ ему болѣе помощи.

Аракчеевъ, который никогда не видалъ непріятельскаго огня, который никогда не бывалъ на войнѣ, а изъ кабинета своего распоряжалъ однакоже въ то время военными дѣйствіями, увидѣлъ въ этомъ поступкѣ явную трусость. Еслибы Государь лично не зналъ Алексѣева и не вступился бы за него, то за осторожность свою могъ бы онъ жестоко пострадать. Придворные генералы смотрѣли съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ на опасности сей, по мнѣнію ихъ, побочной войны; однакоже, отъ нечего дѣлать, для прогулки, чтобы не терять привычки къ сраженіямъ и мимоходомъ схватить лишнюю награду, вызывались иногда въ ней участвовать. Умершій въ 1806 году отъ болѣзни, молодой любимецъ государевъ, князь Петръ Петровичъ Долгоруковъ, который въ жизни имѣлъ одну только славу нагрубить Наполеону наканунѣ Аустерлица, оставилъ по себѣ брата-близнеца и друга, князя Михаила Петровича, который заступилъ мѣсто его въ сердцѣ царевомъ и въ званіи генераль-адъютанта. Онъ въ этомъ случаѣ предложилъ свои услуги, которыя охотно были приняты.

Онъ пріѣхалъ въ Сердоболь и въ первыя минуты не захотѣлъ скрыть отъ Алексѣева инструкціи, данной ему Аракчеевымъ, въ которой онъ не весьма лестно отзывался насчетъ его храбрости. Можно себѣ представить отчаяніе и бѣшенство беззащитнаго противъ власти воина. Долгоруковъ, нѣсколько осмотрѣвшись, поразвѣдавъ, въ довереніи своемъ успѣшилъ оправдать Алексѣева и объявить, что онъ не тронется съ мѣста, если отрядъ его не будетъ усиленъ пѣхотой и артилеріей. Любимца Царя криводушный Аракчеевъ не смѣлъ обвинить въ слабости духа и отказать ему въ помощи.

Съ отрядомъ, вчетверо усиленнымъ, выступилъ князь Долгоруковъ. Сначала шелъ онъ осторожно; но испуганные жители не смѣли уже показываться, и на всемъ пути не слышалъ онъ ни одного выстрѣла. О благополучномъ совершеніи похода донесъ онъ въ Петербургъ, и

за сей трудный подвигъ произведенъ былъ въ генераль-лейтенанты. Соединившись съ Тучковымъ, онъ поставилъ его въ затруднительное положеніе, не хотѣлъ себя подчинить ему и началъ дѣйствовать отдѣльно. Онъ велѣлъ генералу Алексѣеву атаковать Шведовъ въ укрѣпленныхъ киркѣ и мызѣ Индесальми, а самъ съ веселымъ духомъ сталъ на пушечный выстрѣлъ отъ мѣста сраженія, чтобы распорядиться движеніями. Онъ родился для войны, любилъ ее, говорятъ, болѣе всего, былъ блистательно отваженъ и общалъ Россію хорошаго полководца. Случается иногда, хотя рѣдко, что слабые и угнетенные бываютъ явно покровительствуемы Небомъ, тогда какъ гордые, сильные между людьми гибнуть посреди торжества своего. Пока оскорбленный въ своей чести Алексѣевъ рвался доказать нелѣпость обвиненій Аракчеева и шелъ по узкой плотинѣ, черезъ малое озеро, прямо къ укрѣпленіямъ Индесальми, осыпаемый картечью и пулями, пущенное оттуда ядро вырвало бокъ у князя Долгорукова, который довольно еще далеко стоялъ верхомъ. Смерть генерала обыкновенно изумляетъ, смущаетъ, разстраиваетъ солдатъ, но только не Русскихъ: оживленные примѣромъ другаго начальника, воспламененные самою опасностію своего положенія, наши воины продолжали идти отчаянно на бой, непріатели выгнаны изъ укрѣпленій, разбиты, взяты въ плѣнъ, и дѣло совершенно выиграно. Алексѣевъ вышелъ изъ него цѣлъ и невредимъ, и честь этого дня конечно ему принадлежала.

Это было въ концѣ Октября, когда Государь только что воротился изъ Эрфурта. Онъ съ величайшею горестію узналъ о смерти Долгорукова, и не одинъ: всѣ надѣялись, что если одинъ братъ побранился съ Наполеономъ, то другому удастся побить его. Всѣ говорили, что подобно Эпаминонду, послѣдніе взоры его устремлены были на бѣгущаго непріателя. Какъ это несправедливо! Еслибъ онъ остался живъ, то могъ бы имъ быть; но сраженіе только что начиналось, когда ядро въ одну секунду, безъ страданій, превратило его жизнь. Тѣло его съ великими почестями привезено въ Петербургъ и предано землѣ въ Невской Лаврѣ *). Вступившій опять во всѣ свои права, Тучковъ, въ

---

*) Графъ Толстой, прозванный Американцемъ, о встрѣчѣ съ коимъ въ Сибири говорилъ я во второй части сихъ Записокъ, былъ остановленъ у Петербургской заставы, когда возвращался изъ путешествія вокругъ свѣта, потомъ провозенъ только черезъ столицу и отправленъ въ Нейшлотскую крѣпость. Приказомъ того же дня переведенъ онъ изъ Преображенскаго въ тамошній гарнизонный полкъ тѣмъ же чиномъ. Наказаніе жестокое для храбреца, который никогда не видалъ сраженій, и въ то самое время, когда отъ Востока до Запада во всей Европѣ загорѣлась война. По прибытіи Алексѣева въ Сердоболь, явился онъ къ нему и молилъ взять его съ собою. Молодой левъ наружностію и сердцемъ полюбился Алексѣеву, и онъ представилъ о томъ въ Петербургъ, но съ выговоромъ получилъ отказъ. Другое дѣло было съ Долгоруковыми: тому отказывать не

донесеніи своемъ, отдалъ полную справедливость Алексѣеву, которому, въ награду за его подвиги и въ вознагражденіе за понесенную имъ напраслину, дали Аннинскую ленту.

Почти въ тоже время, съ другой стороны, графъ Каменскій одержалъ свою вторую еще блистательнѣйшую побѣду при Оровайсѣ, послѣ которой могъ онъ дойдти до послѣднихъ предѣловъ Финляндіи и Ость-Ботніи: онъ сталъ на границѣ Лапландіи. Между тѣмъ, главнокомандующій графъ Буксгѣвденъ все оставался, съ главною квартирой, въ главномъ городѣ Абовѣ. Военный министръ въ перепискѣ съ нимъ обходился какъ съ подчиненнымъ, и давалъ ему предписанія, что Буксгѣвденъ не соглашался переносить терпѣливо; отъ того родились между ими ужаснѣйшая вражда и перекоры. Изъ мщенія подалъ Аракчеевъ къ подписанію Императора рескриптъ Каменскому на Георгіевскій орденъ второй степени, въ которомъ приписываетъ ему успѣхъ всей войны и называетъ его завоевателемъ цѣлой Финляндіи. Общее мнѣніе въ этомъ случаѣ только было согласно съ Аракчеевымъ; хотя всѣ и почитали Шведскую войну величайшею несправедливостію, утѣшались однакоже мыслию, что она служитъ приготовительною школой для будущихъ противниковъ Наполеона. А какъ онъ двадцати шести лѣтъ побѣждалъ при Арколѣ и Лоди, то во всякомъ молодомъ отличившемся генералѣ видѣли будущаго его соперника и защитника Россіи. Вотъ почему съ изъясненіями живѣйшаго восторга былъ принятъ Каменскій, когда, по окончаніи кампаніи, въ началѣ зимы, пріѣхалъ онъ въ Петербургъ.

Я ничего не говорилъ объ участи бѣднаго брата моего Павла, находившагося также въ Финляндіи. Она сдѣлалась ужасна. Не помню, въ какомъ корпусѣ или дивизіи былъ онъ провіантскимъ комисіонеромъ, какъ отъ осенняго, сыраго холода, въ угрюмомъ климатѣ сѣверной Финляндіи, впалъ онъ въ тяжкую болѣзнь и долженъ былъ на время сдать свою должность. Хотя незаконное, даже противузаконное самоуправіе въ Россіи удивлять не можетъ, но что за тѣмъ послѣдовало, едва ли покажется вѣроятнымъ. Въ Эрфрутѣ получилъ Аракчеевъ о томъ донесеніе и, полагая, что братъ мой отъ лѣности казался больнымъ, написалъ собственноручно: «до вступленія опять въ должность и по поступленіи въ нее, для поправленія здоровья, во время

смиѣли. Онъ за адъютанта находился подлѣ него въ ту минуту, какъ его убили. Онъ находился и въ свитѣ, сопровождавшей его тѣло; но какъ воспрещеніе вѣзжать въ столицу свято съ него не было, то опять остановили его на заставѣ. Ему велѣно было только присутствовать при церемоніи погребенія и тотъ же часъ опять выѣхать изъ Петербурга, только уже къ Преображенскому батальону, находившемуся въ Абовѣ, куда перевели его въ память Долгорукова.

сраженій посылать его въ самыя опасныя мѣста. Отъ Куопіо до Эрфуртъ довольно далеко, и до полученія отвѣта, къ счастью, братъ мой успѣлъ уже выздоровѣть; начальники однакоже не осмѣлились не исполнить сдѣланнаго надъ нимъ приговора, и онъ, не одинъ разъ, какъ бесполезная жертва, раздѣжалъ во фракъ подъ непріятельскими пулями. Всякое размышленіе о такомъ поступкѣ почитаю излишнимъ и привожу его здѣсь, какъ одинъ изъ тысячи примѣровъ безразсудной жестокости Аракчеева, которою омрачилась, можно сказать, осквернилась большая половина царствованія челоувѣколюбиваго Александра.

Встрѣтясь гдѣ-то съ братомъ, графъ Каменскій тотчасъ узналъ въ немъ прежняго пріятеля и школьнаго товарища, и бросился къ нему на шею. Всѣхъ предстоящихъ пріятно изумило такое обхожденіе корпуснаго командира, героя той эпохи, съ провіантскимъ комисіонеромъ. Не ругаясь за успѣхъ, онъ далъ ему слово сильно ходатайствовать за него по пріѣздѣ въ Петербургъ.

Я гдѣ-то упомянулъ о домѣ Т...ыхъ, котораго чуждался, предвидя въ немъ скуку. Отставной генераль-маіоръ Сергій Михайловичъ Т...въ былъ баринъ совсѣмъ стариннаго покроя; жена же его Катерина Николаевна, урожденная Дурасова, почти однихъ съ нимъ лѣтъ, была напротивъ модница и престащная щеголиха. Кто въ Петербургѣ не знавалъ тогда его бѣлокураго, почти сѣдаго, парика, лоснящагося искусственной бѣлизной лица ея, карминомъ натертыхъ щекъ и вѣчныя ея пунцовыхъ лентъ? Кто во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ не встрѣчалъ ихъ всегда? Шли слухи, что Аракчеевъ, только что выпущенный въ офицеры и едва ли не будучи кадетомъ, въ объятіяхъ этой женщины; тогда давно уже опытной, позналъ первые опыты любви. Если это одна клевета, то нѣтъ грѣха повторять ее: ибо, когда Аракчеевъ сдѣлался случайнымъ, сама г-жа Т...ва старалась, будто невольнымъ образомъ, выдавать ее за истину. Какъ сія добрая, хотя весьма не добродѣтельная дама, воспитывая молодаго тигра, не умѣла смягчить его нрава! Впрочемъ ей ли было укрощать его ярость, которая, можетъ быть, болѣе всего плѣняла ее въ немъ? Мальчикомъ, никому не знакомымъ, ему лестно было имѣть входъ въ гостиную и въ спальню генеральши; въ зрѣлыхъ лѣтахъ остался онъ вѣренъ сладостнымъ воспоминаніямъ и дружбѣ, которая скоро должна была замѣнить имъ любовь. Все это зналъ я, и собою пожертвовалъ для брата. При первой встрѣчѣ, лишь только показалъ я себя Катеринѣ Николаевнѣ особенно пріивѣтливимъ, какъ получилъ приглашеніе посѣщать ея домъ. Не знаю, какіе имѣла она на меня виды. Неужели во второмъ или въ третьемъ поколѣніи—сдѣлать меня наслѣдникомъ любезнаго ей лютаго звѣря? И не скорѣе ли ласкала она меня для меньшей дочери, хоро-

шенькой и бѣдной невѣсты? Съ своей стороны старался я со всѣми быть любезенъ. Мнѣ одному извѣстно, чего мнѣ стоило, чтобы сблизиться съ единственнымъ ея сыномъ Александромъ Сергѣевичемъ, моимъ ровесникомъ. Это былъ какой-то недоносокъ, недоростокъ, недоумокъ, худенькой и жиденькой, желтишкой и синенькой человѣчекъ, который, не бывъ малаго роста, лѣтъ до сорока казался мальчикомъ въ морщинахъ. Самой славной ворожеѣ не повѣрили бы тогда, еслибъ стала она предсказывать, что онъ будетъ нѣкогда важнымъ въ государствѣ человѣкомъ. Какъ отъ Т...вой, такъ и отъ графа Каменскаго, къ которому ходилъ я въ Петербургъ являться, узналъ я, что Аракчеевъ несправедливый гнѣвъ свой положилъ на милость и что братъ мой сдѣланъ постояннымъ членомъ главной провіантской комисиі въ Абовѣ.

Много удовольствій и много горестей должны были родители мои почувствовать въ этомъ 1808 году; самая жесточайшая ожидала ихъ въ концѣ его. Въ молодости своей лишились они пятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей обоего пола, изъ коихъ долѣе всѣхъ жила дочь Катерина, умершая пяти лѣтъ. Съ тѣхъ поръ смерть какъ будто щадила ихъ чадолубіе и не похищала ни одного изъ взрослыхъ членовъ ихъ семейства. Первою жертвою ея была любимая ихъ невѣстка, Варвара Ивановна. Два года оплакивалъ ее неутѣшный мужъ; тягостную жизнь свою посвятилъ онъ заботамъ о дзухъ младенцахъ, ею оставленныхъ; они воспитывались въ Воронежѣ, у Тулиновыхъ, и онъ часто отрывался отъ нихъ, чтобы ѣздить къ родителямъ въ Пензу. Въ началѣ Ноября установился санный путь, и онъ собирался въ дорогу, чтобы поспѣть къ 14 числу, дню именинъ отца нашего; лошади были запряжены, повозка подвезена, онъ началъ уже надѣвать шубу, какъ вдругъ неосторожно задѣлъ рукавомъ за заряженный пистолетъ, который хотѣлъ взять съ собою. Ударъ попалъ прямо въ середину лѣвой ладони и пробилъ ему руку насквозь. Рана была бы не смертельная, еслибы врачи были искуснѣе; но они спѣшили закрыть ее: тогда вся боль кинулась въ сердце, которое, какъ увѣряютъ, находится посредствомъ жилъ въ прямомъ соединеніи съ лѣвою рукой. Не оставалось никакой надежды на его спасеніе, и послѣ жестокихъ мученій, на третій день предалъ онъ Богу душу свою, непорочную, незлобивую, исполненную безпримѣрной любви ко всѣмъ своимъ близкимъ. Ему только что исполнилось тридцать лѣтъ. Привязанность его къ памяти жены такъ всѣмъ была извѣстна, что многіе полагали, будто онъ съ умысломъ прострѣдилъ себѣ руку; мнѣніе это было совершенно ложное: отцовскою нѣжностію былъ онъ прикованъ къ жизни и добровольно съ нею бы не разстался.

Его поджидали въ Пензу, когда онъ лежалъ уже въ землѣ; сестра моя Алексѣева, у родителей находившаяся, осуждена была объявить имъ о томъ наканунѣ того дня, который надѣялись они вмѣстѣ съ нимъ праздновать. Тогда только семейство мое узнало, какъ онъ былъ ему дорогъ. Скорбь о его потерѣ была у насъ общая, ощущаемая однакоже не всѣми въ равной степени. Во мнѣ она была смѣшана съ упреками совѣсти: дважды былъ онъ моимъ благодѣтелемъ, а я долго не могъ забыть отроческихъ огорченій, имъ когда-то мнѣ причиненныхъ! Отчаяніе матери моей было безпредѣльное, зато не столько продолжительное. Болѣе всѣхъ пораженъ былъ престарѣлый мой отецъ; сначала онъ какъ будто твердо устоялъ противъ сего удара, вскорѣ же потомъ самъ примѣтно началъ клониться къ паденію. Въ первый разъ еще въ жизни, служба и возлагаемая ею обязанности показались ему несносными, и онъ рѣшительно приступилъ къ исполненію намѣренія своего ее оставить.

V.

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ разошелся слухъ, который возбудилъ любопытство и участіе во всѣхъ жителяхъ Петербурга, отъ вельможи до мѣщанина. Государь ожидалъ въ себѣ дорогихъ гостей: королеву Прусскую, предметъ нѣжнѣйшаго и почтительнѣйшаго состраданія всѣхъ Русскихъ, и короля супруга ея. Никакое государство, не переставая существовать, не доходило еще до столь глубокаго униженія, въ какомъ находилась тогда Пруссія: столицы ея, крѣпости, всѣ главные города были заняты Французскими войсками, до выплаты огромной контрибуціи; въ одномъ только нетронутомъ углу, на самой Русской границѣ, въ небольшомъ городѣ Мемелѣ, въ небольшомъ частномъ домѣ жило, забившись, королевское семейство. Душевно соболѣзнуя о томъ, императоръ Александръ былъ въ Эрфуртѣ искуснымъ и жаркимъ адвокатомъ Пруссіи. Наполеонъ, у котораго начиналась война съ Гішпаніей, гораздо серіознѣе чѣмъ онъ ожидалъ, я готовилась другая, съ Австріей, имѣя нужду собрать вокругъ себя всѣ войска свои, показавъ, будто ни въ чемъ не умѣетъ ему отказывать и согласился очистить путь королю въ Берлинъ. Кажется, оба императора начинали уже тогда хитрить другъ съ другомъ. Тронутые симъ новымъ опытомъ дружбы нашего Царя, для изъявленія ему благодарности, король и королева захотѣли посѣтить его столицу, прежде возвращенія въ собственную.

Въ Петербургѣ всѣ толки шли болѣе о королевѣ, которая блистала прелестію красоты и въ тоже время двойнымъ величіемъ сана и несчастія. Любовь къ ней Русскихъ умножалась всею ненавистью

ихъ къ Наполеону, столь не рыцарски изливавшему всю злость свою противъ нея. Въ день Рождества, вечеромъ, ожидаемая чета, въ сопровожденіи принцевъ своего дома, прибыла въ Стрѣльну. На другое утро, 26 Декабря, были они встрѣчены съ почестями, можетъ быть, не совсѣмъ приличными, но всѣми одобряемыми, какъ великое утѣшеніе въ великихъ горестяхъ. Погода стояла суровая и холодная; какъ нарочно въ этотъ день сдѣлалась совершенная оттепель. Не доѣзжая до Петербургской заставы, отъ которой гвардейскіе полки стояли по обѣимъ сторонамъ улицъ до Зимняго дворца, королева остановилась на дачѣ Бергина, чтобъ переодѣться въ нарядное платье и сѣсть въ приготовленную для нея осмистекольную, раззолоченную карету. У этой заставы, Императоръ въ сопровожденіи великаго князя Константина Павловича, множества военныхъ генераловъ и нѣкоторыхъ посланниковъ иностранныхъ дворовъ, встрѣтилъ ее и оттуда вмѣстѣ съ королемъ и его свитой имѣлъ торжественный вѣздъ. Палили изъ пушекъ, это бы такъ; но въ православныхъ церквяхъ звонили въ колокола: этого бы, кажется, не слѣдовало дѣлать въ честь вѣнценосныхъ еретиковъ.

Одинъ человѣкъ былъ весьма примѣчательнъ въ это утро, безстыдно и нагло пользуясь большими правами своими: Французскій посоль Коленкуръ, когда всѣ были въ парадныхъ мундирахъ, и полиція никого не пускала по улицамъ, по которымъ долженъ былъ пройти церемоніальный поѣздъ, развѣзжалъ верхомъ между полками, одинъ, въ сюртучкѣ и круглой шляпѣ, съ видомъ величайшаго неудовольствія и даже досады; когда же проѣхалъ мимо его Государь съ королемъ, онъ пожалъ плечами и злобно усмѣхнулся. Это видѣлъ народъ, и еслибъ не былъ удерживаемъ страхомъ, закидалъ бы его грязью и камнями. Тутъ не было ничего обиднаго для Россіи, какъ послѣ оказалось: привыкнувъ видѣть своего императора окруженнаго толпою королей имъ побѣжденныхъ или имъ пожалованныхъ, Коленкуръ находилъ, что другой, равный ему императоръ, унижаетъ свое достоинство, воздавая такую честь тому, котораго бы могъ онъ считать едва ли не вассаломъ своимъ. Также увѣряли послѣ, будто онъ проникъ тайный замыселъ королевы, чтобы склонить Государя къ новому союзу съ Австріей, къ которому бы пристала Пруссія, и чтобы такимъ образомъ общими силами подавить, наконецъ, общаго врага. Если у нея было такое намѣреніе, то оно не имѣло никакого успѣха.

Начались въ Петербургѣ безконечныя празднества. Не смотря на склонность мою противорѣчить общему мнѣнію, не смотря на убѣжденіе, что намъ полезно доброе согласіе съ Франціей, я не могъ безъ умиленія думать о прекрасной жертвѣ ея властолюбія; не смотря на

свой трауръ, я искалъ всё случаи, чтобъ ее видѣть. Для насъ, горожанъ, не принадлежащихъ ко Двору и къ нему не представленныхъ, ихъ было немного; я всёми воспользовался и до сыта налюбовался ея красивымъ станомъ, безподобными плечами, очаровательною улыбкой и взоромъ. Между тѣмъ я видѣлъ только тѣ прелести, которыя двухгодное горе не совсѣмъ еще успѣло истребить въ ней.

Не одинъ прїѣздъ королевы, но также и обрученіе великой княжны Екатерины Павловны съ принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ, которое совершено 1-го Января 1809 года, было причиною необычайныхъ празднествъ этой зимы, фейерверковъ, иллюминацій, придворныхъ маскарадовъ и великолѣпныхъ баловъ. До сихъ поръ не знаю, правда ли, что Наполеонъ тогда же хотѣлъ разводиться съ Иозефиной, чтобы свататься за нашу красотку? Правда ли, что, узнавъ о томъ, она исполнилась ужаса и негодованія и, для избѣжанія такой участи, спѣшила замужествомъ съ бѣднымъ родственникомъ, младшимъ сыномъ весьма немогущественнаго Нѣмецкаго владѣтельнаго герцога? Странный выборъ ея, невзрачность, только что не безобразіе жениха могли бы заставить сему повѣрить, еслибъ дѣло не объяснилось желаніемъ ея не покидать Россіи и обѣщаніемъ будущаго супруга навсегда въ ней остаться. Впрочемъ могъ онъ ей и понравиться: о вкусахъ спорить нельзя. Она могла бы, если бы хотѣла, предпочесть ему другаго молодца, красиваго, виднаго, статнаго, принца Фердинанда Кобургскаго, который прискакалъ нарочно, чтобы искать ея руки и, будучи также меньшимъ, согласился бы на всё условія, какія бы захотѣли ему предписать. Плодовитый родъ Кобурговъ тогда уже начиналъ промышленать собою, но не такъ удачно, какъ въ нынѣшнее время*).

Замѣчательно было, что во всѣхъ иллюминированныхъ домахъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, согласно вождѣ Императора, вездѣ горѣли одни вензелевыя имена короля и королевы Прусскихъ, какъ бы въ доказательство, что всё сіи торжества происходили только по случаю ихъ прїѣзда. Одинъ лишь Коленгуръ, постоянно изъяслявшій въ нимъ презрѣніе, не согласился сообразоваться съ симъ, и на домѣ своемъ выставилъ одну огромную литеру Е, вензель невѣсты.

Въ продолженіе всего пребыванія короля и королевы стояли жестокіе морозы, и одинъ балагуръ замѣтилъ, что въ Петербургѣ вы-

*) Этотъ бѣдный Фердинандъ имѣлъ неудовольствіе не только тайно получить отъ казъ, но и жестокое приглашеніе быть свидѣтелемъ торжества своего соперника. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ утѣшился приобретеніемъ пребогатѣйшей Венгерки, которая заставила его принять фамильное имя свое—Когари и вступить въ подданство Австріи, даже, кажется, принять Католическую вѣру. Изъ корысти чего Нѣмцы князья не сдѣлаютъ!

живають Прусаковъ (такъ называется особый родъ таракановъ), точно также какъ въ деревенскихъ избахъ. Только въ день выѣзда ихъ, 20-го Января, сдѣлалась опять такая же оттепель, какъ и въ день ихъ прѣзда.

Во дни оны, жизнь каждаго частнаго лица такъ связана была съ политическими происшествіями, такъ много отъ нихъ зависѣла, что мнѣ приходится, хотя бы и не совсѣмъ мое дѣло, все говорить о союзахъ, о войнахъ, о мирныхъ трактатахъ. Къ концу зимы начали приготовляться къ новой кампаніи противъ Шведовъ; хотѣли нанести имъ рѣшительные удары и приневолить ихъ къ выгодному для насъ миру. На всемъ правомъ берегу Вотническаго залива не оставалось болѣе непріятельскихъ войскъ; чтобы напасть на нихъ, надобно было перейти на лѣвый берегъ, для чего открывался одинъ только путь, который огибалъ заливъ и пролегалъ чрезъ вѣчно-снѣжную Лапландію. Дѣло казалось затруднительнымъ; но морозы, противъ которыхъ нынѣ такъ вопіетъ наша изнѣженность, всегда во время были нашими сильными союзниками какъ въ нападательной, такъ и въ оборонительной войнѣ. Они оковали бурныя волны залива, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ усѣянный островами и шхерами онъ болѣе суживается.

Тогда въ головѣ Государя родился одинъ изъ тѣхъ дерзкихъ плановъ, коихъ выполненіе возможно только съ Русскими солдатами. Несогласіе между военнымъ министромъ и главнокомандующимъ Финляндскою арміею дошло до того, что одному изъ нихъ непременно надлежало удалиться, и конечно уже не Аракчееву. Одинъ Русскій генераль изъ Нѣмцевъ, Богданъ Ѳедоровичъ Кнорингъ, отличившійся нѣкогда при Екатеринѣ, прослывшій великимъ тактикомъ, призванъ былъ на мѣсто Буксгвдена. Ему велѣно было раздѣлить армію на три корпуса; первый отданъ былъ подъ начальство князя Багратіона, другой порученъ Барклаю-де-Толли, третій генераль-адъютанту графу Шувалову. Только послѣдній могъ идти естественнымъ путемъ, по твердой землѣ, чрезъ Торнео. Другіе же два, новые Фараоны, должны были проходить по морю аки по суху, по пучинамъ, покрытымъ лдяною корой. Что такое воинская слава въ Россіи, когда соотечественники и даже современники совершенно забываютъ столь отважныя предпріятія, увѣнчанныя успѣхомъ?

Всѣхъ удивило послѣ, что Каменскій не пожелалъ участвовать въ семъ дѣлѣ и во всемъ блескѣ своемъ закатился въ Орловской деревнѣ. Никто не подозрѣвалъ, какъ трудно ему было въ пылу сраженій сохранить свое хладнокровіе, съ какимъ напряженіемъ душевныхъ силъ старался онъ подчиненнымъ подавать примѣръ мужества и какъ съ разстройствомъ его нервъ нужно ему было на время ихъ успокоеніе:

Со смѣлостью почти безразсудною, свойственною однимъ только Русскимъ, на трехъ указанныхъ имъ пунктахъ, въ половинѣ Марта, генералы со вѣрными имъ войскомъ совершили чудесно-геройскіе свои подвиги; особенно же Багратионъ и Барклай, кои въ продолженіи трехъ или четырехъ-дневнаго перехода, при малѣйшей перемѣнѣ вѣтра, могли быть поглощены морскою бездною. Барклай изъ Вазы въ Умео перешелъ заливъ черезъ Кваркенъ, группу необитаемыхъ скалъ среди моря. Багратионъ овладѣлъ Аландскими островами, а передовой отрядъ его, подъ начальствомъ генерала Кульнева, на противоположномъ берегу, занялъ Гриссельгамъ въ виду Шведской столицы. О дѣйствіяхъ Шувалова пока говорить не буду.

Въ трепетномъ ожиданіи самъ императоръ Александръ отправился въ Абовъ. Весь планъ этого необычайнаго похода былъ имъ самимъ составленъ; ему хотѣлось показать міру, что вступать въ столицы, подобно Наполеону, для него дѣло также возможное. И что же? Воля его исполнена, войско его не погибло, а онъ воскипѣлъ гнѣвомъ и отчаяніемъ. При появленіи Русскихъ вблизи Стокгольма, сдѣлался тамъ бунтъ, и несчастный Густавъ IV, дѣйствительно нѣсколько помѣшанный, былъ свергнутъ съ престола, на который посаженъ дядя его, герцогъ Зюдерманландскій подъ именемъ Карла XIII. Узнавъ о томъ, разсудительный, благоразумный Нѣмецъ Кнорингъ въ семь домашнемъ переворотѣ увидѣлъ конецъ войны и, не проникнувъ намѣреній Императора и не дожидаясь дальнѣйшихъ его повелѣній, думалъ сдѣлать ему угодное, давъ приказаніе генераламъ идти обратно тѣмъ же опаснымъ путемъ. Я бы, мнѣ кажется, его задушилъ; терпѣливый Александръ удовольствовался наказанъ убійственно - презрительными словами и взглядами. Этотъ примѣръ долженъ былъ показать Государю, что на все рѣшительное, отчаянное предпочтительно должно употреблять Русскихъ; онъ бы вспомнилъ Бенигсена послѣ Прейсишъ-Эйлау и могъ бы убѣдиться, что часто Нѣмецкая осторожность отнимаетъ у насъ весь плодъ нашихъ успѣховъ. Именемъ Царя дали Кнорингу почувствовать, что ослу не довѣдетъ оставаться начальникомъ арміи. На его мѣсто назначили Барклая-де-Толли, котораго вмѣстѣ съ Багратиономъ произвели въ полные генералы; послѣднему дали другое назначеніе.

По прибытіи къ своему корпусу, графъ Шуваловъ объявилъ Алексѣеву, что какъ въ предстоящемъ походѣ кавалерія можетъ быть только затрудненіемъ, то, по распоряженіямъ военнаго министра, полкъ его велѣно отослать внутрь Финляндіи. Что же касается собственно до него, то именемъ Государя предложилъ онъ ему, какъ человѣку необходимому, участвовать въ предпринимаемомъ опасномъ дѣлѣ. Можно

себѣ представить, какъ предложеніе сіе обрадовало Алексѣева, а еще болѣе когда онъ получилъ рескриптъ отъ Царя, коимъ за изъявленное имъ согласіе объявлялъ онъ ему особое свое благоволеніе.

Тутъ случился одинъ человѣкъ, котораго, безъ всякаго преувеличенія, можно назвать совершеннымъ негодяемъ, но которому одинъ разъ, именно въ это время, удалось пригодиться Русскому войску. Нѣкто (настоящаго его имени до сихъ поръ еще никто не знаетъ), называющій себя Ансельмъ-де-Живори, былъ офицеромъ въ томъ отрядѣ Французской арміи, который, по Пресбургскому трактату, занялъ Илирію и Далмацію. Въ Боксиди-Катаро укралъ онъ полковой ящикъ съ казною и патентъ своего полковника; съ нимъ бѣжалъ онъ сперва въ Корфу и очутился наконецъ на флотѣ адмирала Синявина, находившагося тогда въ Средиземномъ морѣ. На адмиралтейскомъ кораблѣ былъ онъ только что свидѣтелемъ побѣды, одержанной Синявинымъ надъ Турками близъ Тенедоса и Аеонской горы. Съ Французскою наглостію выпросилъ онъ у Русскаго добродушія сильную о себѣ рекомендацію и мѣсто въ лодкѣ, повозкѣ или коляскѣ отправляемаго съ извѣстіемъ о побѣдѣ морскаго штабъ-офицера.

Прежде нежели пріѣхалъ онъ въ Петербургъ, былъ уже заключенъ Тильзитскій миръ, что нѣкоторымъ образомъ должно было разстроить его замыслы. Онъ, однакоже, не оробѣлъ, и пока отличившійся, скромный морякъ представлялъ официально донесенія своего начальства, разливался уже онъ по гостивымъ и съ притворнымъ восторгомъ, въ преувеличенномъ видѣ, не забывая себя, описывалъ чудесные подвиги Русскихъ офицеровъ и матросовъ. Угождая общему мнѣнію, выдавалъ онъ себя за стариннаго дворянина, въ душѣ роялиста, поневолѣ служившаго тирану Франціи, и въ тоже время за бывшаго адъютанта, друга и приверженца республиканскаго генерала Моро, извѣстнаго врага и соперника Бонапарте. Гоненія имъ отъ того претерпѣваемыя заставили его, наконецъ, покинуть побѣдоносныя Французскія знамена. На украденный имъ и будто полученный знакъ Почетнаго Легіона при всѣхъ онъ плевалъ. И всѣмъ этимъ нелѣпицамъ вѣрили и вездѣ осыпали его похвалами. Онъ потребовалъ себѣ Георгіевскій крестъ на шею, а ему дали Владимирскій третьей степени, и онъ казался тѣмъ не совсѣмъ доволенъ. Потомъ сталъ онъ проситься въ службу, а какъ тирана его уже признали императоромъ, то и приняли его тѣмъ чиномъ, въ которомъ онъ ему будто бы служилъ, то-есть полковникомъ по кавалеріи, и отправили въ Финляндію. Тогда уже были на лицо Савари и Коленкуръ и имѣли все право вытребовать бѣглеца и вора; они того не сдѣлали: можетъ быть тайно смѣя-

лись надъ легковѣріемъ Русскихъ, можетъ быть, тайно и употребляли его.

Онъ не показывалъ трусости при встрѣчахъ съ непріателемъ, и это одно въ Русской арміи спасло его отъ совершеннаго пренебреженія, которое безъ того постигло бы сего безстыдника, лгуна и сквернослова. Товарищи смѣялись надъ нимъ, а начальники сдѣлали изъ него шута. Онъ являлся къ Шувалову (который до того о немъ не слыхивалъ) и съ первыхъ словъ ему чрезвычайно понравился. Графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ, сынъ графа Андрея Петровича, пріятеля Вольтера и Лагарпа, писателя Французскихъ стиховъ, автора посланія къ Нинонѣ, былъ воспитанъ совершенно на Французскій манеръ, какъ всѣ баричи того времени. Онъ былъ человѣкъ добродушный, благородный и храбрый, одинъ изъ любимцевъ Императора, и долженъ бы былъ быстрѣе шагать на военномъ поприщѣ, если бы смолоду не имѣлъ несчастной совѣсьмъ не аристократической привычки придерживаться хмѣльнаго.

Не ожидая съ другихъ сторонъ нападенія, почитая его невозможнымъ, Шведы сосредоточили всѣ остатки силъ своихъ въ Торнео, на единственномъ пунктѣ, который Шувалову надлежало атаковать. Числомъ были они гораздо сильнѣе, чѣмъ десяти тысячный Русскій корпусъ. Дѣло едва только началось; послѣ небольшой перестрѣлки, отъ которой съ обѣихъ сторонъ убито и ранено человѣкъ десятка полтора, всѣ изумились, когда увидѣли, что Шведы, прекративъ пальбу, прислали сказать, что они сдаются въ плѣнъ со всѣмъ оружіемъ и военными снарядами. На всякой случай легкій отрядъ былъ посланъ къ нимъ въ тылъ, а между тѣмъ Ансельмъ-де-Жибори, съ согласія Шувалова, явился въ ихъ станъ болѣе въ видѣ переметчика, чѣмъ парламентаря. Изобразивъ имъ всю ненависть свою противъ Русскихъ варваровъ, среди коихъ завелъ его несчастный случай, всю братскую нѣжность, которая соединяетъ южныхъ Французовъ съ сѣверными (какъ Шведы любятъ чтобъ ихъ называли), онъ учетверилъ въ глазахъ ихъ число нашихъ солдатъ, увѣрилъ ихъ, что они отрѣзаны, что они въ западнѣ и, не видя для нихъ другаго спасенія, дружески совѣтовалъ имъ положить оружіе. Они его послушались, и когда уже поздно увидѣли свою ошибку, многіе изъ нихъ приходили въ такое бѣшенство, что ломали шпаги и ружья, которыя должны были влечь передъ побѣдителями. И говорить нечего! Вся слава этого дѣла принадлежитъ обманщику Французу; за это произвели его въ генераль-майоры.

Не видя передъ собою болѣе препятствій и, по чрезвычайной отдаленности отъ главной квартиры, гораздо позже другихъ получивъ

отъ Кноринга приказаніе воротиться, графъ Шуваловъ продолжалъ подвигаться уже съ Сѣвера на Югъ.

Въ продолженіе всей зимы, отецъ мой неоднократно обращался къ князю Куракину съ просьбой о дарованіи ему свободы, то-есть о испрошеніи ему всемилостивѣйшаго увольненія отъ службы. Еще чаще писалъ онъ о томъ къ Козодавлеву, котораго въ началѣ зимы министръ внутреннихъ дѣлъ выпросилъ къ себѣ въ товарищи. Съ своей стороны, исполняя родительскую волю, я не оставлялъ напоминать о томъ Осипу Петровичу, котораго домъ я нерѣдко посѣщалъ, пользуясь приглашеніемъ обоихъ супруговъ и ласковымъ ихъ приемомъ. Домъ ихъ, не совсѣмъ еще вошедъ въ составъ высшей аристократіи, примѣтно однакоже начиналъ подыматься. Ни министръ, ни товарищъ его не хотѣли вѣрить чистосердечному желанію отца моего. Смерть сына, и еще не единственнаго, не казалась имъ такимъ несчастіемъ, въ которомъ нельзя бы быть утѣшену временемъ, разсѣянностію, даже заботами, и особенно же почестями. Они забывали, что ему было подъ семьдесятъ лѣтъ; не понимали, что рановременная смерть сына какъ будто возвѣщала ему близость собственной; не знали, что въ жизни, особенно въ преклонныхъ лѣтахъ, для чловѣка, испившаго всѣ горести ея, приходитъ время, въ которое становятся ему противны даже ея наслажденія. Въ день рожденія Императора, 12 Декабря (1809) три или четыре сенатора, моложе отца моего въ чинѣ, были по старшинству произведены въ дѣйствительные тайные совѣтники; они полагали что это его огорчило. Доброжелательный ему честолюбецъ Куракинъ, видя въ мѣстѣ имъ занимаемомъ препятствіе къ повышенію, хотѣлъ его утѣшить сенаторствомъ и искалъ только удобнаго случая доложить о томъ Государю. Этого нельзя было сдѣлать безъ министра юстиціи, а князь Лопухинъ, преемникъ Куракина въ генераль-прокурорской должности, давнишній соперникъ его при Павлѣ, тайный недругъ его, хотя и не отказывалъ, но и медлилъ дать свое согласіе. Въ это время съ Государемъ въ Абовъ поѣхалъ Сперанскій, любимѣйшій изъ гражданскихъ чиновниковъ его окружавшихъ, къ тому же товарищъ министра юстиціи; съ нимъ отправленъ былъ за подписаніемъ двухъ министровъ докладъ о назначеніи отца моего сенаторомъ. Онъ совсѣмъ забылъ, что Куракину обязанъ былъ первыми, быстрыми шагами своего счастливаго поприща, но не забылъ и никогда не могъ простить ему того, что былъ у сына его учителемъ. Пользуясь раздраженіемъ Царя противъ Кноринга, онъ умѣлъ сдѣлать ему такой докладъ, что заставлялъ его поступить совсѣмъ по-отцовски.

Довольно замѣчательно, что указъ, данный въ Абовѣ, коимъ отецъ мой увольняется отъ службы съ пенсіономъ, послѣдовалъ 5 Апрѣля, въ

то самое число и мѣсяць, въ которые, одиннадцать лѣтъ передъ тѣмъ, былъ онъ отставленъ Павломъ Первымъ, и что въ этомъ указѣ также ничего не упомянуто о его просьбѣ. Довольно странно и то, что 5-е Апрѣля, число несчастное для отца моего, въ послѣдствіи было для меня счастливымъ днемъ и что три раза въ этотъ день получалъ я потомъ пріятнѣйшія награды. Родителя моего это вѣрно менѣе огорчило, чѣмъ князя Куракина: онъ призвалъ меня къ себѣ и, объявляя о томъ, обѣщаль, что меня по крайней мѣрѣ постарается вознаграждать за то, чего не успѣлъ сдѣлать для него.

Извѣстіе объ отставкѣ родителя принялъ я, долженъ признаться, съ великимъ удовольствіемъ. Унизительная борьба его съ людьми, недостойными взгляда сего необыкновеннаго человѣка, хотя и прекратилась, могла однакоже возобновиться. Спокойствіе, которымъ долженъ былъ онъ пользоваться среди деревенской жизни, обѣщало мнѣ сохранить на долго драгоцѣнные для насъ дни его. Того же мнѣнія была вѣчно странствующая сестра моя Алексѣева; она находилась тогда въ Петербургѣ проѣздомъ въ Абовъ, гдѣ скорѣе надѣялась имѣть извѣстія о мужѣ, а можетъ-быть и дожидаться его. Не зная какъ раздѣлить себя между нимъ и дѣтьми, бѣдняжка скакала изъ края въ край Россіи.

VI.

Ежелѣтнюю поѣздку свою въ Пензу въ этомъ 1809 году я не намѣренъ былъ сдѣлать: мнѣ больно было бы видѣть тамъ злобную радость враговъ моего отца. Къ тому же, я твердо рѣшился искать серіозныхъ занятій по службѣ, штатнаго мѣста, и оно было мнѣ обѣщано.

Новаго Пензенскаго губернатора, преемника отца моего, въ предъидущіе годы имѣлъ я случай не одинъ разъ видѣть и разговаривать съ нимъ. Обыкновенно встрѣчалъ я его въ домахъ богатыхъ откупщиковъ, Злобина, Кусовникова, Чоблокова, Кандалинацова, куда иногда зазывалъ меня аппетитъ молодого человѣка, весьма здороваго и не всегда сытаго. Жирный обѣдъ, стерляжья уха, Шампанское рѣкою, шумъ веселый и не всегда пристойный, могли быть привлекательны даже для юноши поставленнаго въ лучшее, въ высшее положеніе, чѣмъ то, въ которомъ я находился. Манерами я не совсѣмъ походилъ на другихъ, частыхъ посѣтителей сихъ домовъ, и то что должно было лишить меня благосклонности хозяевъ, напротивъ давало мнѣ права на какое-то первенство между гостями. Особенно былъ я угоденъ прекрасному полу, котораго всегда видѣлъ передъ собою три поколѣнія: бабушекъ, съ головою повязанною шелковымъ платкомъ, въ объярин-

ныхъ и штофныхъ костюхъ и юбкахъ, матерей, довольно чопорныхъ, пристойно и богато одѣтыхъ и, наконецъ, щеголеватыхъ, разряженныхъ по модѣ дочерей, которыя хорошо танцовали, кое-какъ болтали по-французски и на клавесинѣ играли вальсы и экосесы. Тогда какъ я, съ чрезвычайнымъ и ни на чемъ не основаннымъ самолюбіемъ, прощалъ себѣ посвѣщенія сихъ домовъ, какъ проказы молодости, дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Ѳеодоровичъ Крыжановскій гордился знакомствомъ этой финансовой знати.

Онъ былъ человекъ лѣтъ пятидесяти, довольно высокаго роста и наружности непротивной. Семейное имя его заставляло подозрѣвать, что онъ крещенъ не вскорѣ послѣ рожденія. Впрочемъ, при первомъ взглядѣ ни въ чемъ не можно было замѣтить въ немъ ничего-либо Еврейскаго, ни въ чертахъ лица, ни въ выговорѣ, развѣ только въ цвѣтѣ волосъ. У этой пламенной породы волосъ всегда бываетъ черенъ какъ уголь или яркъ какъ огонь, и оттого-то, кажется, г. Крыжановскій былъ рыжеватъ. Про себя сказывалъ онъ только, что былъ уроженецъ Подольской губерніи и долго находился при *свѣтлѣйшемъ*, то есть Потемкинѣ. Это дѣло возможно: при военно-походномъ дворѣ этого вельможи-царя состояло нѣсколько сотъ человекъ. Должно полагать, что онъ служилъ въ канцеляріи его, ибо всегда пользовался покровительствомъ Василія Степановича Попова, правителя оной, который даже выдалъ за него Марію Константиновну, любовницу свою, Гречанку, простую дѣвку, имъ гдѣ-то добытую; за таковое избавленіе Поповъ всегда почиталъ себя ему обязаннымъ.

Пріятная, можно сказать, забавная сторона характера Александра Ѳеодоровича была его изобрѣтательность; онъ одаренъ былъ цвѣтущимъ воображеніемъ восточныхъ разказчиковъ; видно было, что предки его жили близъ страны, гдѣ сочинена «Тысяча одна ночь». Въ разговорахъ онъ ничего не умѣлъ представить иначе, какъ въ преувеличенномъ видѣ; это весьма несправедливо называли ложью. Не знаю, какъ до сихъ поръ не хотятъ понять великой разницы, которая существуетъ между ложью и лганьемъ; первая просто обманъ, другое почти поэзія. Одинъ или два примѣра поэзіи Крыжановскаго приведу я здѣсь. Онъ находился (будто бы) въ лагерѣ во время достопамятной осады Очакова, гдѣ Русскіе такъ великодушно переносили стужу и голодъ; у него не было палатки, онъ спалъ въ брѣчкѣ, за которою привязаны были его лошади. Разъ проснувшись, увидѣлъ онъ, что нѣтъ надъ нимъ кожанаго навѣса, подъ которымъ онъ заснулъ; бѣдные кони, измученные голодомъ, во время сна его, въ одну ночь съѣли кожу. Другой разъ находился онъ (будто бы) на какомъ-то военномъ суднѣ, подлѣ какой-то осаждаемой крѣпости, лежащей на какомъ-то мысу.

Вдругъ сдѣлалась буря, поднялся ужасный вихрь, и корабль сорвало съ якоря; пассажиры нѣсколько минутъ были безъ памяти и не могли понять спокойнаго, едва замѣтнаго плаванія своего, какъ вдругъ увидѣли себя на другой сторонѣ мыса: сильнымъ вѣтромъ перенесены они были туда по воздуху поверхъ непріятельской крѣпости. Онъ не смѣлъ сердиться, когда откупщики помирали со смѣху, слушая его рассказы.

И вотъ человѣкъ, который долженъ былъ наследовать отцу моему въ губернаторской должности! И вотъ на какую степень упала она послѣ семи лѣтъ съ половиною! Будучи отставнымъ, жилъ Василій Степановичъ Поповъ въ селѣ своемъ Рѣшетиковкѣ подлѣ самой Полтавы и свелъ тѣсную дружбу съ Куракинымъ; находясь тогда опять въ службѣ, онъ выпросилъ у него это мѣсто для Крыжановскаго; за то, что онъ нѣкогда развязалъ его съ надѣвшею ему любовницею, навязалъ онъ его Пензѣ. Сначала мнѣ показалось это обиднымъ; но послѣ, вспомня дворянскую спѣсь Пензенцевъ, зная, какъ тяжело имъ будетъ оказывать знаки самомалѣйшей покорности такому губернатору, я совершенно утѣшился. Я не зналъ еще его властолюбія, его дерзости, его искусства обирать людей, имѣющихъ до него нужду; еслибы зналъ, тогда признаюсь, еще болѣе бы обрадовался.

По возвращеніи Государя изъ Абова, въ Петербургѣ ожидали его другія заботы, приготовленія къ новой необыкновенной войнѣ и свадьба любимой сестры его Екатерины Павловны. Война Австріи съ Франціей уже начиналась, она была объявлена, и Наполеонъ не соглашался, чтобы Россія оставалась спокойною свидѣтельницей оной. Вслѣдствіе сего, почти наканунѣ бракосочетанія великой княжны, 18-го Апрѣля, воспрещенъ пріѣздъ ко двору находившемуся тогда въ Петербургѣ послу Австріи, послѣ знаменитому ея полководцу, князю Шварценбергу. Какъ бы въ доказательство того, что онъ не вѣритъ вынужденному недоброжелательству Россіи, илюминировалъ онъ домъ свой вензеловыми именами новобрачныхъ. Необычайно-странно было видѣть въ самодержавномъ государствѣ явную протестацію царедворцевъ противъ воли Императора: они ежедневно посѣщали Шварценберга, и всегда десятокъ каретъ можно было найти у его подъѣзда. Когда же онъ совсѣмъ отправился въ путь, то многія дамы провожали его до первой станціи.

Начальникомъ арміи, которая должна была дѣйствовать противъ Австрійцевъ, назначенъ былъ извѣстный читателю князь Сергѣй Федоровичъ Голицынъ, у котораго въ деревнѣ провелъ я годъ моего ребячества. Неужели за Наполеона будетъ онъ проливать Русскую кровь? спрашивали другъ у друга. Непонятно, какъ человѣкъ съ та-

кими военными способностями могъ отказаться отъ побѣдъ и согласиться на притворную войну; но въ этомъ случаѣ бездѣйствіе было для него истинною славой въ глазахъ соотечественниковъ. Голицынъ вступилъ въ Галицію, занятую войсками эрцгерцога Фердинанда; въ продолженіе всего лѣта искали они другъ друга, не находили, нигдѣ не встрѣчались и не имѣли ни одной стычки. Генералы тайно переписывались между собою.

Итакъ, въ одно время Россія имѣла за границей четыре дѣйствующія арміи: Тормасовъ сражался съ Персіянами, въ Молдавіи и Валахіи осмидесятилѣтній старецъ, фельдмаршалъ князь Прозоровскій готовился перейти Дунай, чтобы напасть на Турокъ, и въ Финляндіи дѣйствія еще не прекращались. Вотъ плоды мира съ Наполеономъ, четыре войны вдругъ, говорили недовольные; я твердилъ все свое, и часто доставалось мнѣ за то въ обществѣ. Меня все утѣшала мысль, что, придавленные съ Запада, мы быстро распространяемся на Сѣверѣ и на Югѣ.

Четыре войны имѣла Россія, и о происшествіяхъ ихъ никто не заботился. За то съ самаго начала лѣта, бывало, кто бы знакомый ни встрѣтился на улицѣ, всякій спрашиваетъ о новостяхъ или самъ рассказываетъ вѣсти о войнѣ въ Германіи: туда только было обращено всеобщее вниманіе. Побѣда при Аспернѣ произвела радостный восторгъ; всѣ гордились успѣхами Австрійцевъ, какъ собственными; послѣ Ваграма пришли въ бѣшенное отчаяніе, а не повѣсили головы; и Шиля, и Гофера, еретиковъ погибшихъ за дѣло освобожденія Европы, готовы были сопричислить къ святому сонму мучениковъ и угодниковъ. Послѣ того странно, что Наполеонъ три года спустя потомъ могъ ожидать содѣйствія, а не отчаяннаго сопротивленія отъ націи, столь глубоко проникнутой къ нему ненавистью, которая отъ неудачъ приходила въ уныніе, но никогда не разставалась съ надеждою его побѣдить, которой начальники и воины, сегодня разбитые въ прахъ, завтра готовы были возстать изъ него, чтобъ отмстить за вчерашнюю обиду. Нѣтъ, говорили многіе, не Австріи, видно, сладить съ этимъ великаномъ! И какъ будто въ прозрѣніи будущаго, видѣли уже перстъ Божій, указующій на ихъ Россію, какъ на обреченную сему кровавому и славному дѣлу.

Въ разсужденіи Россіи, цѣль Наполеона была отчасти достигнута: если въ этой странной для нея войнѣ, изъ угожденія ему, не потеряла она ни одного солдата, то, по крайней мѣрѣ, оказала ему великую услугу, сдѣлавъ въ пользу его сильную диверсію; если не явной вражды, то, по крайней мѣрѣ, большаго охлажденія могъ онъ ожидать между нею и Австріей. Для умноженія его, при заключеніи мира отрѣ-

залъ онъ ломтикъ отъ Галиціи, Тарнопольскій уѣздъ, и ей бросилъ его какъ будто Христа ради.

Знакомство одно, сдѣланное мною незадолго передъ этимъ, нѣсколько поколебало вѣрованіе мое въ продолжительный и для насъ полезный союзъ съ Наполеономъ. У Хвостовой встрѣчался я съ Михаиломъ Александровичемъ Салтыковымъ, человѣкомъ чрезвычайно умнымъ, исполненнымъ многихъ свѣдѣній, красивымъ и даже миловиднымъ почти въ сорокъ лѣтъ и тона самаго пріятнаго. Пасынокъ сильнаго при дворѣ Екатерины Петра Богдановича Пассека, съ фамильнымъ именемъ довольно громко въ Россіи звучащимъ, но съ состояніемъ весьма ограниченнымъ, могъ онъ только почитаться полужнатнымъ. Хотя, какъ настоящій баринъ, получилъ онъ совершенно Французское образованіе, былъ однакоже у другихъ молодыхъ бояръ цѣлымъ поколѣніемъ впереди. Классиговъ вѣка Людовика XIV уважалъ онъ только за чистоту ихъ неподражаемаго слога, болѣе же плѣнялся роскошью мыслей философовъ восемнадцатаго вѣка; но тѣхъ и другихъ готовъ онъ былъ повергнуть къ ногамъ Жанъ-Жака Руссо; въ немъ все было: и чувствительность, и воображеніе, и мысли, и слогъ. Послѣ него признавалъ онъ только двухъ хорошихъ писателей: Бернардена де-Сень-Піера въ прозѣ и Делиля въ стихахъ. О Нѣмецкой, объ Англійской литературѣ не имѣлъ онъ понятія; на Русскую словесность смотрѣлъ онъ не такъ какъ другіе аристократы, гордо отворачивающіеся отъ нея какъ отъ уроды, при самомъ рожденіи умирающаго, а видѣлъ въ ней невиннаго младенца, коего лепетъ можетъ иногда забавлять. Въ первой молодости былъ онъ уже подполковникомъ и адъютантомъ князя Потемкина, и если далѣе не пошелъ впередъ, то самъ былъ виноватъ. Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, кои, зная цѣну достоинствъ и способностей своихъ, думаютъ, что правительство, признавая въ нихъ оныя, обязано ихъ награждать, употребляютъ ли или не употребляютъ ихъ на пользу государственную. Какъ всѣ люди честолюбивые и лѣнливые вмѣстѣ, ожидалъ онъ, что почести, безъ всякаго труда, сами собою должны были къ нему приходиться. Во время революціи превозносилъ онъ жирондистовъ, а террористовъ, ихъ ужасныхъ побѣдителей, проклиналъ; но какъ въ то время у насъ не видѣли большой разницы между Барнавомъ и Робеспьеромъ, то едва ли не прослылъ онъ якобинцемъ. Всегда и всѣми недовольный, кинулъ онъ службу и общество и въ среднемъ состояніи нашелъ себѣ молоденькую жену, Француженку, дочь содержательницы пансіона Ришаръ. При Павлѣ его было не слышать, не видать. При Александрѣ республиканецъ пожелалъ и получилъ камергерскій ключъ, который далъ ему четвертый классъ и который въ старину однимъ отрывалъ путь къ дальнѣйшимъ поче-

стямъ, а для другихъ заpiresь его навсегда. Онъ сердился, что не получаетъ мѣста, и никого не хотѣлъ удостоить просьбою о томъ. Нѣсколько позже сталъ онъ занимать довольно важныя должности, но по незнанію дѣлать, по совершенному презрѣнію къ нимъ, всѣ мѣста умѣлъ превращать въ кононикатства. Онъ всегда имѣлъ видъ спокойный, говорилъ тихо, умно и красно. Обольщенный имъ, я обрадовался, когда вздумалось ему въ первый разъ пригласить меня къ себѣ. Съ величайшимъ хладнокровіемъ хвалилъ онъ и порицалъ; разгорался же только нѣжностію, когда называли Руссо, или гнѣвомъ при имени Бонапарте. Не знаю какое чувство, монархическое ли, врожденное во всякомъ Русскомъ, или привитое республиканское (не оба ли вмѣстѣ?) такъ сильно возбуждали его противъ похитителя престоловъ и истребителя свободы; только никто столь убѣдительно не проповѣдывалъ противъ него какъ этотъ Салтыковъ. Какъ ни больно мнѣ было сознаться, что я ошибался, онъ заставилъ меня сіе сдѣлать.

Послѣ неудачной попытки на Стокгольмъ, Государю надоѣла Шведская война, и онъ желалъ кончить ее добрымъ миромъ. Новый старый король не смѣлъ еще подаваться на него, ибо война сдѣлалась національною, и она медленно продолжалась. Одинъ только корпусъ Шувалова оставался дѣйствующимъ.

По примѣру Австріи, Аракчеевъ, какъ графъ Тугутъ, изъ кабинета своего распоряжалъ военными дѣйствіями въ Финляндіи, и Барклай не смѣлъ или покамѣстъ не хотѣлъ ему противиться. Говорили, что онъ (Аракчеевъ) весьма покойно водилъ пальцемъ по картѣ и не могъ вѣрять никакимъ естественнымъ препятствіямъ. Исполняя приказанія его, Шуваловъ нѣкоторое время продолжалъ идти впередъ въ Вестъ-Ботніи, вдоль лѣваго уже берега залива, имѣя передъ собою малочисленный Шведскій отрядъ, который, по мѣрѣ его приближенія, безъ бою все отступалъ назадъ. Надоѣлъ онъ ему; чтобы принудить его сражаться, захотѣлъ Шуваловъ потѣшиться славнымъ дѣломъ. Дошедши до мѣстечка Шелефта, нашелъ онъ небольшой заливъ, углубляющійся внутрь земли, который перегораживалъ ему дорогу; этотъ заливъ имѣлъ около двадцати верстъ ширины и весь покрытъ былъ еще льдинами, хотя это было 3 Мая, то-есть 15 новаго стилия. Онъ сталъ кличь кликать; предложилъ генераламъ, кому изъ нихъ угодно будетъ, пока онъ пойдетъ вокругъ залива вслѣдъ за Шведскимъ отрядомъ, переправиться черезъ него по рыхлому льду, чтобы Шведамъ перерѣзать дорогу; всѣ отказались, безъ крайней надобности не желая идти на вѣрную погибель; одинъ изъ нихъ вызвался; это былъ Алексѣевъ. За смѣльчагомъ пошли Русскіе солдаты по гибкому, ломкому льду, часто проваливались и вытаскивали другъ друга изъ во-

ды, потомъ опять продолжали бодро идти впередъ. Богъ, видно, помогъ имъ, и черезъ нѣсколько часовъ очутились они на другой сторонѣ. Какъ съ неба упали они передъ ретирующимися Шведами, которые едва могли повѣрить такому чуду. Поставленные между двухъ огней, сдались они со всеѣми своими пушками и знаменами. Это очень полюбилось въ Петербургѣ, и Алексѣеву данъ за то Георгіевскій крестъ третьей степени на шею.

Послѣ такого подвига Шуваловъ почиталъ себя въ правѣ говорить громче и смѣлѣе. Онъ остановился и рѣшительно отказался идти далѣе впередъ; онъ представлялъ о великомъ отдаленіи его отъ главной квартиры, о чрезвычайныхъ затрудненіяхъ въ продовольствіи. Съ какою цѣлю могъ онъ идти далѣе? Не ожидая никакого новаго подкрѣпленія, съ убавленнымъ отъ похода числомъ воиновъ, если бы и удалось ему подойти къ Стокгольму, то одного вооруженнаго народонаселенія достаточно бы было, чтобы раздавить его малочисленный корпусъ. Аракчеевъ прогнѣвался за такое ослушаніе; во всѣхъ подозрѣвалъ онъ трусость и сталъ обвинять въ оной Шувалова. Онъ столько имѣлъ уже власти надъ умомъ Царя, что любимца его усилъ подвергнуть жестокому наказанію.

Послушному и смѣлому Алексѣеву велѣно принять начальство надъ корпусомъ, а графу Шувалову находится неотлучно при немъ, вчерашнемъ его подчиненномъ. Одинъ приказъ, одно наставленіе дано было Алексѣеву: впередъ и впередъ. Онъ исполнилъ приказаніе, влача за собою разобиженнаго, разогорченнаго Шувалова. Какъ судьба играетъ людьми! Алексѣевъ, одинъ изъ младшихъ генералъ-маіоровъ Русской арміи, который за годъ передъ тѣмъ, или еще и менѣе, за благоразумное представленіе едва не лишился чести, предводительствуетъ корпусомъ, правда, числомъ воиновъ едва превышающимъ комплектную дивизію, но который по совершенно отдѣльному положенію своему могъ почитаться небольшою арміей, и одинъ идетъ противъ цѣлаго Шведскаго королевства. Онъ торжественно вступилъ въ Умео, главный городъ Вестъ-Ботніи, въ пятистахъ верстахъ отъ Торнео и въ полутора тысячѣ сухимъ путемъ отъ Абова. Отдохнувъ немного, собирался онъ продолжать походъ свой къ Гернезанду.

Не всѣ были довольны излишнею, по мнѣнію ихъ, покорностію своего новаго начальника: съ каждымъ шагомъ впередъ положеніе ихъ становилось затруднительнѣе и опаснѣе. Многіе полагали, что Алексѣевъ дѣйствуетъ по собственнымъ побужденіямъ и, обезпамятѣвъ отъ радости начальствовать корпусомъ, себя и ихъ ведетъ на вѣрную погибель. Болѣе всѣхъ возропталъ вновь пожалованный генералъ Ансельмъ-де-Жибори, который скучалъ среди холодныхъ Ботническихъ

пустынь, которому хотѣлось скорѣе пощеголять шитьемъ и эполетами въ Петербургскихъ гостиныхъ, попировать и покощунствовать въ Петербургскихъ трактирахъ. Его подбили сдѣлать доносъ. Онъ писалъ къ министру, что войско гибнетъ отъ безразсудности неученаго и неопытнаго начальника, который только что отчаянно-храбръ, а съ военнымъ искусствомъ вовсе не знакомъ. Это до нѣкоторой степени была правда; сколько однакоже было генераловъ въ Русской арміи, которые Тюрена и Фридерика знали только по имени, а объ Коментаріяхъ Кесаря и не слыхивали, но которые, одарены будучи особеннымъ инстинктомъ, зоркимъ взглядомъ болѣе угадывали, чѣмъ видѣли опасности и съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа ихъ отвращали; однимъ словомъ, которые самоучкой побѣждали. Лучше Багратиона я примѣра не нахожу. Ничего о томъ не вѣдая, Алексѣевъ съ своей стороны доносилъ Аракчееву, что по волѣ Царя готовъ онъ въ огонь и въ воду, какъ онъ сіе успѣлъ уже и доказать, но что для успѣха такого дѣла, какое ему поручено, одного усердія и смѣлости мало, и потому съ чистою совѣстію, признавая себя къ тому неспособнымъ, просилъ прислать другаго начальника, болѣе его свѣдущаго въ ратномъ искусствѣ. Государь былъ тронутъ его скромностію, она полюбилась ему, и графъ Каменскій опять нехотя былъ вызванъ изъ Орловской губерніи.

Между тѣмъ узналъ Алексѣевъ о тайномъ доносѣ Ансельма. Увидѣвъ его у себя и не зная ни одного слова по-французски, черезъ переводчика пустился онъ съ нимъ въ объясненія въ присутствіи другихъ генераловъ. Человѣкъ этотъ, который при исполненіи своихъ обязанностей въ мирѣ и въ войнѣ никогда не терялъ головы, въ обыкновенномъ быту жизни, съ чрезвычайно-добрымъ сердцемъ, бывалъ до бѣшенства запальчивъ, къ тому же для свѣта не совсѣмъ образованъ. Разгорячившись, онъ неоднократно повторялъ: скажите отъ меня этой Французской канальѣ то-то и то-то. Кажется, и для Француза это могло быть понятно. Того мало: онъ сопровождалъ разговоръ свой тѣми особенно энергическими выраженіями, которыя подобно Англійскому *Годдему*, какъ говоритъ Фигаро, служатъ основой нашему солдатскому и простонародному языку и которыя всякій иностранецъ, вступающій въ Русскую службу, такъ скоро изучаетъ. Ансельмъ притворился, будто ничего не понимаетъ и честію своей націи клялся, что никогда ничего объ немъ въ Петербургъ не писывалъ. «Ну, полно врать», отвѣчалъ наконецъ Алексѣевъ, «вижу, что ты лжешь, но такъ и быть, Богъ съ тобой; приходи ко мнѣ, мусью, обѣдать». И тотъ пришелъ.

Съ успокоенными нервами, въ первыхъ числахъ Августа, прибылъ графъ Каменскій къ корпусу, не совсѣмъ на радость. Отъ похода, отъ недостатковъ, отъ болѣзней этотъ корпусъ примѣтно уменьшился. Не прошло двухъ дней, Каменскій не успѣлъ еще составить никакого плана, какъ вдругъ узнали, что довольно многочисленное Шведское свѣжее войско, подъ предводительствомъ графа Вахмейстера, высажено на берегъ и идетъ къ нимъ съ тылу. Одинъ только берегъ былъ населенъ, съ одной стороны море, съ другой необитаемая пустыня. Другаго средства не было, какъ идти назадъ къ Шведамъ на встрѣчу, чтобы сквозь нихъ пробиваться. Превосходство мѣстоположенія и числа было совершенно на ихъ сторонѣ. Въ день Преображенія, 6 Августа, началось жаркое, отчаянное дѣло при мѣстечкѣ Сефварѣ. Шведы надѣялись всѣхъ Русскихъ солдатъ побрать руками и могли то сдѣлать; но не такъ-то легко даются они непріятелямъ. Искусство тутъ ничего бы не помогло, а одна только вселомпящая Русская храбрость. Алексѣевъ, какъ на своемъ мѣстѣ, былъ вездѣ впереди; Каменскій же находился въ нѣкоторомъ разстояніи и съ ужасомъ смотрѣлъ на происходящее. Онъ клялъ свою жизнь, рвалъ на себѣ волосы, не давалъ никакихъ приказаній, однимъ словомъ, совсѣмъ терялъ голову*). Надобно полагать, для его чести, что онъ болѣе тревожимъ былъ мыслию о потерѣ сраженія, чѣмъ о потерѣ жизни. Вдругъ пальба какъ будто умолкла, и несутъ къ нему Алексѣева съ веселымъ лицомъ и прострѣленною ногою. «Ну что, мой бѣдный Илья Ивановичъ? Что съ вами, и что съ нами? Мы пропали!» бросившись къ нему воскликнулъ Каменскій. «Какъ такъ? Да не обо мнѣ дѣло, ваше сіятельство, а честь имѣю васъ поздравить съ побѣдою», отвѣчалъ онъ. «Неужели?» сказалъ Каменскій. «Конечно: Шведы бѣгутъ, усаживаются на свои суда и скоро отплывутъ. У насъ въ рукахъ остались ихъ плѣнные и часть ихъ обоза и артилеріи». Безъ словъ, съ слезами на глазахъ, кинулся Каменскій его обнимать. Когда бѣгущіе Шведы отстрѣливались отъ преслѣдователей своихъ, послѣдняя ихъ пуля попала въ ногу Алексѣева; вотъ почему сказалъ я выше, что имъ и должна была кончиться Шведская война.

Послѣ того, Каменскій, не дожидаясь никакихъ уже предписаній изъ Петербурга, поспѣшно началъ ретироваться къ Умео и далѣе. Въ столицѣ, гдѣ довольно поздно получено было извѣстіе о Сефварскомъ дѣлѣ, принято оно было за поражение. Арагчеевъ готовилъ уже свои

---

*) Немного было тому свидѣтелей. Пятнадцать лѣтъ спустя, одинъ очевидецъ, полковникъ Липранди, который любилъ Каменскаго и имѣлъ нѣкоторыя неудовольствія на Алексѣева, съ сожалѣніемъ рассказывалъ мнѣ объ этомъ. Какъ было ему не повѣрить?

перуны противъ Каменскаго: онъ никакъ не хотѣлъ понять, чтобы послѣ побѣды можно было идти назадъ.

Но уже нѣсколько недѣль министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Румянцовъ находился для переговоровъ въ Фридрихсгамѣ съ Шведскими полномочными. Они долго были неуступчивы; наконецъ, 5 Сентября подписанъ ими славный и выгодный для насъ миръ. Благородный и правдивый Румянцовъ увѣдомлялъ, что, послѣ полученія въ Стокгольмѣ извѣстія о Сефварскомъ дѣлѣ, Шведское правительство, котораго оно было послѣднимъ усиліемъ, вдругъ перемѣнило тонъ, и что не его дипломатическимъ уловкамъ, а скорѣе побѣдъ Каменскаго Россія обязана за скорѣйшее заключеніе мирныхъ условий. Тогда только Румянцова пожаловали канцлеромъ, а графа Каменскаго генераломъ-отъ-инфантеріи, но положили объявить ему о томъ по возвращеніи его въ Петербургъ. Алексѣеву же моему послѣ залѣпили рану брилліантовой Аннинской звѣздой, да, какъ инвалиду, дали для прокормленія аренду въ полторы тысячи рублей серебромъ. Онъ и тѣмъ остался очень доволенъ.

Ничего не могло быть удивительнѣе мнѣнія публики, когда пушечные выстрѣлы съ Петропавловской крѣпости 8 Сентября возвѣстили о заключеніи мира, и Дворъ изъ Зимняго дворца парадомъ отправился въ Таврическій для совершенія молебствія. Всѣ спрашивали другъ у друга, въ чемъ состоятъ условія. Неужели бѣольшая часть Финляндіи отходить къ Россіи? Нѣтъ, вся Финляндія присоединяется къ ней. Неужели по Торнео? Даже и Торнео съ частію Лапландіи. Неужели и Аландскіе острова? И Аландскіе острова. О, Боже мой! О, бѣдная Швеція! О, бѣдная Швеція! Вотъ что было слышно со всѣхъ сторонъ. Пусть отыщутъ другой народъ, въ коемъ бы было сильнѣе чувство справедливости, Англичане не захотятъ тому повѣрить. Русскіе видѣли въ новомъ завоеваніи своемъ одно только незаконное, постыдное насиліе. Во всей Россіи, дотошъ славной и безъ потерь владѣній увиженной все болѣе и болѣе, господствовала одна мысль, что у нея, именно у нея, а не у Государя ея, есть на Западѣ страшный соперникъ, который долженъ положить преграду величественному теченію ея великихъ судебъ, если сама она не будетъ умѣть потушить сей блестящій, ей грозящій метеоръ. Съ самаго Тильзитскаго мира смотрѣла она на пріобрѣтенія свои съ омерзеніемъ, какъ на подачки Наполеона.

Тѣ изъ Русскихъ, кои нѣсколько были знакомы съ Исторіей, не столько негодовали за присоединеніе Финляндіи, сколько благодарили за то Небо.

Обезсиленіе Швеціи упрочивало, обезпечивало наши сѣверныя владѣнія, коихъ сохраненіе съ построеніемъ Петербурга сдѣлалось для насъ необходимымъ. Если спросимъ, по какому праву Швеція владѣла Финляндіей? По праву завоеванія, слѣдственно по праву сильнаго; тогда тотъ изъ сосѣдей, который былъ сильнѣе ея и воспользовался имъ, имѣлъ еще болѣе ея правъ. Къ тому же, самое названіе Финляндіи, земли Финновъ, не показываетъ ли, что жители ея суть соплеменные множеству другихъ Финскихъ родовъ, подвластныхъ Россіи, внутри ея и на берегахъ Балтійскаго моря обитающихъ? Большая часть Финляндіи, Ижора, Копорье, Корела или Карелія не принадлежали ли вѣкогда Великому Новгороду? Когда онъ сдѣлался добычей великихъ князей Московскихъ, тогда не могъ уже онъ самъ себя защитить и не одинъ разъ видѣлъ Шведскія полчища грабящія его области, а въ царствованіе Шуйскаго и его самого терзавшія. Финны всегда ненавидѣли Шведовъ, подъ коихъ иго подпали. Послѣ Русскаго завоеванія могли они надѣяться, что отъ него избавлены: ни мало, человеколюбіе Александра не сняло его съ нихъ. И что такое сама Швеція, даже съ Норвегіей вмѣстѣ, весь Скандинавскій полуостровъ? Большая, холодная, бѣдная, бесплодная земля, давнымъ-давно уже опустѣвшая, послѣ безпрерывныхъ побѣговъ удалыхъ своихъ сыновъ, кои безчисленными стаями рыскали по вселенной, искали приключеній и добычи, переходили земли, переплывали моря и подъ именемъ Варяговъ-Руссовъ или Нормановъ, основывали государства въ Нейстріи, Англіи, Сициліи, Неаполѣ и Россіи. Незапамятно оставленная ими отчизна не могла съ ними имѣть ничего уже общаго. Только въ шестнадцатомъ вѣкѣ начала опять Швеція проявляться Европѣ изъ-за тумановъ и сѣтговъ своихъ. Предпримчивый духъ предковъ показался и между потомками, и слабая Швеція хотѣла попасть въ число сильныхъ державъ Европейскихъ. Къ счастью или къ несчастью ея, имѣла она цѣлый рядъ знаменитыхъ или чѣмъ-нибудь особенно примѣчательныхъ государей, въ числѣ коихъ былъ одинъ и великій. Кто изъ просвѣщенныхъ людей не знаетъ жестокаго Христіерна, мудраго Густава-Вазу, великаго Густава Адольфа, проказницу Христину, воинственныхъ Карла Густава и Карла XII? Только ими и красна была Швеція, а сама по себѣ ничего не значила. Особливо избаловала ее Тридцатилѣтняя война, когда ея Густавъ съ своими Торстенсонами и Оксенштіернами рѣшаль судьбу Германскихъ народовъ. Еще болѣе зазнались Шведы, когда двое изъ его преемниковъ хотѣли располагать Польскою короной, пока одинъ Русскій великанъ подъ Полтавой не далъ имъ, съ позволенія сказать, такого щелчка, послѣ котораго они присѣли, при- тихли и долго не могли опомниться. Однакоже и послѣ, развѣ не могли

они въ нѣсколько часовъ приплывать изъ Гельсингфорса къ Ревелю и овладѣть имъ? Развѣ не могли они надѣлать суматохи въ Петербургѣ? Развѣ Екатерина въ Царскосельскомъ дворцѣ своемъ не считала всѣхъ пушечныхъ выстрѣловъ морскаго съ ними сраженія подъ Красной горкой? Нѣтъ, не надобно имъ давать воли, не надобно позволять имъ почитать себя выше Баваріи и Виртемберга. Чтѣмъ бы ни говорили, завоеваніе Финляндіи есть слава Александра, а не преступленіе его. Нельзя однакоже умолчать о томъ, что сдѣланное имъ изъ нея послѣ можно назвать измѣной... такъ точно, первой его измѣной Россіи. Но чтѣмъ спѣшить съ размышленіями о печальныхъ событіяхъ, кои въ послѣдствіи осужденъ я буду описывать.

Если этотъ 1809-й годъ былъ довольно обиленъ военными происшествіями, то еще болѣе долженъ быть памятенъ для нашихъ гражданскихъ чиновниковъ. Какъ всѣ люди по-неволѣ дѣятельные и трудами обремененные, императоръ Александръ терпѣть не могъ въ другихъ праздности и лѣни. Къ тому же, какъ либераль и властолюбецъ вмѣстѣ, онъ болѣе переносилъ, чѣмъ поощрялъ аристократическій образъ мыслей и всѣ преимущества отъ него независящія и не отъ него проистекающія ненавидѣлъ. Всегда смотрѣлъ онъ косо на придворные чины: въ молодыхъ камергерахъ и камеръ-юнкерахъ, обязанныхъ находиться при большихъ выходахъ, танцовать на придворныхъ балахъ, уврачать собою общества, служить единственно для умноженія царской помпы, видѣлъ онъ людей только что шаркающихъ по паркету и называлъ ихъ полотерами. Изъ вичего, безъ всякихъ заслугъ и для бездѣйствія производились они прямо въ четвертый и пятый классъ, тогда какъ другіе могли только достигать до того многолѣтними трудами. Оно, конечно, съ перваго взгляда можетъ казаться несправедливостію; въ какой однакоже монархіи нѣтъ множества привилегированныхъ фамилій? И въ Англіи, молодые лорды, по достиженіи совершеннолѣтія, не засѣдаютъ ли въ верхней камерѣ парламента и не берутъ ли шагъ у старыхъ заслуженныхъ генераловъ? Въ Россіи дѣло совсѣмъ другое: въ ней никогда истинной аристократіи не бывало, и мѣстничество было одно постоянное притязаніе, а не право. Петръ Великій установилъ чинъ; послѣ того кто былъ чиновникъ, тотъ и долженъ былъ, кажется, у насъ быть знатникъ. Вышло однакоже не совсѣмъ такъ: слѣды старины не могли вдругъ изгладиться; движеніе къ званію бояръ уже не существующихъ и въ древнимъ родамъ ихъ все еще сохранялось, и новыя понятія въ частыхъ сношеніяхъ со старой Европой, у нея заимствованныя, еще болѣе его усиливало. Воля царская, которая въ Россіи превыше всего, могла между тѣмъ единымъ дуновеніемъ создавать знатныхъ, т. е. многозначущихъ и вельможъ, т. е. вельми мощныхъ

и даже изъ самой черни извлекать первыхъ сановниковъ государства и ставигь ихъ не только наравнѣ, но и выше потомковъ князей и бояръ. Императоры и императрицы однакоже мало употребляли сіе право и до Павла, исключая Меншикова и Разумовскихъ, едвали можно найдти примѣръ, что кто-либо изъ престопаодья, т. е. изъ самаго низшаго сосоянія, возведевъ былъ въ самое высшее. Не довольствуясь избранныхъ своихъ награждать чинами и титлами, они жаловали ихъ большими помѣстьями, зная, что на низшіи классъ болѣе всего дѣйствуетъ наружный блескъ и широкое житье и желая заставить уважать свое твореніе.

Людей полезныхъ ей, но по мнѣнію ея не довольно способныхъ къ занятію первыхъ мѣстъ въ государствѣ, Екатерина производила медленно. Особенно второй классъ, то есть чинъ генерала-аншефа, адмирала и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, при ней для весьма многихъ недослагаемо подымался; онъ-то рѣшительно давалъ знатность тѣмъ, которые наследственно ея не имѣли. Сыновья людей съ знатнымъ фамильнымъ именемъ соединяющихъ богатое состояніе, равно какъ и сыновья сихъ новознатныхъ, получившіе хорошее образованіе, но не чувствовавшіе въ себѣ склонности къ военной службѣ, обыкновенно одни жаловались въ камерь-юнкеры, не для ихъ удовольствія, а въ награду заслугъ отцовскихъ, для украшенія общимъ мнѣніемъ уважаемыми именами придворнаго списка, для умноженія пышности столицы, гдѣ необходимы великолѣпныя палаты и роскошные праздники. Безъ камерь-юнкерства, можетъ быть, предпочли бы они жить великокняжески въ своихъ помѣстьяхъ. Какъ часто видимъ мы людей, уже уставшихъ, а все продолжающихъ идти по трудному пути чести для того единственно, чтобы подавать руку сыновьямъ своимъ, которые безъ нихъ, можетъ быть, стали бы на немъ спотыкаться: успѣхи предметовъ ихъ нѣжности бывають для нихъ дороже собственныхъ. Екатерина вѣдала то и, про ихъ дѣтей, держала камерь-юнкерство какъ одно изъ лучшихъ средствъ дѣлать ихъ самихъ счастливыми.

Александръ хотѣлъ вездѣ одной пользы, забывая, что сама природа производитъ не одно полезное, но и пріятное. Въмѣсто цвѣтовъ, во множествѣ украшающихъ сады его и коими любилъ онъ тѣшить взоръ свой, не велѣлъ же онъ сѣять капусту и рѣдьку. Онъ задумалъ положить преграду существующему, по мнѣнію его, злоупотребленію и о средствахъ къ тому сталъ совѣтываться съ Сперанскимъ.

Такъ какъ камергерство и камерь-юнкерство должны были почитать единственно чрезвычайными, особыми знаками царской милости, а отнюдь не наградой за личныя заслуги, то и стоило только продолжать ихъ раздачу съ большею противъ прежняго бережливостью и

только тѣмъ юношамъ, о коихъ я выше сказалъ и для коихъ слѣшая фортуна и слѣпой случай рожденія сдѣлали болѣе, чѣмъ природа.

Когда я началъ знать Сперанскаго, изъ дьячковъ перешагнувъ онъ черезъ простое дворянство и лѣзъ прямо въ знатные. На новой высотѣ, на которой онъ находился, не знаю, чѣмъ почиталъ онъ себя; извѣстно только, что самую уже знатность хотѣлось ему топтать. Примѣръ Наполеона вскружилъ ему голову. Онъ не имѣлъ сына, не думалъ жениться и одну славу собственнаго имени хотѣлъ передать потомству. Онъ сочинилъ проектъ указа, утвержденный подписью Государя, коимъ велѣно всѣмъ настоящимъ камергерамъ и камеръ-юнкерамъ, сверхъ придворной, избрать себѣ другой родъ службы, точно такъ, какъ отъ вольноотпущенныхъ требуется, чтобы они избрали себѣ родъ жизни. Нѣсколько трудно было для превосходительныхъ и высокородныхъ, изъ коихъ нѣкоторые были лѣтъ сорока, присканіемъсть соответствующихъ ихъ чинамъ (въ коллегіи не опредѣляли новыхъ членовъ); по нѣскольку человекъ посадили ихъ за оберъ-прокурорскіе столы, другихъ разсовали по министерствамъ. Чувствуя униженіе свое, никто изъ нихъ, даже тѣ, которые имѣли нѣкоторыя способности, не хотѣли заняться дѣломъ, къ которому никто не смѣлъ ихъ приневолить.

Всѣ послѣ этого указа вновь жалюемые камергеры и камеръ-юнкеры должны были оставаться въ тѣхъ чинахъ, въ коихъ прежде находились, и всѣ сіи малочинные, также какъ и чиновные, должны были занимать какую нибудь должность въ гражданской службѣ. Можно ли было ожидать отъ графчика или князька, наследника двадцати, тридцати или пятидесяти тысячъ душъ, чтобы онъ охотно, въ званіи канцелярскаго служителя, подчинилъ себя засаленному повытчигу и по его приказанію переписывалъ бумаги? Въ Россіи всякій несправедливый законъ исправляется неисполненіемъ его. Всѣ эти баричи числились только по департаментамъ, а главное начальство само способствовало ихъ повышенію.

Этимъ указомъ съ своею знатію похристовался Государь въ день Свѣтлаго Воскресенья. Между нею произвелъ онъ нѣкоторый ропоть; дворяне же и разночинцы тому обрадовались, особенно же тѣ, кои, подобно мнѣ, воспитаніемъ, образованіемъ своимъ почитали себя равными баричамъ, но дотолѣ не смѣли имъ завидовать.

Спрашивается послѣ этого: не самъ ли Государь возбуждалъ подданныхъ своихъ къ идеямъ о равенствѣ и свободѣ? Какъ никто не умѣлъ тогда замѣтить, что отъ этого единого удара волшебнаго царскаго прутика исчезъ существовавшій у насъ дотолѣ призракъ аристократіи. Сперанскому хотѣлось республики, въ томъ нѣтъ никакого

сомнѣнія. Но чего же хотѣлось Александру? Неужели представительнаго монархическаго правленія? Оно нигдѣ безъ высшихъ, привилегированныхъ сословій не существовало. Ему хотѣлось Турецкаго правленія, гдѣ одинъ только Оттоманскій родъ пользуется наслѣдственными правами и гдѣ сынъ верховнаго визиря родится простымъ Туркомъ и наравнѣ съ поселяниномъ платитъ подать.

Указъ, о коемъ говорю, былъ только прелюдіемъ другаго болѣе жестокаго и несправедливаго указа: великій преобразователь Россіи, Сперанскій, объявилъ его въ день Преображенія Господня, 6 Августа. Онъ давно смотрѣлъ съ негодованіемъ и нѣкоторою завистію на молодыхъ дворянъ, которые, безъ большихъ трудовъ, подвигались въ чинахъ, благодаря покровительству родныхъ и друзей ихъ семействъ. Нельзя этого одобрять, однакоже и никакой большой бѣды отъ того не было. Чины не были такъ расточаемы какъ нынѣ, сохраняли еще свою цѣну; люди были умѣреннѣе въ своихъ желаніяхъ, и немногіе упорно лѣзли вверхъ. Чины получать даромъ можно было только въ Петербургѣ, и немногіе соглашались оставаться въ немъ цѣлую жизнь. Иной, подобно Простодуму въ *Хвастунъ* Княжнина, поклонами добившись до *штабскаго чинишка*, спѣшилъ похвастать имъ въ провинціи, и его высокоблагородіе оставалось навсегда въ своемъ помѣстьѣ, спокойно имъ управляя, и было пресчастливо, когда подъ старость дворянство выбирало его своимъ уѣзднымъ предводителемъ. Другіе довольно пріятно и весело (по большей части въ Англійскомъ клубѣ) выживали сроки, положенные для выслуги лѣтъ въ каждомъ чинѣ; они не думали занимать высокихъ мѣстъ, для которыхъ чувствовали себя неспособными и, зная напередъ, что не пойдутъ дажѣ чина коллежскаго совѣтника, имъ оканчивали расчеты своего чрезмѣрнаго честолюбія. Такіе люди, обыкновенно достаточные помѣщики, съ семействами и прислугой поселяясь въ Петербургѣ, умножали въ немъ число потребителей и хорошее, пристойное общество, которое знатная слѣсъ называла среднимъ состояніемъ. Чины были весьма легкимъ, хотя единственнымъ средствомъ для правительства, чтобы приманивать ихъ въ свою холодную, негостепримную столицу. Если Европейское просвѣщеніе почитать благомъ для Россіи, то и въ этомъ отношеніи пребываніе ихъ въ Петербургѣ было полезно для его распространенія. Было много и такихъ людей, кои не почитали обязанностію часто посѣщать департаменты, къ коимъ принадлежали, лучше сказать, были только приписаны, и не хотѣли изнурять, убивать умственные свои способности ежедневными мелочными канцелярскими трудами. Ихъ почитали праздными, тогда какъ большую часть своего времени посвящали они чтенію, изученію иностранныхъ твореній о законодательствѣ, о политической экономіи;

когда слѣдили они всѣ распоряженія правительства, въ тайнѣ порицали или одобряли ихъ и, не участвуя въ дѣлахъ его, безпрестанно ими занимались. Они медленно подымались по лѣстницѣ чиновъ, за то шли они непринужденно, благородно и всегда готовые перейти на другую, на лѣстницу мѣстъ, гдѣ теорію своихъ знаній могли бы съ пользою приложить къ практикѣ дѣлъ текущихъ. Они не заслоняли дороги подъячимъ, которые шли путемъ людей дѣловыхъ, а они надѣялись быть государственными. Тѣхъ и другихъ задумалъ Сперанскій уничтожить однимъ ударомъ.

До 1803 или 1804 года во всей Россіи былъ одинъ только университетъ, Московскій, и не вошло еще во всеобщій обычай посылать молодыхъ дворянъ доканчивать въ немъ ученіе. Не смотря на скудость тогдашнихъ средствъ, родители предпочитали домашнее воспитаніе, тѣмъ болѣе, что, при вступленіи въ службу, отъ сыновей ихъ не требовалось большой учености. Не прошло двухъ или трехъ лѣтъ послѣ основанія Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ вдругъ учреждены и уже открыты пять новыхъ университетовъ. У насъ на Руси все такъ быстро дѣлается: *да будетъ свѣтъ и бысть*. Не смотря, однакоже, на размноженіе сихъ, наскоро созданныхъ университетовъ, число учащихъ въ нихъ было не велико. Государь и безъ того уже не слишкомъ благоволилъ къ своимъ Русскимъ подданнымъ; Сперанскій воспользовался тѣмъ, чтобы ихъ представить ему какъ народъ упрямый, лѣнивый, неблагодарный, не чувствующій цѣны мудрыхъ о немъ попеченій, народъ, коему не иначе, какъ насильно можно творить добро. Въмѣстѣ съ тѣмъ увеличилъ онъ въ глазахъ его число праздношатающихся молодыхъ дворянъ-чиновниковъ. Сего было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы склонить Царя на пріятіе такой мѣры, которая, по увѣреніямъ Сперанскаго, въ будущемъ обѣщала большую пользу гражданской службѣ, а въ настоящемъ сокрушала всѣ надежды на повышеніе цѣлаго, почти безъ изыатія, безчисленнаго сословія нашего.

Что распространяться о содержаніи указа, многія лѣта, многими тысячами проклинаемаго? Скажемъ о немъ нѣсколько словъ. Для полученія чиновъ статскаго совѣтника и коллежскаго асессора, обязаны были чиновники, представлять университетскій атестатъ объ экзаменѣ въ наукахъ въ числѣ коихъ были нѣкоторыя, о коихъ они прежде и не слыхивали, кои по роду службы ихъ были имъ вовсе безполезны, какъ напримѣръ, химія для дипломата и тригонометрія для судьи, и которыя тогдашніе профессеры сами плохо знали. Не безразсудно ли было заставлять не только совершеннолѣтняго, но даже и пожилаго человѣка возвращаться къ школьнымъ лавкамъ? Люди живущіе од-

нимъ жалованьемъ и занимающіе должности, которыя мало оставляли имъ свободнаго времени, могли ли отъ нихъ отрываться, чтобъ ежедневно на нѣсколько часовъ дѣлаться учениками? Не рѣшаясь на то, съ лучшими способностями осуждены они были вѣкъ пресмыкаться въ самыхъ низкихъ должностяхъ. Безкорыстнымъ и благомыслящимъ людямъ, имѣющимъ насущный хлѣбъ, что оставалось дѣлать, если не бросить службу? Недобросовѣстные же и неимущіе вынуждены были незаконною прибылью утѣшаться, вознаграждать себя за лишеніе всего, что служба имѣла для нихъ привлекательнаго. Нелѣпость этого указа ослабляла въ общемъ мнѣніи всю жестокою его несправедливость.

Никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы строгое его исполненіе было возможно. Всѣ полагали, что оно, послѣ временной оставовки въ производствѣ, будетъ только относиться къ юношамъ, вновь поступающимъ на службу. Какъ бы на смѣхъ, какъ бы на зло правительству, университеты долго еще оставались почти пусты; ни старый, ни малый, ни служащій, ни служившій, ни даже приготовляющійся на службу не спѣшили посѣщать ихъ. Съ своей стороны цари не любятъ сознаваться въ ошибкахъ, и Александръ въ этомъ случаѣ никакъ не хотѣлъ уступать всеобщему ропоту. Въ продолженіе всего царствованія его указъ этотъ отмѣненъ не былъ; только гораздо позже послѣдовали въ немъ нѣкоторыя измѣненія.

Зло, имъ причиненное, неисчислимо, хотя совсѣмъ не то, котораго могъ ожидать Сперанскій. Онъ зналъ (да и кто же не зналъ тогда?), какъ всѣ состоянія были недовольны Государемъ, который всю армію свою казнилъ Аракчеевымъ. Налоги ежегодно увеличивались, торговля страдала отъ запретительной системы, введенной въ угожденіе Франціи; капиталисты разорялись отъ безпрестаннаго пониженія курса на ассигнаціи. Онъ убѣдилъ Александра вдругъ поразить Дворъ, все гражданское вѣдомство и цѣлое дворянство. Отъ всюду разсѣянныхъ и вездѣ возрастающихъ неудовольствій чего могъ ожидать онъ, если не смуть, заговоры и возмущеній, въ виду торжествующаго Наполеона? Но слава долготерпѣнію твоему, народъ Русскій! Претерпѣвая до конца, не одинъ разъ ты спасенъ былъ. Въ случаѣ неудачи, могъ Сперанскій надѣяться другаго. «Сыновья людей духовнаго званія учатся всѣ въ семинаріяхъ, думалъ онъ; почти всѣ они не любятъ отцовскаго состоянія и предпочитаютъ ему гражданскую службу; множество изъ нихъ въ ней уже находится. Семинарскимъ ученіемъ приготовленные къ университетскому, они и нынѣ составляютъ ббльшую часть студентовъ ихъ: новый указъ ихъ всѣхъ туда заманить. Придавленные имъ дворянчики не захотятъ продолжать службы; пройдетъ немного времени, и управленіе цѣлою Россіи будетъ въ рукахъ семинаристовъ».

Такъ вѣрно думалъ онъ, но не совсѣмъ такъ случилось. Въ одномъ онъ только не ошибся: самолюбіе заставляло служить почти всѣхъ дворянъ. Чины еще были въ уваженіи; для полученія ихъ смолоду вступали они въ службу, привыкали къ ней, полегоньку болѣе или менѣе знакомились съ дѣлами и, достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ, ѣхали въ провинцію облагораживать, украшать своимъ именемъ, своимъ состояніемъ, своею честностію мѣста председателей, прокуроровъ и совѣтниковъ. Подъ старость титулъ превосходительства ожидалъ ихъ, какъ вѣнецъ на концѣ съ честію пройденнаго, длиннаго поприща. Внезапно на немъ остановлены они. Сколько было между ними людей умныхъ и способныхъ, которые скорѣе проживали имѣнія, чѣмъ наживались на службѣ! Мало-по-малу, другъ за другомъ, стали они убираться. Кѣмъ было замѣщать во множествѣ оставляемые ими мѣста? Для занятія ихъ дотолѣ былъ необходимъ соотвѣтствующій имъ чинъ; но производства не было, и надо было спускаться. Не прошло двухъ лѣтъ, какъ на мѣста пятаго класса, вице-губернаторовъ и председателей, начали опредѣлять надворныхъ совѣтниковъ; на мѣста же совѣтничьи шестаго класса стали сажать коллежскихъ секретарей. Бывало, въ министерствѣ не знаютъ, что дѣлать съ помощникомъ столначальника, ни къ чему не способнымъ: посылаютъ его совѣтникомъ въ губернію. Послѣ того можно себя представить, какіе люди соглашались оставаться тамъ секретарями и понытчиками. Всѣ мѣста вдругъ начали упадать, а чины не возвысились. Напротивъ, начался противъ нихъ какой-то заговоръ, какое-то нѣмое согласіе оказывать къ нимъ пренебреженіе, которое, время отъ времени увеличиваясь, въ нынѣшніе дни совершенно уничтожило ихъ прежнее значеніе. Чѣмъ малочиннѣе былъ богатый помѣщикъ, тѣмъ, нарочно, болѣе стали показывать къ нему уваженія. По тяжбамъ своимъ готовы были дворяне давать судьямъ своимъ, чтó было имъ угодно, только не пускать ихъ въ гостиныя свои.

Оставалось, однакоже, въ столицахъ довольно разъяреннаго честолюбія, чтобъ одержимые имъ, для удовлетворенія производимой имъ нестерпимой жажды, дерзали на все, даже на посрамленіе свое. Мы видѣли людей съ сѣдьющими волосами, покупающихъ книги, будто ихъ изучающихъ и смѣло потомъ идущихъ въ университеты на экзамень, какъ на торговую казнь. Безъ тайнаго у нихъ согласія съ экзаменаторами (впрочемъ, весьма несвѣдущими), не могли бъ они получить атестата. Послѣднихъ надобно было задобрить. Итакъ, гнусное лихоимство, благодаря Сперанскому, проникло даже въ святилища наукъ. Люди, дотолѣ извѣстные чистотою правилъ, безсребренники-профессора осквернились взятками. Нѣсколько позже, провѣдавъ о томъ,

молодые дворяне, желающіе вступить въ службу, не брали труда ходить слушать лекціи, а просто за деньги получали атестатъ, открывающій имъ дорогу къ почестямъ: самый нѣжный возрастъ научался дѣйствовать подкупомъ. Лѣтъ пять такъ продолжалось, пока не приняты были мѣры къ пресѣченію постыднаго торга ученостію. Между тѣмъ вкусившіе отъ запрещеннаго плода преподаватели наукъ бросились туда, гдѣ жатва его была обильнѣе; простившись съ докторствомъ и магистерствомъ, они спѣшили на путь, на которомъ имъ однимъ дозволено было идти быстро и до всего доходить. Сколько людей, обѣщавшихъ блистать на кафедрѣ, погребло дарованія свои въ канцеляріяхъ! Университеты и гимназіи, сама ученая часть пострадала отъ чрезвычайныхъ привилегій ей дарованныхъ.

Всемирно завлекая студентовъ и семинаристовъ въ гражданскую службу, Сперанскій лишилъ и церковь твердыхъ ея опоръ, достойныхъ пастырей, вѣщателей Слова Божія, образцовыхъ проповѣдниковъ. Можетъ быть, и это входило въ его намѣренія. Дѣйствительно, всѣ наши свѣтильники вѣры, Филареты, Теофилакты явились до изданія пагубнаго указа; почти черезъ тридцать лѣтъ воскресло у насъ духовное краснорѣчіе съ Иннокентіемъ. Храмы Божіи, храмы наукъ опустошались нечестивецъ своими затѣями. Онъ втайнѣ приготавлился тогда къ одному важному дѣлу, къ перестройкѣ государственнаго зданія и, въ угожденіе Государю, дѣлалъ опыты надъ экспедиціей водяныхъ комунікацій. Она дотолѣ входила въ составъ издыхающаго министерства комерціи, о которомъ канцлеръ Румянцовъ, при другихъ занятіяхъ, уже мало заботился. Изъ сей экспедиціи, съ помощію друга своего Лубяновскаго, состряпалъ онъ новое министерство, подъ именемъ путей сообщенія. Но какъ Императоръ намѣренъ былъ поручить его управленію зятя своего, мужа любимой сестры своей Екатерины Павловны, молодаго принца Ольденбургскаго, и званіе простаго министра ему было неприлично, то и названо оно Главною Дирекціей. Тогда же съ великими издержками основаны институтъ и корпусъ инженеровъ путей сообщенія. Во всѣхъ Европейскихъ странахъ гражданскіе инженеры были давно уже извѣстны; въ Россіи это показалось новостію. Оно что-то похоже было на архитектурство; а какъ у насъ художества тогда мало отличались отъ ремеслъ, и молодые дворяне, хотя изгоняемые изъ статской службы, не охотно бы за нихъ принялись: то, чтобъ открыть имъ какую-нибудь дорогу и привлечь ихъ, принцъ выпросилъ симъ новымъ инженерамъ военные мундиры и чины. Вмѣстѣ съ назначеніемъ его главнымъ директоромъ путей сообщенія сдѣлали его генераль-губернаторомъ Новгородскимъ, Тверскимъ и Ярославскимъ. Для великой княгини составили дворецъ; въ Твери генераль-губернаторскій домъ наскоро, но пышно

передѣляли въ дворецъ, и въ концѣ Августа они на житье туда отправились. И Тверь, не одинъ разъ великокняжеская столица, нѣкогда соперница Москвы, еще на нѣкоторое время опять блеснула между Русскими городами.

Желая навѣстить милую сестру и взглянуть на ея молодое, царское хозяйство, Государь отправился въ Тверь ко дню именинъ ея, 24-го Ноября. Видно, что старое, давно уснувшее соперничество Москвы въ ней опять пробудилось; ей казалось, что будетъ обидно, если Царь, находясь въ столь близкомъ отъ нея разстояніи, не захочетъ удостоить ее своимъ посѣщеніемъ. Два маститые старца, графъ Остерманъ и князь Голицынъ, явились въ Тверь отъ имени всего сонма заслуженныхъ, на покоѣ живущихъ бояръ и вельможъ, всего стариннаго Русскаго дворянства, коими наполнялась и гордилась тогда Москва, умолять Его Величество показать себя ей. Не знаю, какъ принялъ онъ это приглашеніе, однакоже согласился ѣхать, только не иначе, какъ съ сестрой, желая вѣроятно тѣмъ показать, что единственно для нея предпринялъ все это путешествіе. Тогда Цари не скакали еще на курьерскихъ изъ края въ край своихъ государствъ; ихъ странствованія, ихъ появленія, вдали отъ постоянного мѣста ихъ жительства, почитались еще великими событіями, долженствующими занять важное мѣсто въ скрижаляхъ народной исторіи. Болѣе восьми лѣтъ, со времени его коронаціи, Москвитяне не видали Александра; ни Сперанскаго, ни Аракчеева съ нимъ не было; все забыто; радость и восторгъ были неопианные. Если не самъ онъ, то, по крайней мѣрѣ, прелестная Екатерина, достойная славнаго имени бабки своей, раздѣляла ихъ. Праздникъ за праздникомъ, пробылъ онъ въ Москвѣ цѣлую недѣлю и даже провелъ въ ней день рожденія своего, 12-го Декабря. Въ этотъ день вечеромъ онъ довольно милостиво и нѣжно съ нею распростился ¹⁾.

Въ концѣ мрачнаго Октября сестра моя Алексѣева привезла раненаго мужа своего изъ Абова ²⁾. На костыляхъ представлялся онъ Го-

¹⁾ Нынѣ извѣстно, что эта поѣздка Государя въ Тверь и потомъ въ Москву имѣла значеніе политическое: нуженъ былъ лишній предлогъ, чтобы замедлить отвѣтомъ Наполеону на его предложеніе жениться на великой княгинѣ Аннѣ Павловнѣ и, въ переговорахъ о бывшей Польшѣ, которые велись тогда же, выговорить побольше для Россіи. См. Русскій Архивъ 1877 года. II. Б.

²⁾ Мнѣ все приходится говорить о графѣ Федорѣ Ивановичѣ Толстомъ, прозванномъ Американцемъ. У раненаго Алексѣева, нѣсколько времени жившаго въ Абовѣ, каждый вечеръ собиралась гвардейская молодежь, между прочими старый знакомый его Толстой и молодой Нарышкинъ. Они оба были влюблены въ какую-то Шведегу, Финляндку или Чухонку, и ревновали ее другъ къ другу. Въ одинъ изъ сихъ вечеровъ, сидѣли они рядомъ за большимъ карточнымъ столомъ, шепотомъ разобрались, на другое утро дрались, и бѣдный Нарышкинъ палъ отъ перваго выстрѣла своего противника. Вслѣдъ за тѣмъ гвардія выступила обратно походомъ въ Петербургъ, откуда было прислано прика-

сударю и Аракчееву; и даже послѣдній принялъ его ласково, и даже посадилъ, чего не дѣлалъ онъ съ корпусными генералами. Вообще въ Петербургѣ никогда ему не было такого житья, какъ въ эту осень и зиму. Изъ военныхъ, всѣ вельможные часто посѣщали его, оказывали ему участіе и уваженіе, особливо же недавніе начальники его, Каменскій и Шуваловъ. Послѣ трудностей похода, послѣ недостатковъ, часто голода, армейскіе вообще любятъ погулять, не заботясь о состояніи своего кармана; въ мирное время, какъ говорится, у нихъ копѣйка ребромъ. А этотъ былъ особенно добродушный и неразсчетливый вельселякъ. Натѣшившись въ столицѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ, получивъ безсрочный отпускъ съ сохраненіемъ жалованья и окладовъ, да сверхъ того нѣкоторую помощь отъ казны, въ самый новый годъ отправился онъ съ женою, сперва въ родимую Москву, а потомъ къ родимымъ въ Пензу, къ отцу-матери, къ малымъ дѣтушкамъ.

Проживши все это время съ зятемъ и сестрою, могъ бы я провести его довольно пріятно, еслибы на сердцѣ было повеселѣе. Я вступилъ въ тотъ возрастъ, въ которомъ люди серіозно начинаютъ думать о будущемъ, а оно мнѣ представлялось совсѣмъ не въ розовомъ видѣ. Еще съ весны началъ я настойчиво просить о должности, о штатномъ мѣстѣ. Въ такомъ случаѣ ищутъ обыкновенно въ младшихъ. Я полагалъ, что не имѣю въ томъ нужды, пользуясь покровительствомъ министра и его товарища. По волѣ перваго и ходатайству послѣдняго, въ Іюлѣ прикомандированъ я былъ къ экспедиціи государственнаго хозяйства, кою все продолжалъ управлять почтенный и ученый тайный совѣтникъ Карлъ Ивановичъ Габлицъ; его попеченіемъ былъ я порученъ отъ министра. Онъ передалъ меня Егору Васильевичу Корнееву *), начальнику третьяго отдѣленія, который долженъ былъ посвятить меня въ тайнства соляныхъ дѣлъ, въ этомъ отдѣленіи производящихся. Онъ былъ чрезвычайно косъ, говорилъ со мною мало и смотрѣлъ на меня косѣе обыкновеннаго. Будучи настоящимъ бюрократъ, видѣлъ онъ во мнѣ бѣлоручку, барченка. Вся эта порода ко мнѣ не благоволила; были въ ней, однакоже, выродки и, между прочимъ, одинъ столоначальникъ этого отдѣленія, надворный совѣтникъ Богдановичъ, съ которымъ я долженъ былъ заниматься. Съ весьма добрымъ сердцемъ, съ большою опытностію, имѣлъ онъ плохое здоровье, собирался въ отпускъ и возвращаться къ должности не хотѣлъ, если здоровье

заніе везти Толстаго арестованнымъ. У Выборгской заставы его опять остановили и послали прямо въ крѣпость. Нѣсколько лѣтъ вертѣлся онъ около Петербурга и въ третій разъ едва успѣлъ въ него попасть.

*) Нынѣ, въ глубокой старости, онъ инвалидный сенаторъ. Не смотря на то, женился на какой-то молодой.

ему не позволить. Я предначаченъ былъ его преемникомъ, и онъ употреблялъ всѣ средства, чтобы, познакомивъ меня со ввѣренными ему дѣлами, сдѣлать меня способнѣе къ занятію его мѣста. Онъ уѣхалъ, и я три мѣсяца исправлялъ его должность. Въ столѣ моемъ были дѣла по Крымскому соляному производству, и въ занятіи ими никакого не было колдовства. Корнѣевъ былъ со мною вовсе не любезенъ, обходился холодно, даже нѣсколько сурово, но ни малѣйшей неучтивости не позволялъ себѣ: видно, что я былъ исправенъ въ должности и въ обхожденіи съ нимъ умѣлъ быть вѣжливъ и вмѣстѣ съ тѣмъ показывать нѣкоторую твердость.

Въ это время явился жестокой указъ 6 Августа; послѣднимъ предѣломъ моего честолюбія поставлены были чинъ коллежскаго совѣтника и мѣсто начальника отдѣленія. Еслибъ у меня были свобода и состояніе, я немедленно бы оставилъ службу. Небольшое жалованье было для меня необходимостію, и я готовъ былъ терпѣливо переносить и Корнѣева, и всѣ указы Сперанскаго.

Когда Богдановичъ прислалъ просьбу объ отставкѣ, я считалъ излишнимъ напоминать о себѣ, обращаться къ министру, къ товарищу его или къ управляющему экспедиціей съ новыми искательствами: мѣсто столоначальника казалось принадлежащимъ мнѣ по праву. Вдругъ Лошкаревъ, своякъ Корнѣева, изъ другаго вѣдомства, назначенъ на это мѣсто, и я долженъ сдать ему бумаги. Я было бросился съ упреками: Корнѣевъ косо посмотрѣлъ на меня и ни слова не отвѣчалъ; Габлицъ сказалъ, что у него какъ-то вышло изъ памяти и что я напрасно ему не напомнилъ; «какъ быть», прибавилъ онъ, «дѣло сдѣлано». Итакъ, четыре мѣсяца самолюбіемъ, свободою и лѣнностію напрасно жертвовалъ я желанію быть себѣ и службѣ полезнымъ! Зло меня взяло, и я готовъ былъ изъ Петербурга бѣжать въ какую-нибудь пустыню.

Въ Декабрѣ, въ одно тихое, ясное, холодное утро встрѣтилъ я на дворцовой набережной управляющаго министерствомъ финансовъ, почтеннаго Федора Александровича Голубцова, котораго давно я не видалъ. Онъ остановилъ меня ласково и велѣлъ идти съ собою; потомъ сталъ разспрашивать о службѣ и съ участіемъ выслушивалъ подробности о неудачахъ моихъ по ней. «Батинька, голубчикъ (названія, кои употреблялъ онъ съ тѣми, къ коимъ благоволилъ), приходи ко мнѣ», сказалъ онъ, «тамъ кое о чемъ на просторѣ поговоримъ». Въ назначенный часъ явился я къ нему и былъ тотчасъ допущенъ; онъ объявилъ мнѣ намѣренія свои. Коллегіи, полуразрушенныя, все стояли еще, все еще не совсѣмъ были повалены; ударъ, готовый навсегда сокрушить сіи ветхія, а еще твердыя зданія, былъ уже занесенъ, но

никто о томъ еще не вѣдалъ. Министерства все еще сохраняли названія департаментовъ, ибо каждое изъ нихъ состояло изъ одного; была между ними, однакоже, нѣкоторая разница, напримѣръ, всеобъемлющій департаментъ внутреннихъ дѣлъ былъ раздѣленъ на три экспедиціи, изъ коихъ каждая имѣла свои отдѣленія и равнялась числомъ служащихъ съ другими департаментами, тогда какъ департаментъ финансовъ весь состоялъ изъ нѣсколькихъ только отдѣленій. Одно изъ нихъ было по кредитной части. Государственный долгъ былъ не великъ, и она далеко не была столь важною, какъ нынѣ, къ несчастію, она почитается. Отдѣленіемъ симъ управлялъ статскій совѣтникъ Семень Николаевичъ Озеровъ, человѣкъ честный, съ познаніями и усердіемъ. Пословица говоритъ: рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ—гдѣ лучше; въ Россіи не совсѣмъ такъ: а человѣкъ—гдѣ выше. Озеровъ желалъ получить мѣсто оберъ-прокурора въ Сенатѣ, и оно ему было уже обѣщано. Не зная, кѣмъ замѣнить его, Голубцовъ предложилъ мнѣ вступить въ его департаментъ, сдѣлаться ученикомъ Озерова мѣсяцевъ на семь или на восемь, можетъ-быть на годъ, и заступить его потомъ въ мѣстѣ начальника отдѣленія. Можно себя представить, какъ я обрадовался такому предложенію.

Я скорѣе подалъ Габлицу просьбу объ увольненіи меня изъ департамента внутреннихъ дѣлъ, но Корнѣевъ докладывалъ по ней министру. Не знаю, какъ онъ ему представилъ ее, только князь Курякинъ чрезвычайно прогнѣвался. Онъ зналъ, что кредитъ его при Дворѣ падаетъ, что Сперанскій, который никогда не могъ простить ему того, что былъ у него въ домѣ учителемъ, давно уже подъ него подкапывается; можетъ-быть полагалъ, что это извѣстно его подчиненнымъ и былъ въ весьма дурномъ расположеніи духа. Въ аттестатѣ, мнѣ выданномъ при увольненіи, ни единого слова не сказано мнѣ въ похвалу. По вечерамъ посѣщалъ я иногда домъ Козодавлева; когда послѣ того увидѣлъ онъ меня у себя, то подошелъ съ видомъ досады и сказалъ, что я напрасно поторопился, не предупредивъ его, что молодые люди всегда теряютъ отъ нетерпѣнія своего и тому подобное. Можетъ-быть, былъ онъ правъ, но какъ мнѣ было знать это тогда? Я отвѣчалъ не дерзко, но довольно смѣло; онъ отворотился отъ меня и всегда уже потомъ былъ холоденъ со мною.

Когда, наканунѣ Рождества, пришелъ я благодарить почтенно-милѣйшаго моего Ѳедора Александровича за опредѣленіе въ департаментъ финансовъ, сказалъ онъ мнѣ: «Батинька, голубчикъ, еще покамѣстъ не за что благодарить. Теперь къ концу года мы чрезвычайно заняты отчетами, а подожди недѣльки двѣ или три: тогда авось изъ экстраординарной суммы приищу тебѣ содержаніе, съ которымъ ты безбѣдно мо-

жешь прожить до полученія настоящаго мѣста». Вотъ съ какою сладостною надеждой заснулъ я въ 1809 году и проснулся въ 1810-мѣ.

VII.

Въ день Новаго Года всѣ воротившіеся изъ дворца отъ обѣдни, не одинъ коробъ, а цѣлый возъ привезли съ собою вѣстей. Одна изъ нихъ поразила меня, какъ громовымъ ударомъ: Голубцовъ былъ отставленъ. Но я не иначе люблю рассказывать, какъ все по порядку.

Со временъ Петра Великаго былъ при царяхъ Тайный Совѣтъ *). Онъ не имѣлъ постоянныхъ засѣданій и созывался въ нужныхъ, чрезвычайныхъ случаяхъ. Потомъ продолжалъ онъ существовать подъ именемъ Совѣта Его или Ея Императорскаго Величества. По вступленіи на престолъ Александра, Сперанскій, чрезъ покровителя своего графа Палена, предложилъ раздѣлить канцелярію его на четыре экспедиціи, какъ я гдѣ-то выше сказалъ, и умножить въ ней число дѣлъ. Этотъ первый опытъ назову я удачнымъ, ибо Совѣтъ никогда менѣе не занимался, ничего не могъ сдѣлать, ничего не дѣлалъ и въ новомъ образованіи своемъ успѣлъ уже состарѣться. Сперанскій задумалъ дать ему новую жизнь, новую силу и посредствомъ его управлять цѣлою Россіей. Онъ названъ Государственнымъ Совѣтомъ и долженъ былъ имѣть предсѣдателя, чего дотолѣ не было. Сперанскій былъ только что тайный совѣтникъ и, не смѣя себя предложить на это мѣсто, указалъ на государственнаго канцлера графа Румянцова, котораго все время поглощали затруднительныя тогда дипломатическія занятія.

Не канцелярію Совѣта, а самый Совѣтъ раздѣлили онъ на четыре департамента: законовъ, военныхъ дѣлъ, сухопутныхъ и морскихъ, гражданскихъ и государственной экономіи. Каждый изъ нихъ получилъ особаго предсѣдателя и нѣсколько членовъ. Всѣ дѣла особенной важности должны были подлежать разсмотрѣнію одного изъ департаментовъ или общаго ихъ собранія. Жалобы тяжущихся Государю на рѣшенія Сената, пропущенныя чрезъ вновь учрежденную Комисію Прошеній, также должны въ Совѣтѣ разсматриваться и перерѣшаться. Однимъ словомъ, онъ сдѣлался высшею инстанціей, соединяющею въ себѣ правительственную, законодательную и судебную власти.

Правителемъ канцеляріи Совѣта въ прежнемъ ея составѣ былъ нѣкто тайный совѣтникъ Иванъ Андреевичъ Вейдемейеръ. Незаконно-рожденный сынъ Русскихъ родителей, православной вѣры, получилъ онъ отъ нихъ Нѣмецкое прозваніе, какъ талисманъ; и дѣйствительно;

---

*) Отъ того названія и мѣста, нынѣ чины, тайныхъ и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ.

оно одно отверзало ему путь къ почестямъ, на которомъ ничтожество его, наконецъ, остановило. При новомъ преобразованіи Совѣта назначенъ онъ его членомъ, а Сперанскій смиренно заступилъ мѣсто этого жалкаго творенія, только уже подъ созданнымъ имъ названіемъ государственнаго секретаря. Подчиненные ему, управляющіе канцеляріями департаментовъ, получили титулъ статсъ-секретарей.

Въ картинахъ, въ романахъ, даже въ исторіи смотримъ мы съ удовольствіемъ на ужасы, при видѣ коихъ въ сущности мы бы содрогнулись. Такъ то было и съ императоромъ Александромъ: отецъ его, какъ увѣряютъ, не охотно бы согласился лично находиться въ сраженіяхъ, а безъ памяти любилъ маневры; сынъ же всегда любилъ тѣшиться искусственнымъ изображеніемъ представительнаго правленія. Кому лучше Сперанскаго можно было знать это? Государственный Совѣтъ и Правительствующій Сенатъ умѣлъ онъ въ глазахъ Царя представить подобіемъ верхней и нижней камеръ парламента, тогдашнихъ Французскаго Сената и Законодательнаго Корпуса, тогда какъ они съ ними ничего не имѣли общаго. Совѣтъ былъ ни что иное, какъ самъ Сперанскій, который предлагалъ въ немъ къ слушанію дѣла, потомъ, среди общаго молчанія членовъ, самъ разсуждалъ о нихъ и опредѣленія свои давалъ имъ подписывать. Сенатъ же упалъ ниже прежняго, превратился въ какую-то кассационную палату.

Мѣста предсѣдателей департаментовъ Совѣта, поставленные выше званій министровъ, какъ въ томъ скоро убѣдились, были не что иное, какъ необходимое, благовидное отъ сихъ послѣднихъ увольненіе. Для занятія должности предсѣдателя департамента экономіи вырыли вѣчнаго Николая Семеновича Мордвинова. Министръ юстиціи, князь Лопухинъ, и министръ народнаго просвѣщенія, графъ Завадовскій, уволены отъ должностей; первый назначенъ предсѣдателемъ департамента законовъ, послѣдній—департаменту гражданскихъ дѣлъ. Соединеніе званій предсѣдателя всего Совѣта и министра иностранныхъ дѣлъ въ лицѣ графа Румянцова доказывало, что и ихъ можно было бы оставить при обоихъ мѣстахъ (оба были извѣстны своимъ умомъ и опытностію); но Сперанскому нужны были министры помоложе и попокорнѣе.

Но что всего было важнѣе, непонятнѣе, изумительнѣе, Аракчеевъ, самъ графъ Алексѣй Андреевичъ, оставилъ Военное Министерство, чтобы занять мѣсто предсѣдателя департамента военныхъ, сухопутныхъ и морскихъ дѣлъ. Кто въ этомъ дѣлѣ былъ обмануть, Государь ли или Аракчеевъ? И не оба ли вмѣстѣ? Первый послѣднему никогда не оказывалъ болѣе любви и довѣренности. Можетъ-быть, думалъ онъ этимъ распространить его занятія и власть. А можетъ-быть, наскучивъ безпрестаннымъ несогласіемъ его съ главнокомандующими арміями, ожидая отъ

того вредныхъ послѣдствій въ случаѣ болѣе обширной войны, внимая жалобамъ всего войска, которыя были слишкомъ громки, чтобы не доходить до него; можетъ быть, тайно негодуя за то, что Аракчеевъ, не уважая его выборовъ, не хотѣлъ падить ни единого изъ его военныхъ любимцевъ, а между тѣмъ, желая показать, что онъ не уступаетъ общему мнѣнію, Государь искалъ средства, какъ будто возвышая его, устранить отъ такой части, которою самъ онъ тогда исключительно любилъ заниматься и въ которой министръ его не оставлялъ ему почти никакого дѣла. Помогъ ему Сперанскій, если сей послѣдній не самъ желалъ парализировать могущество Аракчеева. А этотъ показывалъ видъ весьма довольный; онъ, кажется, полагалъ, что не одна армія, но наконецъ и весь флотъ попался въ его желѣзныя лапы. Такъ всё по крайней мѣрѣ думали, и бѣдные моряки чрезвычайно опустили было голову.

Посредствомъ всѣхъ этихъ перемѣненій, по примѣру Англіи, возобновленъ былъ почти весь кабинетъ, что также было по вкусу Императора. И мнѣ приходится въ третій разъ изображать лица новыхъ министровъ *).

Военнымъ назначенъ главнокомандующій Финляндскою арміею Барклай-де-Толли. Онъ былъ Нѣмецъ, а никто изъ Русскихъ не позволилъ себѣ тогда поднять голоса противъ его назначенія. Высокая добродѣтель, высокій умъ самихъ враговъ своихъ заставляютъ невольно уважать себя. Происхожденіемъ изъ Шотландіи, сынъ Ревельскаго купца и бургомистра, женатый на дворянкѣ Смиттенъ, Барклай, казалось, не принадлежалъ ни къ какой націи, ни къ какому сословію: онъ принадлежалъ только къ чрезмѣрно-ограниченному въ мѣрѣ разряду мудрецовъ и героевъ. Оставивъ начальство на двѣ трети уменьшенной арміи своей, подъ именемъ корпуса, генераль-лейтенанту Штейнгелю, прибылъ онъ въ Петербургъ въ половинѣ Января. Съ первыхъ минутъ показалъ онъ твердость и умѣренность. Онъ не согласился подчинить себя Аракчееву (что Государь уже предвидѣлъ), потребовалъ власти равной той, которою предмѣстникъ его пользовался, и въ тоже время дѣйствіями своими доказывалъ, что не употребить ее во зло.

Извѣстный лично Государю, сенаторъ Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ былъ призванъ изъ Москвы, чтобы на мѣсто Лопухина быть министромъ юстиціи. Это былъ первый примѣръ тайнаго совѣтника, поступающаго

---

*) Надо отдать справедливость Александру и Сперанскому: никто лучше ихъ не умѣлъ хранить тайну. Никто не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія на счетъ приготовляемыхъ перемѣнъ. Сами министры узнали о томъ, развѣ только наканунѣ новаго года, дня, въ который перемѣны сіи послѣдовали.

прямо въ министры. Кажется, нѣтъ сомнѣнія, что Сперанскій, перепутывая чины и мѣста, думалъ уже объ уничтоженіи первыхъ. Зная Дмитріева, какъ отличнаго поэта, вспоминая Державина, полагая, что несовершенное знаніе дѣлъ подчинить ему его, онъ не противился выбору Царя, мысленно сдѣланному во время недавняго посѣщенія Москвы. Странное дѣло, что Александръ не любилъ стиховъ, презиралъ ими даже, а высоко цѣнилъ поэтовъ. Онъ полагалъ, что стихи не что иначе, какъ блестящія шалости, мотовство богатаго ума, сокровища свои попусту расточающаго. Во всякомъ поэтѣ видѣлъ онъ искуснаго правителя, судью, котораго стѣбитъ только поставить на истинный путь, ему природой указанный, съ котораго сила воображенія своротила его, и тогда отъ него болѣе чѣмъ отъ другихъ государство можетъ ожидать пользы. Все польза да польза, а какая польза безъ наслажденій вкуса, ума и сердца! Какъ не зналъ Александръ, что не стихи-поэзія, а любовь, которую въ молодости онъ такъ сильно ощущалъ, слава, которою онъ былъ очарованъ, религиозныя чувства, которымъ онъ такъ искренно предавался, наконецъ, всѣ благородныя страсти, кои тѣмъ сильнѣе волновали грудь его, чѣмъ болѣе онъ старался скрывать ихъ, желая всегда казаться только мудрымъ и хладнокровнымъ.

Когда, при вступленіи на престоль, Павелъ наслѣдника своего сдѣлалъ шефомъ Семеновскаго полка, Дмитріевъ былъ въ немъ капитаномъ. Мужественная красота его поразила юношу; остроуміе его забавляло и плѣняло однополчанъ, тогда какъ въ тоже время какая-то природная важность въ присутствіи его удерживала лишніе порывы ихъ веселости: они почтительно наслаждались имъ. Изъ офицеровъ тогдашней гвардіи немногіе отличались образованностію; за то всѣ они, почти безъ изыатія, подобно Дмитріеву, гордились извѣстностію, древностію благородныхъ своихъ именъ. Въ самомъ же Дмитріевѣ (пусть нынѣ назовутъ это предрасудкомъ) старинный дворянинъ былъ еще чувствительнѣе, чѣмъ поэтъ и офицеръ. Оттого товарищи еще болѣе любили его, въ этомъ только почитали себя ему равными, во всемъ же прочемъ признавали его первенство между собою. По какому-то недоразумѣнію схваченъ былъ онъ (разумѣется при Павлѣ) и какъ преступникъ посаженъ въ крѣпость. Не прошло сутокъ, какъ истина открылась, и онъ призванъ въ кабинетъ Царя, куда явился съ покорностію подданства и смѣлостію невинности. Павелъ восхитился имъ и, по обыкновенію своему, переходя изъ одной крайности въ другую, изъ гвардіи капитановъ произвелъ его прямо въ оберъ-прокуроры Сената, съ опредѣленіемъ на первую могущую открыться вакансію. Вотъ въ какихъ обстоятельствахъ узналъ его Александръ и послѣ того всегда сохранялъ о немъ высокое мнѣніе.

Какъ стихотворецъ, будетъ всегда занимать онъ на Русскомъ Парнасѣ замѣчательное мѣсто. До него свѣтскіе люди и женщины не читали Русскихъ стиховъ или, читая, не понимали ихъ. Не было середины: съ одной стороны Ломоносовъ и Державинъ, съ другой Майковъ и Барковъ, или восторженное, превыспренное, или площадное и непотребное, ода *Богъ* или *Емсей*. Скажутъ конечно, что Княжнинъ прежде его написалъ въ стихахъ двѣ хорошія комедіи—*Хвастунъ* и *Чудаки*; да развѣ въ нихъ есть разговорный языкъ хорошаго общества? Доказавъ Ермакомъ и Освобожденіемъ Москвы все, что въ лирическомъ родѣ онъ въ состояніи сдѣлать, не отъ безсилія перешелъ онъ къ другому, на первый взглядъ болѣе легкому роду. Его *Модную Жену*, *Воздушныя Замки* и даже множество пѣсенокъ начали дамы знать наизусть. Съ недостигаемыхъ для публики высотъ свелъ онъ Музу свою и во всей красѣ поставилъ ее гораздо выше гнѣющаго болота, гдѣ воспѣвали Панкратій Сумароковъ и ему подобные: однимъ словомъ, онъ представилъ ее въ гостинныхъ. То, что предпринялъ онъ въ стихахъ, сдѣлалъ въ прозѣ землякъ его, другъ и братъ о Аполлонѣ, Карамзинъ, и долго оба они сіяли Москвѣ, какъ созвѣздіе Кастора и Полукса.

Государь не ошибся, избравъ министромъ поэта Дмитріева; но только не поэта, а кореннаго Русскаго человѣка по отцу и по матери. Эти люди, исключая особаго какого-нибудь дара, всегда имѣютъ еще врожденныя способности ко всему. Оттого часто мы видимъ у себя моряковъ, которые, не покидая морской службы, хорошо выучиваются фронтовой, гусаровъ, которые дѣлаются инженерами; оттого, когда нужда потребовала, видѣли мы канцелярскихъ, бросающихъ перо, хватающихся за ружье и саблю и славно владѣющихъ ими противъ непріятеля. Оттого не должны мы слишкомъ строго осуждать помѣщиковъ, твердо въ томъ увѣренныхъ, которые, не справляясь со склонностями крѣпостныхъ своихъ мальчиковъ, безъ разбора, по прихоти отдаютъ ихъ учиться ремесламъ: если не всѣ выходятъ изъ нихъ мастера, то, по крайней мѣрѣ, хорошіе работники. Русскіе отличаются этою смѣтливостію не только отъ другихъ народовъ, но и отъ всѣхъ Славянскихъ племенъ. Дмитріевъ, который, можетъ быть, никогда не думалъ о судебной части, долженъ былъ заняться ею, вслѣдствіе счастливаго каприза императора Павла. Съ его необыкновеннымъ умомъ, съ его любовію къ справедливости, ему не трудно было съ сею частію скоро ознакомиться, и Русское правосудіе сдѣлало въ немъ важное пріобрѣтеніе. Но оно отвлекало его отъ любимыхъ его стихотворныхъ занятій, коимъ надѣялся онъ посвятить всю жизнь, и нѣсколько лѣтъ провелъ онъ въ отставкѣ. Желая уму его дать болѣе солидную пищу,

Александръ сдѣлалъ его сперва сенаторомъ, а вскорѣ потомъ министромъ. Тогда не былъ я столь счастливъ, чтобы лично съ нимъ познакомиться (это случилось гораздо позже), но какъ всѣ короткіе пріатели мои пользовались его благосклонностію, которую въ послѣдствіи и на меня простеръ онъ, то и тогда я уже зналъ характеръ его, какъ будто вѣкъ съ нимъ жилъ. Какъ во всякомъ необыкновенномъ человѣкѣ, было въ немъ много противоположностей: въ немъ все было размѣрено, чинно, опрятно, даже чопорно, какъ въ Нѣмцѣ; всѣ же привычки, вкусы его были совершенно Русскаго барина; квась, пироги, паче всего малина со сливками были его наслажденіемъ. Любилъ онъ также и шутовъ, но въ нихъ посвящалъ обыкновенно чванныхъ стихоплетовъ. Многіе почитали его эгоистомъ*), потому что онъ былъ холостъ и казался холоденъ. Любилъ онъ немногихъ, за то любилъ ихъ горячо; прочимъ всегда желалъ онъ добра; чего требовать болѣе отъ человѣческаго сердца? Крупные и мелкіе Московскіе литераторы всегда составляли его семью, общество и свиту; въ молодости и въ зрѣлыхъ лѣтахъ былъ онъ ихъ коноводомъ, въ старости патріархомъ ихъ. Человѣка, не имѣющаго никакихъ слабостей, мнѣ кажется любить нельзя, можно ему только что дивиться; Дмитріевъ, съ прекрасными свойствами истинныхъ поэтовъ, имѣлъ нѣкоторые изъ ихъ слабостей: въ немъ была чрезвычайная раздражительность и маленькое тщеславіе. Съ этою приправой, самая важность его, серьезный видъ дѣлались привлекательны.

Министромъ народнаго просвѣщенія назначенъ былъ графъ Алексѣй Кириловичъ Разумовскій, попечитель Московскаго университета. Онъ также посѣщенію Москвы Государемъ былъ обязанъ за его выборъ. Всѣ сыновья добродушнаго, ко всѣмъ радушнаго Кирилла Григорьевича были не въ него спѣсивы и не доступны. А казалось бы ему скорѣе можно было въ молодости зазнаться при быстромъ переходѣ, отъ состоянія пастуха къ званію гетмана Малороссіи, отъ нищеты къ несметному богатству. Всѣ они воспитаны были за границей, начинены Французскою литературой, облечены въ иностранныя формы и почитали себя Русскими Монморанси. Трое изъ нихъ были просто любезные при Дворѣ и несносные виѣ его аристократы; одинъ Андрей былъ извѣстнымъ дипломатомъ, а двое, Григорій и Алексѣй, предались наукамъ, первый минералогіи, послѣдній ботаникѣ. Можетъ быть, Линней и былъ бы хорошимъ министромъ просвѣщенія, но между ученымъ

---

*) Дружбы не знаютъ эгоисты, а сердце Дмитріева какъ будто осиротѣло, овдовѣло послѣ смерти Карамзина. Одинъ разъ со мною, разговаривая объ умершемъ другѣ своемъ съ чувствомъ, съ похвалою, но безъ большаго жара, вдругъ забылся онъ до слезъ. Изъяснить не могу, какъ я былъ глубоко этимъ тронуть.

и только что любителемъ науки великая разница. Изъ познаній своихъ дѣлалъ графъ Алексѣй Разумовскій тоже употребленіе, что и изъ богатства: онъ наслаждался ими одинъ, безъ малѣйшаго удовольствія, безъ всякой пользы для другихъ. Въ подмосковномъ великолѣпномъ помѣстьѣ своемъ Горенкахъ, среди царской роскоши, заперся онъ одинъ съ своими растеніями. Тогда все почиталось великою ученостью; отъ любезныхъ ему теплицъ оторвали его, чтобы поручить ему разсадники наукъ: казалось, право, что Русское юношество считали принадлежащимъ къ царству прозябаемыхъ. Еще разъ должно сказать, что всѣ эти баричи, при Екатеринѣ и послѣ нея, на Французскій знатный манеръ воспитанные, въ дѣлахъ были ни къ чему не годны, слѣдственно съ властію и вредны; и къ сотнямъ доказательствъ того принадлежитъ Разумовскій. Никакой памяти не оставилъ онъ по себѣ въ министерствѣ. Онъ имѣлъ одну только незаконную славу быть отцомъ Перовскихъ.

Если трое названныхъ мною новыхъ министровъ были выписные, изъ арміи, изъ Москвы, то четвертый былъ Петербургскій, доморощенный, при Дворѣ откормленный, Дмитрій Александровичъ Гурьевъ. При первомъ учрежденіи министерствъ умѣлъ онъ какъ-то припутаться къ партіи Новосильцовыхъ, Кочубеевъ, Чарторыйскихъ и попалъ въ товарищи министра финансовъ. Въ тоже время управлялъ онъ Кабинетомъ его величества, то-есть карманными его деньгами. Когда въ 1805 году Троцинскій вышелъ въ отставку, сдѣланъ былъ онъ сверхъ того министромъ удѣловъ; удѣлы, какъ извѣстно, почитаются министерствомъ за урядъ и въ отношеніи къ другимъ тоже самое, что Марокская имперія къ имперіи Австрійской или Россійской.

Послѣ кончины графа Васильева надѣялся онъ быть его преемникомъ; но всѣмъ извѣстная, высокая, огромная его неспособность до того не допустила. Голубцова сдѣлали управляющимъ министерствомъ; а Гурьеву, старѣе его чиномъ, нельзя было оставаться его товарищемъ. Съ тѣхъ поръ не переставалъ онъ думать объ этомъ министерствѣ и гайно интриговать о полученіи его. Осторожность, робость и вмѣстѣ съ тѣмъ самостоятельность Голубцова не могли нравиться Сперанскому: онъ почиталъ его человѣкомъ завязшимъ въ старинной, изъязвленной колеѣ. Онъ все страшился чрезвычайныхъ займовъ. Безсмысленный! Развѣ, развѣ не зналъ онъ, что Англія богатѣетъ, благоденствуетъ въ неоплатныхъ долгахъ: этого рода блаженство желалъ Сперанскій доставить Россіи. Въ учрежденіи Совѣта такъ было все устроено, что онъ могъ любое министерство или изъ него любую часть забирать къ себѣ въ руки; при тогдашнихъ обстоятельствахъ финансовая начинала почитаться важнѣйшею, а отъ Голуб-

цова не могъ онъ ожидать совершенной покорности. Онъ даже не хотѣлъ ему дать мѣста въ новомъ своемъ Совѣтѣ и въ указѣ о его увольненіи ни слова не упомянулъ о его просьбѣ. Послѣ того Гурьевъ оставался только именовемъ министръ финансовъ; настоящимъ не переставалъ быть Сперанскій до самаго паденія своего, не входя впрочемъ ни въ какія внутреннія по канцеляріямъ распоряженія.

Другой разъ встрѣчаюсь я съ этимъ Гурьевымъ, однимъ изъ долговѣщѣйшихъ нашихъ министровъ и все какъ будто избѣгаю входить на счетъ его особы и управленія въ какія-либо подробности. Признаюсь, предметъ не самый пріятный; но такъ и быть, начну *ab ovo*, съ яйца, изъ котораго онъ вылупился. Если вѣрить словамъ одного стариннаго рассказчика, бывшаго при дворѣ Екатерины, не покидавшаго Петербурга, знающаго настоящихъ отцовъ многихъ изъ нынѣшнихъ пожилыхъ уже людей, яйцо это было не орлиное. Большіе баре въ старину любили камердинеровъ своихъ, домоправителей, управителей выводить въ чины; они гордились этимъ, они даже смотрѣли равнодушно, иные даже съ удовольствіемъ, какъ, распоряжая ихъ имѣніями, эти люди наживали собственные; въ моей молодости это я еще помню. Одинъ изъ сихъ управителей, отецъ Гурьева, былъ чрезвычайно любимъ своимъ господиномъ, котораго рассказчикъ мой *) назвать мнѣ не умѣлъ, но говорилъ какъ о дѣлѣ въ его время всѣмъ извѣстномъ. Не только отпустилъ онъ его на волю, не только доставилъ ему штабъ-офицерскій чинъ, но малолѣтнаго его сына позволилъ воспитывать съ собственными дѣтьми. Когда мальчикъ выросъ, отецъ его имѣлъ уже хорошее состояніе и могъ, записавъ его въ артилерію, дать ему приличное содержаніе. Гурьевъ никогда не былъ ни хорошъ, ни уменъ; только въ тѣ поры былъ онъ молодъ, свѣжъ, дюжъ, бѣлъ и румянъ, вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно искателенъ и угодителенъ; ему хотѣлось во что бы ни стало попасть въ люди, и слѣное счастье услышало мольбы его. Онъ случайно познакомился съ однимъ молодымъ, женоподобнымъ миліонеромъ, графомъ Павломъ Мартыновичемъ Скавронскимъ, внукомъ роднаго брата Екатерины I, отправлявшимся за границу. Гурьевъ умѣлъ ему полюбиться, даже овладѣть имъ, и болѣе трехъ лѣтъ странствовалъ съ нимъ по Европѣ. Этотъ молодой Скавронской, какъ говорятъ, былъ великій чудакъ: никакая земля не нравилась ему, кромѣ Италіи, всему предпочиталъ онъ музыку, самъ сочинялъ какую-то ералашъ, давалъ концерты, и слуги его не иначе имѣли дозволеніе говорить съ нимъ какъ речитативами, какъ на рас-

---

*) Сергій Васильевичъ Салтыковъ.

пѣвъ. Вѣроятно и Гурьевъ изъ угожденія принужденъ былъ иногда пѣть съ нимъ дуэты. Когда Савронской воротился въ Петербургъ, всѣ молодыя знатныя дѣвицы стали искать его руки, а онъ о женитьбѣ и слышать не хотѣлъ. Наконецъ, самъ князь Потемкинъ пожелалъ выдать за него племянницу свою Энгельгардтъ, сестру графини Браницкой и княгини Голицыной. Одинъ только Гурьевъ могъ этимъ дѣломъ поладить, но онъ торговался и требовалъ по тогдашнему невозможнаго: онъ хотѣлъ быть камеръ-юнкеромъ. Всякаго другаго, но только не Потемкина, это бы остановило; и такъ сей бракъ стараніями его состоялся. Не только получилъ онъ камеръ-юнкерство, но сверхъ того отъ Савронскаго три тысячи душъ въ знакъ памяти и вѣрной дружбы. Молодость, иностранная образованность, придворный чинъ, богатство, все это позволяло думать ему о выгодной партіи, только новость его имени все еще мѣшала ему получить право гражданства въ аристократическомъ мірѣ; онъ скоро приобрѣлъ ихъ, женившись на графинѣ Прасковѣ Николаевнѣ Салтыковой, тридцатилѣтней дѣвкѣ, уродливой и злой, на которой никто не хотѣлъ жениться, не смотря на ея три тысячи душъ.

Гурьевъ не даромъ путешествовалъ за границей: онъ тамъ усовершенствовалъ себя по части гастрономической. У него въ этомъ родѣ былъ дѣйствительно гений изобрѣтательный и, кажется, есть паштеты, есть котлеты, которые носятъ его имя. Онъ давалъ обѣды знатымъ, новымъ роднымъ своимъ, и только имъ однимъ; домъ его сталъ почитаться однимъ изъ лучшихъ, и самъ онъ попалъ въ число первыхъ патриціевъ Петрополя.

Восшествіе Гурьева на знатность можно почитать пагубной для нея эпохой. Дворъ Екатерины и Павла, заимствовавшій тонъ и манеры у Версальскаго, наслѣдовалъ ему послѣ его паденія и разсѣянія его представителей, сдѣлался убѣжищемъ вкуса и пристойности и начиналъ служить образцомъ другимъ дворамъ Европейскимъ. Мужчины и женщины старались въ немъ отличиться вѣжливостію; непринужденно отдѣляясь отъ толпы, они привѣтливо ей улыбались: чѣмъ знатнѣе кто считалъ себя, тѣмъ учтивѣе былъ онъ съ тѣми, кого почиталъ себя ниже. Восходящіе изъ ничтожества спѣшили имъ уподобляться, чтобы сравниться съ ними, и подражаніе начинало распространяться по провинціямъ, къ чему Русское добродушіе много способствовало. Революція породила борьбу демокраціи съ высшимъ дворянствомъ во Франціи и, можетъ быть, нѣкоторымъ образомъ въ сосѣдственныхъ съ нею земляхъ; мы же оставались внѣ ея дѣйствія. Происшествія заставили въ Европѣ настоящихъ аристократовъ принять видъ непріязненный противъ притязаній нисшихъ классовъ: имъ нужно было надменностію

осадить заносчивость людей средняго состоянія. Въ Россіи никто не думалъ оспаривать правъ знатности, сколь въпрочемъ они ни были мнимы и ни на чемъ не основаны: уважали ея возвышеніе, любили ея привѣтливость. Но все Европейское, рано или поздно или въ непопадъ, непремѣнно должно къ намъ перейти. Кочубей былъ первый, который берегъ улыбки для равносильныхъ ему при Дворѣ, для приближенныхъ своихъ, необходимыхъ ему по дѣламъ службы и по денежнымъ дѣламъ его: всѣхъ прочихъ встрѣчало его надменное, угрюмое чело, скупость словъ и убійственный холодъ. Не говоря о давно-прошедшемъ при Аннѣ и Елисаветѣ, въ новѣйшее время онъ первый началъ входить въ постыдныя для министра спекуляціи.

Но обхожденіе его можно было назвать ласкою въ сравненіи съ дурацкою напыщенностію Гурьева. Еслибъ посредствомъ родственныхъ и другихъ связей заранѣе не водворился бы онъ въ такъ называемомъ высшемъ кругу, еслибъ по достиженіи министерства перемѣнилъ бы онъ обращеніе съ людьми, его составляющими, то неизбѣжно постигнуло бы его названіе... Сего не случилось, ибо въ возвышеніи его Русская знать видѣла торжество своей касты. Семейства обоихъ, Кочубея и Гурьева, подражая имъ, сдѣлались въ обществѣ нестерпимы и наглы со всѣми, коихъ не признавали своими, то-есть (чинъ, титулъ и древность рода въ сторону) со всѣми, коихъ богатство и кредитъ при Дворѣ были незначительны. Мало-по-малу, умножая число своихъ приверженцевъ, семейство Гурьево похитило законодательство и полицію гостинныхъ. Можетъ быть, примѣръ вѣчно образцовой для насъ Франціи также дѣйствовала тогда: тамъ одинъ только Талейранъ умѣлъ еще быть учтивымъ; новые же герцоги, маршалы, министры, префекты, равно какъ и супруги ихъ, всѣ вылѣзшіе изъ харчевень, конюшень, кабаковъ, вѣрно не хуже Гурьевыхъ умѣли подавлять своею сцѣсью. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ при Кочубеѣ было такъ обширно, что въ немъ самомъ видѣли перваго министра; послѣ того Министерство Финансовъ при Гурьевѣ почиталось выше другихъ; наконецъ, зять этого Гурьева долго управлялъ и до сихъ поръ управляетъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ; и какъ бы прежде ни хвалилась Петербургская аристократія своею независимостію отъ милостей Двора, официальная сила сихъ трехъ человекъ имѣла на составъ ея рѣшительное вліяніе. Всѣ трое извѣстны были алчностью къ прибыли, и по всей справедливости можно почитать ихъ у насъ основателями явнаго поклоненія золотому тельцу, столь пагубнаго для нашей чести и нравственности.

Трое только изъ прежнихъ министровъ сохранили свои портфели: Румянцовъ, Чичаговъ и Куракинъ; послѣдній не на долго. Сперанскій,

какъ всё гордыя и подлыя души, для коихъ благодарность — бремя и скука, не зналъ, какъ совершенно отдѣлаться отъ перваго своего патрона и искалъ только удобнаго случая его выпроводить; онъ скоро представился. Дочь императора Австрійскаго, эрцгерцогиня Марія Луиза, была, какъ извѣстно, залогомъ послѣдняго мира его съ Наполеономъ. Всемирный этотъ владыка хотѣлъ, чтобъ и семейныя его происшествія были ознаменованы печатію побѣдъ и торжества. Подвластные ему короли и королевы должны были лично присутствовать при его бракосочетаніи; союзныя же государи, коихъ число было не велико, считали необходимостію отправить вмѣсто себя знатнѣйшихъ сановниковъ своихъ, чтобы быть свидѣтелями сего великаго происшествія. Зная, какъ всё Куракины болѣе или менѣе заражены тщеславіемъ, Сперанскій увѣренъ былъ, что князь Алексѣй Борисовичъ не откажется отъ таковой чести и присовѣтовалъ Государю предложить ему сію поѣздку, въ надеждѣ воспользоваться его отсутствіемъ, чтобы, какъ говорится, доканать его. Въ Мартѣ отправился онъ на свадьбу въ Парижъ, гдѣ старшій братъ его, князь Александръ Борисовичъ, переведенный изъ Вѣны, находился чрезвычайнымъ посломъ. По отъѣздѣ его, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ поручено товарищу его Козодавлеву.

По окончаніи маневровъ, болѣе чѣмъ военныхъ дѣйствій, противъ Австріи въ Галиціи, по заключеніи мира съ Швеціей, все вниманіе обратилось на войну съ Турками. Съ 1806 года Молдавія и Валахія по Дунай заняты были Михельсономъ, который въ слѣдующемъ году умеръ. Осьмидесятилѣтній, полумертвый фельдмаршалъ князь Прозоровскій, заступившій его мѣсто, болѣе двухъ лѣтъ мирно управлялъ княжествами и спокойно начальствовалъ неподвижною арміей. Церемонились съ нимъ, не хотѣли обидѣть его, не рѣшались отозвать, а между тѣмъ желали распеветить старика и оживить гаснущую войну. Для того выдумали послать къ нему въ помощь знаменитаго воина, князя Багратіона, который къ концу лѣта 1809 года дѣйствительно успѣлъ усадить его на коня и перетащить за Дунай. Браннымъ шумомъ и движеніемъ гальванизированный трупъ Прозоровскаго на нѣсколько дней какъ будто ожилъ; но это была послѣдняя вспышка догорающей лампы: однимъ утромъ нашли его въ палаткѣ заснушаго вѣчнымъ сномъ. Багратіонъ не принялъ начальства надъ арміей, которое и безъ того уже имѣлъ, а получилъ только званіе главнокомандующаго. Войска было у него не слишкомъ много; однакоже, въ продолженіи осени успѣлъ онъ безъ всякаго кровопролитія взять двѣ важныя крѣпости, Браиловъ и Измаиль, а за Дунаемъ, безъ главнаго дѣла, во всѣхъ частныхъ встрѣчахъ Турки были разбиты и прогнаны.

Война съ Швеціей пріучила Петербургъ къ быстрымъ успѣхамъ, и потому дѣйствія Багратіона казались весьма неудовлетворительными. «Вотъ диковинка, что перешелъ Дунай; лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ можно было этому дивиться, а теперь никого не польститъ названіе Задунайскаго; нѣтъ, братъ. ступай за Балканы». Такъ рассуждали въ Англійскомъ клубѣ. Въ Петербургѣ неслужащихъ весьма мало, а праздныхъ людей чрезвычайно много; всѣ тѣ, которые имѣли претензіи на просвѣщеніе, старались быть членами этого клуба, чтобы поврать о политикѣ. Не имѣя понятія ни о трудахъ, ни объ опасностяхъ, ареопагъ сей, упиваясь Шампанскимъ, произносилъ строгіе приговоры генераламъ; къ сожалѣнію, находили они отголоски въ обществахъ. «Сражаться съ просвѣщенными Шведами, кажется, труднѣе, находили они, чѣмъ съ варварами, не знающими ни дисциплины, ни тактики. Впрочемъ, этотъ Багратіонъ и самъ невѣжда, который знаетъ войну только по практикѣ». Между тѣмъ и Аракчеевъ, который мыслилъ видно не болѣе ихъ, также гнѣвался на него за медленность и начиналъ уже ссориться. Багратіонъ сталъ просить объ увольненіи, не зная еще, что самъ Аракчеевъ получилъ его. Государь, общее мнѣніе и новый министръ Барклай прочили его мѣсто графу Каменскому, и потому никакихъ, можетъ быть тайно ожидаемыхъ имъ, препятствій къ исполненію его вынужденной просьбы не встрѣтилось.

Назначеніе Каменскаго главнокомандующимъ Молдавскою арміей всѣхъ обрадовало: всѣ любили его, всѣ уважали, всѣмъ извѣстны были его воинскіе таланты; никто не зналъ его болѣзненнаго состоянія. Союзъ съ Наполеономъ все еще продолжался, но ясно можно было видѣть, что разрывъ замедляется единственно жестокими затрудненіями, имъ встрѣчаемыми на Гишпанскомъ полуостровѣ: Гишпанская война, какъ Шпанская муха, оттягивала отъ насъ бѣдствія. Пока онъ не успѣлъ еще управиться съ великодушными, храбрыми Кастилянами и Арагонцами, надобно было стараться намъ кончить всѣ наши расчеты съ сосѣдами и блестящимъ образомъ, если можно взятіемъ Константинополя, заключить войну нашу съ Турками. Усиленная всѣми войсками, находившимися въ Галиціи, предводительствуемая Каменскимъ, чего, казалось, не могла совершить Молдавская армія?

Въ первыхъ числахъ Февраля, благословляемый всею Россіей, Каменскій отправился въ Букарешть. Съ нимъ поѣхалъ одинъ молодой человекъ, о которомъ много и довольно часто говорилъ я въ сихъ Запискахъ, но о коемъ давно уже не упоминалъ. Возвратившись осенью 1808 года въ Петербургъ, я не нашелъ въ немъ Блудова. Занимаясь, наконецъ, дѣятельно, при товарищѣ министра иностранныхъ дѣлъ графѣ Салтыковѣ, во время отсутствія Румянцова управлявшемъ министерствомъ, еще бо-

лѣе уважающемъ его, чѣмъ любящемъ, отправленъ былъ онъ съ Андреевскою лентой къ брату Наполеона, Голандскому королю Лудовику. Молодой Корсиканецъ, отъ искренняго сердца сдѣлавшись Голандцемъ, какъ всѣ новые соотечественники его, полюбилъ Россію; какъ они, гордился онъ славою Сардама, которая навсегда связала ихъ съ нами, но которую, какъ мнѣ кажется, мы не слишкомъ должны гордиться. Молодой человѣкъ былъ отмѣнно хорошо принятъ при молодомъ дворѣ, не всѣмъ еще устроенномъ, и самъ король вручилъ ему бриліантовый знакъ вновь учрежденнаго имъ Ордена Союза. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратившись, нашель онъ, что при Румянцовѣ самъ Салтыковъ мало имѣеть занятій, и онъ опять остался безъ дѣла.

Покойная мать его, почти всегда хвораая, жила уединенно въ Москвѣ, въ сосѣдствѣ и тѣсной дружбѣ съ статсъ-дамою графиней Каменскою, женою фельдмаршала и матерью главнокомандующаго, которая также семейную жизнь предпочитала свѣтской: рѣдко можно было видѣть двухъ сестеръ столь нѣжно любящихъ другъ друга. Передъ коронаціей Александра пріѣхалъ изъ Петербурга къ графинѣ Каменской родной дядя ея, князь Андрей Николаевичъ Щербатовъ съ женою и дочерью и остановился у нея. Молодая княжна Анна Андреевна Щербатова примѣчательна была нѣжными чертами лица, и при Дворѣ, гдѣ она находилась фрейлиной, многіе находили въ ней сходство съ императрицею Елисаветою Алексѣевной; одни давали ей преимущество, другіе императрицѣ. Присутствіе Петербургской дѣвицы оживило однообразіе графини Каменской. Не трудно было княжнѣ Щербатовой, съ прелестями, которыя она еще имѣла, съ ангельскою кротостію, которою всегда отличалась, съ знаніемъ приличій большаго свѣта, вскружить голову пятнадцати или шестнадцатилѣтнему кипучему мальчику, не знакомому еще со свѣтскимъ и женскимъ кокетствомъ, совершенно невинному, но въ которомъ отъ силы воображенія страсти успѣли уже созрѣть. Она плѣнила его, хотя никакъ о томъ не думала и нѣсколькими годами была его старѣе. Эта страсть въ слѣдующемъ году привлекла его въ Петербургъ. За нее долженъ благодарить онъ Небо: она истребила въ немъ всѣ порочныя побужденія, жаръ души его направила къ добру и чести. Какъ можно было почти ребенку помышлять о женитьбѣ? Долго оставалась она для него только кумиромъ добродѣтели, источникомъ чистѣйшихъ помышлений и чувствованій. Исключая несовершеннолѣтіе его, къ брачному съ нею союзу представлялись еще другія препятствія. Княгиня Щербатова, женщина извѣстная своею набожностію, строгими правилами, примѣрною преданностію и вѣрностію супругу, (тридцатью годами ея старѣе), гордясь его знатностію и своими добродѣтелями, была сурова и надменна. Многимъ молодымъ

людямъ достойнымъ ея дочери отказывала она уже въ рукѣ ея; чего же можно было ожидать малочинному дворянчику, у котораго, правда, была родословная длиною въ восемь столѣтій, наполненная именами бояръ и воеводъ, но что это значить въ Россіи? Подъ словомъ знатность разумѣется въ ней совсѣмъ новая или, по крайней мѣрѣ, подновленная знаменитость. Время и постоянство одождываютъ все: графиня Каменская, принявшая на себя всѣ обязанности умершей матери Блудова, вступилась въ это дѣло, и гордая княгиня изъявила, наконецъ, свое согласіе. Для доставленія скорѣйшаго повышенія будущему родственнику, Каменскій назначилъ его правителемъ своей заграничной канцеляріи, что было очень важно для надворнаго совѣтника, которому не было двадцати пяти лѣтъ отъ роду.

VIII.

Если счастье наконецъ улыбалось Блудову, то отъ меня оно совсѣмъ отвратило лицо свое; другому я бы можетъ-быть позавидовалъ, а его успѣхи были для меня утѣшеніемъ.

Я принадлежалъ къ канцеляріи министра финансовъ, которой еще не видалъ, въ которой рѣшительно никого не зналъ и ни къ кому не являлся. Собравшись съ духомъ, посѣтилъ я Озерова*), которому извѣстны были намѣренія Голубцова; онъ откровенно сказалъ мнѣ, что самъ находится въ затруднительномъ положеніи, не думаетъ долго сохранить мѣста и совѣтовалъ мнѣ пока оставаться спокойнымъ, повременить, осмотрѣться, увидѣть, какое возмутъ направленіе дѣла и люди.

Возвратившись изъ Китайскаго посольства, былъ я у Гурьева съ письмомъ отъ сына его. Какъ имъ самимъ, такъ и супругой его, къ которой водилъ онъ меня рекомендовать, былъ я принятъ учтиво и получилъ приглашеніе ихъ посѣщать, чѣмъ вечера два, кажется, и воспользовался. Не могъ я жаловаться, не могъ я много и хвастаться ихъ обращеніемъ со мною; но, чувствуя неборимую антипатію къ нимъ, пересталъ ѣздить, послѣ чего, встрѣчая меня въ другихъ домахъ, они меня не узнавали. По прошествіи четырехъ лѣтъ возобновленіе этого знакомства было не только трудно, даже невозможно. Къ тому же, сынъ ихъ, чрезъ котораго могло бы сіе сдѣлаться, съ которымъ никогда не имѣлъ я связей, но и не прекращалъ знакомства, который по временамъ то оказывалъ мнѣ пріязнь, то досадно бывалъ холоденъ, находился тогда при миссіи въ Парижѣ. Хорошие люди, съ которыми я

---

*) Семенъ Николаевичъ Озеровъ, недавно умершій въ Москвѣ сенаторомъ.

на этотъ счетъ объяснялся, совѣтовали мнѣ никакихъ не дѣлать попытокъ, увѣряя, что, исключая немногихъ, чиновники, подчиненные Гурьеву, должны почитать себя счастливыми, когда лишены его лицезрѣнія.

Уступая постояннымъ жестокостямъ неумолимой ко мнѣ судьбы, я желалъ только уклониться отъ ея ударовъ, оставить навсегда службу, зарыть молодость свою въ Пензенской деревнѣ и обратиться въ прилежнаго хлѣбопашца. Чтобы склонить отца моего дать на то согласіе, нужны были сильные доводы, убѣжденія; я не надѣялся успѣть въ томъ посредствомъ переписки и рѣшился воспользоваться послѣднимъ зимнемъ путемъ, чтобы самому отправиться въ Пензу. Я пошелъ за паспортомъ къ г. Дружинину, новому правителю канцеляріи (директоровъ канцеляріи тогда еще не было) и безъ затрудненія получилъ его. О г. Дружининѣ здѣсь распространяться не буду, ибо тогда еще мало зналъ объ немъ.

Я спѣшилъ оставить Петербургъ, имѣя причину опасаться, чтобы отъ распутицы не засѣсть гдѣ-нибудь на дорогѣ. Совершенная оттепель продолжалась около полуторы недѣли, и въ тонкомъ черепкѣ на улицахъ было менѣ льду чѣмъ навозу, какъ въ самый день выѣзда моего, 12-го Марта, воротилась зима въ такомъ видѣ, въ которомъ не худо бы было ей всегда являться: выпалъ снѣгъ, потомъ прояснѣло, по ночамъ морозы доходили до двѣнадцати градусовъ, днемъ при тихой погодѣ красное солнце опять согрѣвало воздухъ, и послѣдній путь сдѣлался лучше и глаже первопутя.

Нѣсколькими часами послѣ меня выѣхала по той же дорогѣ вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна, и я вездѣ встрѣчалъ радостныя ожиданія жителей. Она спѣшила въ Тверь навѣстить Екатерину Павловну, милое, балованное дитя цѣлаго семейства. Это была большая жертва въ то время, когда царскія особы старались оставаться неподвижны въ столицахъ своихъ, какъ изображенія боговъ въ храмахъ и, надобно признаться, умножали тѣмъ въ народѣ къ себѣ уваженіе. Какъ шибко ни скакалъ я, лошади, приготовленные для Императрицы, видно, были лучше моихъ, и на станціи Хотиловъ былъ я настигнуть ея величествомъ.

Вмѣстѣ съ народною толпою подошелъ я довольно близко къ зимнему экипажу, изъ котораго, не выходя, остановилась она, пока перемѣняли лошадей. Ласково улыбаясь, говорила она что-то, невнятно, худымъ Русскимъ выговоромъ; народъ слушалъ съ умиленіемъ непонятныя для него слова, вѣроятно, думалъ онъ, на какомъ-нибудь божественномъ языкѣ. Въ первый разъ еще видѣлъ я мужиковъ, ямщиковъ, млѣющихъ, трепещущихъ отъ восторга. Бабы приговаривали: «Матуш-

ка, государыня, старушка *)). Не знаю, доходили ли слова сіи до нея; по крайней мѣрѣ не казалась ими оскорбленною эта старушка, красивая и которой пятьдесятъ лѣтъ едва ли тогда исполнилось. Когда я пріѣхалъ въ Вышній Волочокъ, уже смерклось, и я видѣлъ Императрицу, отправляющуюся далѣе при свѣтѣ факеловъ; во всѣхъ окошкахъ маленькаго города зажжены были свѣчки, тутъ развѣшаны были фонари, тамъ горѣли плошки. Радостный шумъ, гуляющія толпы напелъ я также въ Твери; огни нигдѣ не потухали, хотя было за-полночь, часъ, въ который жители губернскихъ городовъ обыкновенно давно уже спятъ.

Таковъ народъ Русскій: онъ любить то, чего боится, Бога и тѣхъ, кои отъ Него надъ нимъ поставлены. Можетъ быть, писатели Запада и правы, видя въ этомъ врожденную подлость, называя то закоренѣлымъ рабствомъ; только, воля ихъ, не всѣхъ же увѣрять они, что долгъ въ соединеніи съ чувствомъ достоинъ презрѣнія. Тамъ гдѣ люди повинуются по необходимости, изъ одного страха, тамъ они жалки и до нѣкоторой степени гадки; но примѣшайся къ тому любовь, и все облагорожено. Горе роду человѣческому, когда предметами всеобщаго посмѣянія, а не восторга его, какъ было донинѣ, сдѣлаются любовники, тысячу разъ готовые жертвовать жизнію для обожаемой женщины, вѣрныя долгу супруги, втайнѣ оплакивающія неблагодарность и непостоянство мужей и не думающія мстить имъ; покорныя съ нѣжностію дѣти къ строгимъ, даже несправедливымъ родителямъ. Горе намъ, когда въ цѣломъ свѣтѣ терпѣніе и кротость будутъ почитаться признаками низкой души, а всякое возмущеніе благородствомъ ея: тогда міръ нашъ сдѣлается настоящимъ адомъ.

Погода все не мѣнялась. Ясное небо, болѣе свѣжій чѣмъ холодный воздухъ мало-по-малу успокоивали меня, проливали свѣтъ надежды въ мракомъ исполненную душу мою; чистоту и неподвижность атмосферы принималъ я какъ предназначеніе безмятежной жизни, которая ожидала меня среди сельской тишины. Увы, никогда не долженъ былъ я насладиться ею! По заведенному обычаю, въ Москвѣ остано-вился я на нѣсколько дней. Въ этомъ городѣ, гдѣ провелъ я нѣсколько лѣтъ моего отрочества, число знакомыхъ моихъ съ каждымъ новымъ посѣщеніемъ примѣтно убавлялось; въ этотъ пріѣздъ совершенно не помню, съ кѣмъ я видѣлся и что я дѣлалъ.

---

*) Старостію въ старину не презирали Русскіе. Напротивъ того, по достиженіи тридцати лѣтъ, крестьяне и крестьянки сѣшши выдавать себя за стариковъ и старухъ, чтобы скорѣе пользоваться правами на уваженіе молодыхъ. Названія: дядя, тетя, говоря съ пожилыми людьми, хотя посторонними, всегда произносились съ нѣжностію; стариковъ и старушка еще болѣе.

Напрасно останавливался я въ Москвѣ въ такое время года, когда однихъ сутокъ достаточно, чтобы испортить всю дорогу. До Муромъ доѣхалъ я благополучно; за Окой начались дожди, но по крайней мѣрѣ ѣхалъ я зимнимъ путемъ; отъ Арзамаса же почти все долженъ былъ тащиться по голой землѣ и счастливъ бывалъ, когда выдадутся сотни двѣ сажень грязнаго льду. Въ гористой Пензенской губерніи каждый оврагъ превратился въ рѣчку, черезъ которую въ кибиткѣ на полозьяхъ долженъ былъ я почти переплывать. Кое-какъ однакоже 20 Марта пріѣхалъ я въ Пензу.

Отецъ мой, для двухъ или трехмѣсячнаго зимняго пребыванія въ Пензѣ, купилъ на Лѣкарской улицѣ *) домъ, небольшой, но весьма помѣстительный. Однакоже, какъ насъ собралось много (исключая родителей моихъ и двухъ незамужнихъ сестеръ, жилъ еще зять мой Алексѣевъ съ женою, съ двумя сыновьями и учителемъ), то намъ стало немного тѣсненько. Но, какъ говорить пословица, въ тѣснотѣ люди живутъ, лишь не въ обидѣ; а мы никто другъ друга не думали обижать.

Къ удовольствію моему, Крыжановскій царствовалъ тирански, деспотически. Онъ дѣйствовалъ какъ человѣкъ, который убѣжденъ, что лихоимство есть неотъемлемое, священное право всѣхъ тѣхъ, кои облечены какою-либо властію, и говорилъ о томъ непринужденно, откровенно. Мнѣ, признаюсь, это нравилось: истинное убѣжденіе во всякомъ человѣкѣ готовъ я уважать. У каждаго, кто имѣлъ къ нему просьбу, безъ обвиняковъ требовалъ онъ денегъ; въ случаѣ отказа сердился и, силою законовъ, которыхъ онъ былъ искусный толкователь, заставлялъ раскаяваться скупаго просителя. Иногда въ присутствіи Пензенскихъ жителей позволялъ онъ себѣ смѣяться надъ недостаткомъ ихъ въ щедрости. «Хороша здѣсь ярмарка! говорилъ онъ имъ съ досадою насмѣшкой. Бердичевская въ Волынской губерніи даетъ тридцать тысячъ рублей серебромъ губернатору; а мнѣ здѣсь купчишки поднесли три пуда сахару; вотъ я же ихъ!»

Что дѣлать? Виноватъ ли онъ былъ, если всегда жилъ съ такими людьми, въ такихъ обществахъ, гдѣ чести, безкорыстію и притворныхъ похвалъ не слыхивалъ? Не надобно также забыть его происхо-

---

*) Не ранѣе какъ въ царствованіе Екатерины II, пріѣхалъ въ Пензу первый лѣкаръ Петерсонъ, онъ же и аптекаръ. Онъ поразбогатѣлъ, выстроилъ домъ и каждой изъ трехъ дочерей своихъ, которыхъ выдавалъ за вновь поселявшихся тамъ по временамъ медиковъ, построилъ въ приданое по дому на той же улицѣ, которая отъ нихъ и получила названіе Лѣкарской. Петерсонъ, какъ скипетръ, держалъ Эскулаповъ жезлъ, и размножившееся его семейство располагало жизнью и здоровьемъ обывателей. Имъ прописывались лѣкарства, и у него же они приготавливались: какая убіивственная монополія!

ждение: сребролюбіе у Евреевъ течеть съ кровію. Нѣтъ въ мірѣ народа самолюбивѣе, нѣтъ въ мірѣ народа болѣе униженнаго; въ горькой участи его, золото—его утѣшеніе, его спасеніе, единственное его могущество. Онъ любитъ его болѣе какъ средство, нежели какъ цѣль. Спасительная вода Св. Крещенія можетъ скоро смыть съ Еврея кровавыя пятна, на него и на чадѣхъ его положенныя; но не скоро, развѣ черезъ нѣсколько поколѣній, въ потомкахъ его вымоетъ алчность къ блестящимъ металамъ. Жители Пензы губернаторство Крыжановскаго не хотѣли признавать настоящимъ, законнымъ управленіемъ; они почитали его междупарствіемъ, его же самого называли Вторымъ Лжедмитріемъ, Тушинскимъ воромъ.

Надобно признаться, жалки были Пензенцы: какъ новые Филистимляне, поработены были они тогда племенемъ Иудейскимъ. Вице-губернаторъ, о которомъ давно уже я говорилъ, былъ все тотъ же еще Александръ Михайловичъ Евреиновъ. Поведеніе сего единокровнаго губернатору могло казаться упрекомъ: предсѣдательствуя въ Казенной Палатѣ, имѣя много случаевъ незаконно наживаться, онъ ими не пользовался, хотя чувствовалъ сильное къ тому поползновеніе, но чѣмъ-то былъ удерживаемъ. Онъ былъ въ явномъ несогласіи, даже во враждѣ съ Крыжановскимъ; каждый изъ нихъ съ удовольствіемъ выслушивалъ всякое злословіе на счетъ непріятеля своего, не позволяя однакоже ни малѣйшей шутки касательно предковъ его. Къ сожалѣнію, время показало, что честность Евреинова была одна только робость и что ненавидѣлъ онъ Крыжановскаго, завидуя лишь его смѣлости.

Сей послѣдній не былъ изъ числа тѣхъ подлыхъ взяточниковъ, коимъ нужна одна только прибыль: деньги деньгами, а почестъ почестію. На первомъ, такъ и быть, Пензенскіе помѣщики готовы бы были помириться; но необходимость показывать уваженіе безстыдному плуту, дерзкому и свѣдущему въ дѣлахъ, слѣдственно для нихъ иногда опасному, была для нихъ настоящая мука. Жена его была для нихъ еще несноснѣе: нѣкогда наемная наложница Василія Степановича Попова, она манерами напоминала Польскихъ служанокъ въ Жидовскихъ корчмахъ. Разъ попавъ на губернаторство, полагала она, что ей все позволено: отъ разговоровъ, отъ рассказовъ ея, женщины, даже легкомысленныя, съ негодованіемъ потупляли взоры, нѣкоторые мужчины съ омерзѣніемъ отворачивались, тогда какъ другіе съ подобострастіемъ улыбались. И она же, злодѣйка, называла это варварствомъ и непотребное свое просвѣщеніе думала распространить въ обществѣ, а между тѣмъ никому не позволяла съ собою слишкомъ забываться. Великая искусница была она давать комиссіи: отъѣзжающему въ Петербургъ любителю музыки поручала она купить фортеціано для

дочери; отправляющагося въ Москву, гдѣ дешевле пушной товаръ, просила она прислать ей отгуда шубу; ѣдущіе на Макарьевскую ярмонку должны были привезти ей: кто шаль, кто нѣсколько цибиковъ чаю. Дѣлая сіи порученія, всегда прибавляла она: послѣ сочтемся. Тѣмъ, кои отказывались, увѣряя, что у нихъ едва достаточно денегъ для собственныхъ издержекъ, никогда она не прощала.

Мои родители между тѣмъ жили спокойно въ селѣ своемъ Симбухинѣ, въ 13 верстахъ отъ Пензы. Первое посѣщеніе зятя, который привезъ съ собой свѣжія лавры, человека военнаго, веселонравнаго, который зимой умеръ бы со скуки въ деревнѣ, изъ нея вызвало ихъ. Этотъ переѣздъ былъ весьма неприятенъ Крыжановскому, который ни старшихъ, ни равныхъ себѣ не любилъ видѣть въ своей столицѣ. Однакоже какъ умѣлъ, съ обоими обошелся онъ хотя сухо, но учтиво, и сталъ изрѣдка посѣщать домъ нашъ. Только вотъ бѣда: всѣ тѣ, кои, безъ явнаго неудовольствія держали себя хладно-почтительно въ сношеніяхъ своихъ съ отцомъ моимъ, сдѣлались вдругъ къ нему отмѣнно-нѣжными; тѣ же, кои, не умѣли скрывать вражды своей, употребляли всѣ средства, чтобы съ нимъ сблизиться и, не смѣя подступить къ нему, обращались къ членамъ его семейства съ изъясненіями покорности своей и раскаянія. Какъ было не простить кающихся грѣшниковъ? Въ губернскихъ городахъ есть обычай, существующій и понынѣ, по воскресеньямъ безъ приглашенія собираться на вечеръ къ женатымъ губернаторамъ; лишь только отецъ мой переѣхалъ въ городъ, когда приходили воскресные вечера, въ небольшомъ домѣ его не было почти возможности поворотиться: становилось тѣсно, душно, тогда какъ губернаторъ сидѣлъ дома одинъ съ своимъ семействомъ. Это, какъ говорили провинціалы, дѣлалось въ пику Крыжановскому. Ему бы на то не обращать никакого вниманія, а онъ сталъ ярится, бушевать, всѣхъ упрекать въ измѣнѣ. Извиняясь невозможностію раздѣлить себя на два вечера, затѣйливые Пензяки выдумали, собравшись міромъ, нахлынуть къ нему въ Субботу, въ день шабаша. Эта дурная шутка пуще прогнѣвала его, и въ слѣдующую Субботу онъ никого не велѣлъ къ себѣ пускать.

Отецъ мой не искалъ ни дружбы, ни ссоры съ Крыжановскимъ; послѣдней же избѣжать однако не могъ. Господинъ Миленинъ (котораго читатель помнитъ, а можетъ быть и не помнитъ, все равно) имѣлъ столь мало такту, что, сдѣлавъ обѣдъ въ честь пріѣзжаго генерала Алексѣева, позвалъ на него какъ новаго, такъ и стараго губернатора. Тестю не могло быть неприятно предпочтеніе слѣданное въ этомъ случаѣ зятю его, который былъ, какъ говорятъ Французы, героемъ праздника; Крыжановскій же сильно вознегодовалъ. Къ концу обѣда, вѣро-

ятно разгоряченный виномъ, сталъ онъ съ грубостями придирается къ хозяйкамъ и къ посѣтителю, человѣку, не весьма терпѣливому. Тотъ сначала отмалчивался, наконецъ, вышелъ изъ себя, не прибѣгая ни къ какимъ обинякамъ, ни къ какимъ колкостямъ, просто разругалъ его и чѣмъ-то погрозилъ. Эта угроза имѣла полезное дѣйствіе, ибо въ мигъ охладила запальчивость начальника губерніи; а между тѣмъ хозяйка была вся въ слезахъ, съ другими дамами, тутъ находившимися, сдѣлалась дурнота. Сіе происшествіе, весьма маловажное, довольно смѣшное, было однакоже какъ бы сигналомъ всеобщаго возмущенія; всѣ взяли сторону болѣе обидѣвшаго, чѣмъ обиженнаго гостя. Ободряя другъ друга, съ каждымъ днемъ Пензенцы дѣлались болѣе дерзки, съ каждымъ днемъ союзъ противъ грабителя становился плотнѣе. Все это казалось прискорбно отцу моему, и онъ нетерпѣливо ожидалъ весны, чтобы скорѣе воротиться въ деревню.

Это произошло до пріѣзда моего. Какъ человѣкъ служащій, долгомъ я счелъ явиться къ губернатору, и онъ обошелся со мной иначе, какъ съ другими. Онъ принадлежалъ къ новому поколѣнію губернаторовъ, воспитанныхъ въ страхѣ министровъ, и въ глазахъ которыхъ всякій мелкій чиновникъ министерства имѣетъ нѣкоторую важность. Учтивость свою простеръ онъ до того, что посѣтилъ меня въ банѣ, въ которой жилъ я за неимѣніемъ другаго мѣста.

Въ числѣ тѣхъ, кои пожелали вновь сойтиться съ отцомъ моимъ, было и семейство предмѣстника его Стушипина, съ тѣхъ поръ, какъ говорилъ я объ немъ, уменьшившееся и умножившееся. Почтенный старикъ, Иванъ Алексѣевичъ, отошелъ въ вѣчность; романъ дочери его съ братомъ моимъ не могъ вѣчно длиться: отъ безпрестанной разлуки должна была погаснуть любовь, которая менѣе была въ сердцѣ, нежели въ головѣ. Тщеславная бабка Леонтьева, опасаясь, чтобы зрѣлая, хотя достаточная внучка не засидѣлась въ дѣвкахъ, нашла средство выписать для нея славнаго жениха. Человѣкъ лѣтъ сорока пяти, совсѣмъ безъ состоянія, армейскій генералъ-маіоръ Семень Давыдовичъ Панчулидзевъ, на дорогѣ въ Саратовъ къ брату, роскошному губернатору, долженъ былъ мимоходомъ осмотрѣть невѣсту. Первое привѣтствіе его было: «вы совсѣмъ не такъ дурны, какъ мнѣ васъ описывали». Послѣ того можно судить о любезности его; но онъ былъ вѣрпокъ и плечистъ, у него были генеральскія шитье и эполеты и нѣсколько крестовъ въ петлицѣ и на шеѣ, и всѣ романическія мечты должны были уступить столь надежной сущности. Еще разъ не служить ли это доказательствомъ, сколь силенъ былъ тогда въ Россіи предрасудокъ чина и какъ легко было позолотить его выгоднымъ супружествомъ. Къ другимъ горестямъ брата моего, нахо-

дившагося тогда въ Финляндіи, умѣющаго искренно и постоянно любить, присоединилось еще извѣстіе о семь бракъ. Болѣе года прошло послѣ того, и госпожа Леонтьева пріѣзжала при мнѣ къ матери моей объявить о рожденіи двухъ правнуковъ-близнецовъ, какъ бы о новомъ торжествѣ своемъ.

Великихъ усилій стоило мнѣ съ матерью и сестрами убѣдить родителя моего въ томъ, что служба сдѣлалась для меня невозможною. Лишившись одного сына, онъ недавно самъ ее оставилъ; получено было извѣстіе, что и другой сынъ его, отъ благорасположенія лично знакомаго ему новаго военнаго министра Барклая-де-Толли, ничего не требовалъ, кромѣ отставки, и получилъ ее; наконецъ, послѣдній сынъ желалъ того же. По понятіямъ тогдашняго времени прискорбна была ему мысль, что нигдѣ въ служебныхъ спискахъ и имени его уже не встрѣтится. Успѣвъ поколебать его твердость и почти увѣривъ будучи въ его согласіи, я не спѣшилъ съ отправленіемъ просьбы.

Въ концѣ Апрѣля переѣхали мы въ деревню. Я устроилъ себѣ уютный уголокъ, который старался украсить, какъ можно болѣе цвѣтами; мысленно дѣлилъ уже я время на часы, посвященные чтенію, прогулкѣ, сельскимъ занятіямъ, семейнымъ обязанностямъ, отдохновенію: изъ будущей жизни своей сочинилъ я настоящую идиллію. Отъ брата моего, вышедшаго въ отставку и остановившагося въ Петербургѣ для сдачи отчетовъ, получили родители мои письмо; это было 13 Мая, ужасное число, которое осталось мнѣ памятно. Симъ письмомъ увѣдомлялъ онъ, что министръ финансовъ приказалъ чиновниковъ, числящихся по его министерству и не занимающихъ штатныхъ мѣстъ, прикомандировать къ асигнаціонному банку; тѣхъ же изъ нихъ, кои находятся въ отпуску и не явятся къ сроку, велѣлъ исключить изъ службы. вмѣстѣ съ тѣмъ заботливый братъ мой писалъ, что по сему случаю видѣлся онъ съ Никитою Ивановичемъ Пещуровымъ, управляющимъ банкомъ, старымъ знакомымъ моихъ родителей, также и читателя моего, если у него память хороша, и что г. Пещуровъ обѣщается сдѣлать служеніе мое съ нимъ какъ можно пріятнѣе, доставить мнѣ занятіе, соотвѣтствующее моему чину и даже по оному выпросить мнѣ жалованье. Послѣ того можно себѣ представить, что родитель объ отставкѣ моей ничего слышать не хотѣлъ и что я къ поддержанію справедливости моихъ желаній ничего болѣе сказать не могъ. Сборы не могли быть велики для человѣка, который отправлялся на перекладныхъ. Первый разъ еще думалъ я о Петербургѣ съ отращеніемъ и ужасомъ и о Пензѣ съ сожалѣніемъ: какой-то тайный голосъ увѣрялъ меня, что надежды уже не мои, а отца моего, и на этотъ разъ еще не сбудутся. Какъ бы то ни было, дня черезъ три-

четыре по полученіи письма отъ брата моего, опрOMETRY поспѣкалъ я въ Петербургъ, куда 24 Мая и пріѣхалъ.

IX.

Брата, у котораго присталъ я на квартирѣ, вмѣсто ожидаемой имъ благодарности, встрѣтилъ я грустными упреками. И дѣйствительно, какой родъ службы доставался мнѣ на часть въ цвѣтушіе годы моей жизни!

Государственный асигнаціонный банкъ есть одно изъ благодѣтельныхъ учрежденій Екатерины. Пока печатные царскіе векселя не превышаютъ цѣну государственныхъ имуществъ, ихъ даже нельзя почитать государственнымъ долгомъ. Тамъ, гдѣ по примѣру Европейскихъ городовъ, исключая столицъ, нѣтъ нигдѣ банкировъ, тамъ они одни облегчаютъ торговые обороты; польза ихъ какъ для правительства, такъ и для частныхъ лицъ столь очевидна, что распространяться объ ней не нужно. Дальновидный и смѣлый Сперанскій, для прикрытія безпрестанно умножающихся издержекъ, ничего лучше не выдумалъ, какъ чрезвычайно великій ихъ выпускъ; отъ чрезвычайнаго ихъ упадка не ожидалъ ли онъ, какъ во время Французской революціи, какихъ-нибудь важныхъ послѣдствій? Для того, Гурьевъ нагналъ въ этотъ банкъ всѣхъ безъ занятій находящихся чиновниковъ своего министерства и подписаніемъ асигнацій занялъ ихъ праздныя руки.

Первые вельможи почитали за честь быть президентами банковъ. Старшіе члены присутствія назывались совѣтниками, младшіе директорами; первые состояли въ пятомъ классѣ, послѣдніе въ шестомъ. Сперанскій не успѣлъ еще коснуться сего состава; однакоже подчиненность президента министру финансовъ заставила управленіе банка перейти изъ рукъ вельможескихъ въ руки великаго почитателя ихъ Пещурова. Горько было мнѣ идти къ нему являться; дѣлать было нечего. Къ счастью, нашелъ я его уже причесаннымъ и напудреннымъ*), и не принужденъ былъ присутствовать при его туалетѣ. Маленькая тѣнь важности была наведена на свѣтъ его пріятливаго взора и улыбки. Онъ объявилъ мнѣ, что еще до пріѣзда моего распорядился онъ такимъ образомъ, дабы я могъ занять мѣсто сверхштатнаго директора, и что, въ случаѣ умноженія штата или открытія вакансіи, надѣется онъ доставить мнѣ и слѣдующее по оному жалованье, всего 1.200 рублей асигнаціями. Важность моего новаго мѣста состояла въ томъ, что я долженъ былъ подписывать асигнацію выше кассира, хотя немного ниже совѣтника.

---

*) См. первую часть сихъ Записокъ, главу XV.

Я пошелъ въ то прекрасное зданіе на Садовой улицѣ, лучший памятникъ архитектуры, коимъ Петербургъ обязанъ Гваренги, котораго наружность такъ прельщаетъ взоры, а внутренность вмѣщаетъ такъ много ничтожества и скуки. Я сказался; какой-то присяжный поднесъ мнѣ пугъ новенькихъ печатныхъ бумажекъ, стиснутыхъ въ плоскіе щипцы, и я пустился ихъ подписывать. Когда рука моя уставала, я озирался и въ обширной залѣ, гдѣ насъ сидѣло десятка три подписчиковъ, старался разглядѣть моихъ сотрудниковъ: что за неподвижность въ чертахъ, что за безсмысліе во взорахъ! Каноникатствъ, синекюръ съ хорошимъ содержаніемъ тогда не было такъ много; людямъ неспособнымъ или лѣнивымъ тогда не было такого житья какъ нынѣ. Тѣ, коимъ сильныя особы хотѣли благотворить, но которыхъ пугало все головоломное, какъ говорили они, должны были, по крайней мѣрѣ, не даромъ ѣсть доставленный имъ насущный хлѣбъ и принимались за руководіе, на которое безъ всякой платы былъ я осужденъ. Если симъ людямъ скупая къ нимъ природа изъ милости и пожаловала немного способности мыслить и сколько-нибудь воображенія, то оно должно было въ нихъ погаснуть, когда ежедневно на нѣсколько часовъ превращались они въ машины и, привыкая къ сему состоянію, могли оставаться имъ довольны.

Обыкновенно, когда, бывало, пробьетъ два часа, всѣ автоматы сіи начнутъ медленно подыматься одинъ за другимъ и мѣняться нѣсколькими словами. Всегда почти одинъ разговоръ, одни вопросы и отвѣты: сколько удалось кому подписать бумажекъ? Тотъ, который быстротою пальцевъ успѣлъ перещеголять другихъ, скромно объявлялъ о томъ; другіе слегка ему дивились. Былъ, помнится, одинъ жирный Нѣмецъ, баронъ Дольстъ, который въ этомъ искусствѣ всѣхъ превосходилъ, и каждый день тысячами считалъ подписки своего имени. Не смотря на то, не думаю, чтобъ оно дошло до потомства, и на всякій случай, въ этой сомнительной надеждѣ, помѣщаю его здѣсь.

Еслибъ тогда мнѣ дали жалованье по мѣсту, то съ отчаянія можетъ быть рѣшился бы я вѣкъ оставаться автоматомъ; къ счастью сего не случилось. Прошло лѣто, Іюнь, Іюль мѣсяцы, даже болѣе половины Августа, и мнѣ приходилось не въ мочь. Прогуливаясь разъ по Невскому проспекту, встрѣтилъ я давнишняго знакомаго своего Опочинина, котораго нѣсколько времени не видалъ (со стыда и досады я старался никому не показываться). Онъ ласково остановилъ меня за обѣ руки, пристально посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и, видя, что я не спѣшу начать съ нимъ разговоръ, спросилъ, отчего я такъ унылъ? Въ двухъ словахъ объяснилъ я ему положеніе мое. Онъ пригласилъ меня къ себѣ, чтобы наединѣ пообстоятельнѣе поговорить о средствахъ изъ него выйти.

Онъ былъ величайшій эгоистъ, грѣха таить нечего; но въ кадкѣ его себялюбія, конечно, вмѣщалась, по крайней мѣрѣ, ложка необыкновеннаго добродушія. Онъ навѣрно употребилъ бы всё средства, чтобы выдать, если можно, раздавить человѣка, стоящаго поперекъ его дороги; онъ не сталъ бы много беспокоиться, чтобы сдѣлать добро кому бы то ни было; если же, однако, представлялся случай безъ всякаго труда одолжить хорошаго знакомаго, онъ принимался за то съ радостію, съ сердечнымъ удовольствіемъ. Онъ только-что недавно оставилъ военную службу; но, продолжая пользоваться величайшею милостію цесаревича Константина Павловича, при коемъ дотогѣ былъ адъютантомъ, и даже жительствомъ въ принадлежащемъ его высочеству Мраморномъ дворцѣ, ему не трудно было у Гурьева, изъ полковниковъ гвардіи, съ чиномъ статскаго совѣтника получить мѣсто С.-Петербургскаго вице-губернатора. Это поставило его въ частыя сношенія со всѣми матадорами Министерства Финансовъ, коихъ онъ мягкостію характера, пріятностію формъ умѣлъ привлечь къ себѣ. Надобно прибавить, что онъ женился на любимой дочери полководца Михаила Ларіоновича Кутузова и тѣмъ умножилъ связи свои съ большимъ свѣтомъ. Помощь такого человѣка, конечно, могла мнѣ быть полезна. Онъ нашель, что ничего для меня не можетъ быть лучше, какъ возвратиться къ прежнему намѣренію и занимать въ канцеляріи министра по кредитной части, если не первое мѣсто, какъ я прежде надѣялся, то, по крайней мѣрѣ, приготовиться къ занятію его со временемъ. Озеровъ оставилъ его; преемникомъ его сдѣлался Рибопьеръ, родственникъ жены Опочинина, и онъ предложилъ мнѣ дружественно рекомендательное къ нему письмо. Я зналъ сего подросткающаго вельможу, и предложеніе Опочинина мнѣ было вовсе не по сердцу; убѣжденія его однакоже были столь сладки, что я наконецъ согласился нести письмо его.

Часто случается, что люди, сами по себѣ ничего незначущіе, не имѣющіе никакого особаго достоинства или недостатка, порока, дѣлаются примѣчательны потому только, что носятъ на себѣ отпечатокъ времени и обстоятельствъ, въ коихъ находились. Въ этомъ отношеніи Рибопьеръ заслуживаетъ вниманія, и я готовъ просить читателя не отказать въ немъ изображенію его, которое здѣсь попытаюсь я сдѣлать. Какъ исторія происхожденія его, такъ и его собственная довольно любопытны.

Возвратясь изъ заграничнаго путешествія, молодой богачъ и баричъ Степанъ Степановичъ Апраксинъ, единственный сынъ умершаго фельдмаршала, привезъ съ собою изъ Швейцаріи молодаго (говорять) камердинера, котораго, по пріѣздѣ въ Россію, произвелъ въ домашніе

секретари; онъ назывался Рибопьеръ. Вождѣнный женихъ всѣхъ знатныхъ невѣстъ, Апраксинъ велъ себя, какъ Французскій гоцѣ тогдашняго времени... Въ числѣ его жертвъ была одна фрейлина, помѣщенная Екатериною жительствою во дворцѣ, какъ сирота, оставшаяся послѣ знаменитаго въ войнѣ и мирѣ Александра Ильича Бибикова. Молодой секретарь сочинялъ ему письма къ ней, тайно ихъ передавалъ... Онъ былъ сострадательнъ, она чувствительна, онъ старался утѣшить ее и до того успѣлъ въ томъ, что она рѣшилась *за него* выйдти замужъ. Не смотря на негодование всѣхъ родныхъ, на гнѣвъ Императрицы, она устояла въ своемъ намѣреніи. Иностранныя имена, особенно Французскія, были тогда въ большой модѣ; гораздо болѣе препятствій встрѣтила бы дѣвица Бибикова, еслибъ пришлось ей соединиться бракомъ съ человѣкомъ, который бы носилъ Русское неизвѣстное названіе, хотя бы старинное дворянское, на примѣръ Терпигорева. Когда дѣло было сдѣлано и помочь ему было нельзя, Женевскаго мѣщанина *) записали гвардіи сержантомъ и, какъ водилось тогда, черезъ нѣсколько времени выпустили въ армію капитаномъ. Онъ былъ, говорятъ, красивъ, благороденъ и храбръ, служилъ хорошо, на войнѣ получилъ Георгіевскій крестъ и въ чинѣ бригадира, начальствуя какимъ-то пѣхотнымъ полкомъ, убить при штурмѣ Измаила. Послѣ него остался одинъ малолѣтній сынъ, Александръ Рибопьеръ, о которомъ идетъ рѣчь.

Необыкновенная красота мальчика, геройская смерть отца и великіе подвиги дѣда заставили строгую иногда по необходимости, но всегда чувствительную и добрую Екатерину... взять отрока подъ особое свое покровительство: она сдѣлала его офицеромъ конной гвардіи, часто призывала къ себѣ и любовалась имъ. Въ восемнадцать лѣтъ, когда Павелъ пожаловалъ его камергеромъ, на плечахъ у него такая была головка, за которую всякая, даже довольно пригожая, дѣвица готова была бы помѣняться своею. Въ послѣдніе дни его царствованія, имѣлъ онъ поединокъ съ княземъ Четвертинскимъ за одну придворную красавицу; бредя рыцарствомъ, Павелъ, обыкновенно въ этихъ случаяхъ, бывалъ не слишкомъ строгъ; но какъ ему показалось, что любимая его княгиня Гагарина на него иногда заглядывалась, то изъ ревности велѣлъ онъ его съ разрубленной рукой, исходящаго кровію, засадить въ казематъ, откуда при Александрѣ не скоро можно было его выпустить по совершенному ослабленію, въ которое онъ отъ того пришелъ. Послѣ того сдѣлался

---

*) Это несправедливо. И. С. Рибопьеръ происходилъ изъ древняго, но обдѣвшаго рода. См. Записки его сына въ Русскомъ Архивѣ 1877 года. II. Б.

онъ кумиромъ прекраснаго пола. Самъ не менѣе того началъ онъ обожать себя. И могло ли быть иначе послѣ такого младенчества и въ такомъ блескѣ проведенной молодости?

Мнѣ случилось иногда видѣть его довольно важно танцующаго на балахъ съ какимъ-то тихимъ самодовольствіемъ; также случалось мнѣ встрѣчать его у князя Θεодора Сергѣевича Голицына, въ которомъ видѣлъ онъ своего Пилада, тогда какъ тотъ почиталъ себя его Орестомъ. Можетъ-быть, для твердости дружественныхъ узъ дѣйствительно необходима противоположность характеровъ: сколько въ Голицынѣ было веселости, любезности, общительности, столько въ Рибопьерѣ было неподвижности, расчетливости, учливой надменности.

Хотя они были ровесники, первый казался принадлежащимъ къ прежнему, послѣдній—къ новому изданію Русской аристократіи; одинъ хотѣлъ какъ будто властвовать надъ низшими любовію, другой поражать ихъ своимъ величіемъ. Ума болѣе чѣмъ посредственнаго, этотъ человѣкъ имѣлъ однакоже даръ довольно кстати помѣщать въ разговоры затверженные имъ фразы; общія мѣста, съ тономъ приговора имъ произносимыя, людьми несвѣдущими или невнимательными принимались за новыя и глубокія мысли. Амуръ и геній вмѣстѣ, онъ нѣмалъ въ одно время и изумлялъ Петербургское общество, за которое, право, я готовъ краснѣть. Наконецъ, сама холодная и гордая Баденская принцесса Амалія, сестра Императрицы, находившаяся тогда въ Петербургѣ, говорила объ немъ съ восторгомъ, весьма похожимъ на любовь. Выдумать себя онъ не былъ въ состояніи, а умѣлъ лишь нѣсколько приблизительно быть подражаніемъ Кочубея; онъ былъ плохая съ-него литографія. Красотою, умомъ онъ не столько еще гордился, какъ (кто бы подумалъ?) знатностію своею и, не краснѣя, часто любилъ объ ней твердить: однихъ убѣждалъ онъ въ ней, другимъ безпрестанно напоминалъ о ея свѣжести. Онъ былъ женатъ на дѣвицѣ Потемкиной, дочери княгини Юсуповой отъ перваго брака и родственниковъ жены и матери своей не иначе называлъ, какъ съ прибавленіемъ степени родства ихъ съ нимъ: дядя мой Голицынъ, тетка моя Браницкая, тетка моя Кутузова *). Пріобщенный къ сонму полубоговъ, онъ совершенно забывалъ смертныхъ, единокровныхъ ему Швейцарскихъ молочницъ. Въ обществѣ многіе находили, что столь необыкновенный человѣкъ крадетъ себя у государства, не посвящая ему великія свои способности; а онъ давалъ чувствовать, что не его вина, когда не умѣютъ употребить его съ пользою. Указъ Сперанскаго о ка-

---

*) Катерина Ильинична Кутузова, теща Опочинина, была родная сестра Александра Ильича Бибикова, дѣда Рибопьера.

мергерствѣ заставилъ его, наконецъ, искать мѣста; но все было не по немъ. Въ судьбѣ, въ происхожденіи и въ притязаніяхъ Гурьева и Рибопьера было слишкомъ много сходства, чтобы у послѣдняго не составились связи съ семействомъ перваго и съ нимъ самимъ. Первое мѣсто, сдѣлавшееся вакантнымъ въ его министерствѣ, получилъ Рибопьеръ, который, принимая его, согласился попятиться, въ надеждѣ скоро далѣе прыгнуть.

Вотъ къ какому человѣку былъ я адресованъ, вотъ кому долженъ былъ я подчинить себя! Я бы могъ употребить на то Феодора Голицына; но это никогда не могло бы придти мнѣ въ голову, еслибы не прельщенія Опочинина, еслибы, закупоренный въ Банкѣ, я чуть не задыхался.

У начальника отдѣленія, Рибопьера, нашелъ я весь порядокъ, введенный у министровъ: гурьера, прихожую, ожидающихъ въ ней (впрочемъ, кажется, только одного), докладчика и выходъ; новаго покроя аристократъ никакъ не пренебрегъ окружить себя канцелярской помпой. «Что, сказалъ я себѣ, вѣдь Озерову или мнѣ никакъ бы не придумать такихъ затѣй! Надобно признаться, что глупцы имѣютъ особый даръ придавать необыкновенную наружную важность всякому мѣсту, которое занимаютъ». Двери отворились; я подаль записку. Хотя г. Рибопьеръ никогда не удостоивалъ меня взглядомъ, однакоже невозможно было ему не знать меня: какъ было ему не замѣтить человѣка, который никогда не гнулъ передъ нимъ выи, слушая его, никогда не изъявлялъ удивленія? «Мнѣ кажется, я васъ знаю, сказалъ онъ; я гдѣ-то васъ видѣлъ». — «Можетъ-быть, не помню», отвѣчалъ я съ видомъ смиреннымъ и гордымъ вмѣстѣ. Онъ спросилъ меня о чинѣ и узнавъ воскликнулъ: «возможно ли, въ такія лѣта?» Ему еще не было тридцати; болѣе десяти былъ онъ превосходительнымъ, его звали Рибопьеръ, и онъ дивился. Впрочемъ объявилъ онъ мнѣ, что желаніе мое будетъ немедленно исполнено. Онъ, право, былъ совсѣмъ не дурной человѣкъ; но баловство свѣта для слабоумныхъ еще хуже чѣмъ баловство родительское.

Въ третьемъ отдѣленіи канцеляріи, коимъ онъ управлялъ въ этомъ году, число дѣлъ весьма умножилось. Завязалась не весьма обширная и не весьма мудреная переписка съ иностранными банкирами, особенно съ домою Гоппе и компаніей; а какъ никто изъ служащихъ въ отдѣленіи не зналъ довольно правильно Французскаго языка, чтобы сочинить на немъ бумагу или даже безъ ошибокъ переписать ее, то въ этомъ случаѣ я пригодился. Составленіемъ этихъ важныхъ бумагъ по-французски занимался самъ Рибопьеръ; когда ему не хотѣлось или было некогда (что случалось довольно рѣдко); то мнѣ поручалъ онъ

ихъ. Раза два-три еженедѣльно ходилъ я въ канцелярію; все это было веселѣе, чѣмъ банкъ, но какъ тамъ, такъ и тутъ ничего я не видѣлъ впереди. Было довольно безъ меня практикантовъ, народа чернорабочаго и тѣмъ болѣе нужнаго; нѣкто Никандръ Самойловичъ Рубцовъ, родъ вице-начальника отдѣленія, старѣе меня чиномъ и гораздо старѣе лѣтами, да еще нѣсколько братьевъ Ламанскихъ, которые родились, выросли сперва въ столѣ, потомъ отдѣленіи по этой части, со-старѣлись въ немъ и вѣроятно умрутъ и изъ коихъ, кажется, одному подъ конецъ дней удалось въ немъ быть начальникомъ. Другаго мѣста, кромѣ того, которое занималъ Рибопьеръ, желать я не могъ. «А гдѣ ему вперёдъ, думалъ я, хорошенько разглядѣвши его: безъ покровительства Гурьева не усидѣтъ бы ему и на этомъ мѣстѣ».

Надоѣлъ я самому себѣ, а колыми паче читателю безпрестанными повтореніями о горестяхъ и неудачахъ своихъ. Для того, устраняя себя вовсе отъ разсказа сего, примусь говорить о томъ, что въ этомъ году болѣе интересовало публику, о военныхъ происшествіяхъ новой кампаніи противъ Турокъ и о великихъ перемѣнахъ по гражданской части.

Бури, свирѣпствовавшія по Дунаю, не ранѣе половины Мая дозволили Каменскому переправиться черезъ него. Кампанія открылась самымъ блестящимъ образомъ: войска, подъ начальствомъ старшаго брата главнокомандующаго, графа Сергія Михайловича (не самъ онъ, говорятъ) 24 Мая среди бѣлаго дня взяли приступомъ укрѣпленный городъ Базарджикъ. Черезъ нѣсколько дней спустя, 30 Мая, сдалась важная крѣпость Силистрія. Послѣ того армія безпрепятственно пустилась въ походъ къ Балкаву. Къ несчастію, наткнулась она на Шумлу, дѣвственную твердыню, вѣчный камень преткновенія для нашихъ войскъ. Много потерялъ времени графъ Каменскій на осажденіе этого мѣста, болѣе природой, чѣмъ искусствомъ укрѣпленнаго, въ которомъ самъ визирь засѣлъ со всѣми своими вооруженными Турками. Частыя стычки, въ которыхъ Русскіе всегда имѣли верхъ, ничего не доказывали и ни къ чему не вели. Нетерпѣливый Каменскій, среди принужденнаго бездѣйствія, изнывая отъ досады, пожелалъ хотя на другомъ пунктѣ нанести непріятелю какой-нибудь новый, рѣшительный ударъ. Для того по новому направленію пошелъ онъ обратно къ Дунаю, и 22 Іюля, въ день именинъ вдовствующей Императрицы, далъ онъ несчастно-памятный штурмъ неприступной крѣпости Русуку.

Отраженіе непріятельское было совершенно пораженіемъ нашей арміи. О горе, о стыдѣ, о дѣлѣ неслыханное! Русскіе побитые на голову Турками! Очевидцы разсказывали, что Каменскій, увидя совершенную неудачу свою и съ отчаянья забывъ весь страхъ, жаждалъ

смерти и становился въ самыя опасныя мѣста, куда изъ крѣпости долетали непріятельскія ядра. Полагаясь на умъ, на дружбу и на усердіе Блудова, съ печальнымъ извѣстіемъ отправилъ онъ его въ Петербургъ. Онъ надѣялся, что онъ искусно будетъ умѣть ослабить впечатлѣніе, которое оно должно тамъ было произвести; это было трудно, это было невозможно. Напрасно лишилъ онъ себя Блудова: изъ числа людей его окружавшихъ, такъ мало осталось вѣрныхъ его несчастію. Какъ войско, такъ и народъ въ Россіи чрезъ мѣру любитъ побѣдителей: все готовы прощать имъ, все готовы переносить отъ нихъ, и всегда забываютъ прежнія заслуги побѣжденныхъ.

Всю жизнь прослуживши въ арміи, Каменскій не былъ знакомъ съ тонкостями выраженій, употребляемыми въ столицѣ, которыя смягчаютъ выговоръ, которыя слѣдную покорность военныхъ людей дѣлаютъ имъ сносно. Привыкнувъ самъ безропотно повиноваться начальству, онъ въ свою очередь требовалъ строгаго исполненія своихъ приказаній. Любезенъ, привѣтливъ въ обществѣ, даже съ простыми офицерами, онъ все забывалъ, когда дѣло доходило до службы, особливо во время войны. Съ усиленіемъ его тѣлесныхъ страданій, умножилась и неровность его характера, и тѣ, коимъ за нѣсколько часовъ нѣжно и грустно онъ улыбался, нерѣдко встрѣчали его съ угрозою и бранью на устахъ. Нѣсколько придворныхъ генераловъ, между коими были Уваровъ, Строгоновъ, Трубецкой, множество штабъ и оберъ-офицеровъ гвардейскихъ, прискакали въ Молдавскую армію за вѣрными успѣхами и наградами. Они болѣе затрудняли, обременяли его чѣмъ были ему въ помощь; онъ не умѣлъ довольно скрывать того и не хотѣлъ давать имъ явнаго предпочтенія передъ другими заслуженными воинами. Среди нихъ родились неудовольствія на него, возросли, умножились, и еще прежде Рущука окруженъ онъ былъ интригами, въ коихъ непоследнее участіе принималъ Французъ, Ансельмъ-де-Жибори, котораго имѣлъ онъ слабость взять съ собою. Послѣ же этого несчастнаго дѣла, всѣ тайно противъ него возстали, и самъ старшій братъ его, этотъ гнусный, подлый и завистливый Сергій Михайловичъ публично за обѣдомъ пилъ за здоровье Бошнякъ-Аги, начальника Рущука, побѣдителя брата своего, какъ онъ его называлъ. Въ Петербургѣ чѣмъ болѣе возлагали на него надеждъ, тѣмъ менѣе прощали ему неисполненіе ихъ. Отцы семействъ, въ семъ кровопролитіи лишившіеся сыновей, кляли его за эту потерю, какъ будто онъ былъ обязанъ беречь дѣтей ихъ. Однимъ словомъ, Рущукская пушка убила вдругъ его счастье, его славу, общую къ нему любовь.

Однакоже, отдохнувъ нѣсколько времени, съ остатками войскъ пошелъ онъ противъ собравшейся новой, сильной, ободренной Турец-

кой арміи, и 26 Августа (многократными событіями памятный для Россіи день) разбилъ ее въ пражѣ при селеніи Бативѣ. Вслѣдствіе сей побѣды пали послѣднія Турецкія крѣпости на Дунаѣ — Журжа и этотъ ужасный Руцукъ. Уже былъ Сентябрь, ничего новаго предпринять было невозможно, и кампанія кончилась не совсѣмъ неудачно.

Что происходило въ Петербургѣ, стоило Руцукскаго дѣла. Въ продолженіе дѣлаго лѣта все государственное зданіе трещало и ломилось подѣ всеокрушительною и всеизжительною десницею Сперанскаго. Спокойно-величаво стоявшія дотолѣ коллегіи падали одна за другою, и изъ развалинъ ихъ скромно поднимались департаменты. Уже названіе сіе перестало было присвоено дѣлому министерскому управленію, а только частямъ его, которыя наслѣдовали покойнымъ коллегіямъ. Наименованіе управляющихъ экспедиціями исчезло и замѣнилось названіемъ директоровъ. Іерархія мѣстъ и лицъ сдѣлалась весьма не длинна и не сложна: министерства дѣлились на департаменты, департаменты на отдѣленія, отдѣленія на столы, коими управляли министры, директора, начальники отдѣленій и столоначальники, точно такъ какъ во Франціи; новаго тутъ ничего не было придумано. Не все однакоже, что на взглядъ просто, бываетъ удобно и легко. Всѣ другія мѣста, нынѣ въ министерствахъ существующія, суть вставки сдѣланныя позже.

Названіе директора банка, которе временно и даже минутно носилъ я, не могло сдѣлать много вреда званію директора департамента: великая разница между ними была слишкомъ очевидна, и никто не сталъ бы смѣшивать перваго консула Французской республики съ нашимъ консуломъ въ Марсели. Но Сперанскій умѣлъ уронить, убить титулъ директора, при самомъ его созданіи; распространивъ его на правителей канцелярій министровъ. Это пріучило сихъ послѣднихъ видѣть во всѣхъ директорахъ простыхъ, обыкновенныхъ, хотя болѣе чиновныхъ секретарей. А эти люди въ новомъ государственномъ порядкѣ должны были представлять президентовъ коллегій, изъ коихъ нѣкоторыя еще недавно украшались Андреевскою лентой. Я помню изумленіе одного провинціала, недавно изъ губерніи пріѣхавшаго и давно не бывшаго въ столицѣ, который ожидалъ министра въ его пріемной; тутъ молчаливо сидѣлъ въ углу человекъ съ портфелемъ и съ Аннинской звѣздой, директоръ департамента Политковскій; вдругъ позвали его громко къ владыкѣ, онъ съ трепетомъ вскочилъ и съ быстротою кинулся къ нему въ кабинетъ. Мой провинціалъ не хотѣлъ вѣрить глазамъ своимъ. «Какъ, забывшись воскликнулъ онъ: у министровъ и секретари нынче въ лентахъ!»

Министры съ познаніями, съ образованіемъ понимаютъ всю важность званія начальника департамента и видятъ въ нихъ своихъ товарищей, главныхъ своихъ сотрудниковъ. Но царскій выборъ не падаетъ ли иногда на грубіяна, на невѣжду, на неуча, взятого изъ военныхъ рядовъ, гдѣ не годился онъ? Случайно достигнувъ власти, иной не думаетъ о пользѣ, для которой она ему дана, а спѣшитъ показать ее надъ подчиненными. Ближайшими, первыми жертвами его кто? Директоры департаментовъ. Я не стану описывать ихъ мученій при объясненіи дѣлъ министру несвѣдущему, безтолковому, и между тѣмъ самонадѣянному, а буду только говорить о формѣ взаимныхъ ихъ сношеній. Во всякое время дня и ночи, министръ имѣетъ право призвать директора и заставить его заниматься. Если первый любитъ точность, то промедленіе въ явѣ послѣдняго можетъ навлечь ему жесточайшій выговоръ, хотя бы разница была въ нѣсколькихъ минутахъ и происходила отъ невѣрности часовъ. Когда же, напротивъ, министръ распоряжается своимъ временемъ не съ великою точностію, то еще хуже для директора. Прибывъ по волѣ его въ назначенное имъ время, по нѣскольку часовъ, иногда голодный и изнуренный, принужденъ бываетъ онъ дожидаться, пока начальникъ его принимаетъ или дѣлаетъ посѣщенія, или забылъ о немъ, или занимается другимъ дѣломъ; хорошо еще, когда учтивость заставитъ его слегка предъ нимъ извиниться. Были министры, которые директорамъ своимъ говорили: «гей ты, какъ бишь тебя!» Я не говорю, чтобъ это всегда было, но иногда бываетъ и всегда безпрепятственно можетъ быть. Скажутъ, зачѣмъ же они это терпятъ и не виноваты ли они сами, когда не умѣютъ болѣе внушить къ себѣ уваженія? Въ сношеніяхъ такого рода мнѣ кажется все болѣе относится къ должности чѣмъ къ лицу: если бъ мусью Викторъ Гюго принужденъ былъ сдѣлаться моимъ камердинеромъ, и я не имѣлъ бы другаго слуги, я не знаю, почему не могъ бы я сказать ему: «братецъ, сними съ меня сапоги», можетъ, изъ уваженія къ его таланту прибавивъ «пожалуста». А тотъ кто не знаетъ по-французски и не любитъ стиховъ?

Упадокъ директорства совершился не вдругъ, а постепенно. Аристократы, которыхъ императоръ Александръ почти насильно нагналъ въ гражданское вѣдомство, вмѣсто того, чтобы его облагородить, были для него настоящею язвою. Въ малыхъ чинахъ и мѣстахъ, они ничего не дѣлали, гушались своими сослуживцами и, поддержанные цѣлою кастою своею, ругались надъ ближайшими своими начальниками; тѣ, которые занимали высшія мѣста, сдѣлались скоро добычею бюрократовъ и Нѣмцевъ. Опытность и работѣпство тѣхъ и другихъ должны были нравиться ихъ надменности и маловѣднiю. Ихъ тайно

предпочитали они людямъ благородно-рожденнымъ и благородно-мыслящимъ, покорнымъ, но не согнутымъ передъ ними; ихъ старались выводить, изъ нихъ министры выбирали директоровъ, директоры начальниковъ отдѣленій. Тщеславію аристократовъ лестно было видѣть въ чинахъ и лентахъ тѣхъ, коихъ они могли почитать своими челядинцами. Мало по малу все то, что сначала могло казаться злоупотребленіемъ власти, къ которому начальство не слишкомъ смѣло приступало, обратилось, наконецъ, въ общепринятый обычай. Никакого права, на которое могли бы опереться сіи незащитные передъ министромъ, Сперанскимъ дано имъ не было, что не доказываетъ дурной его умысль, а только недалковидность. Вотъ почему нельзя винить ни министровъ, которые слишкомъ забываются, ни директоровъ, которые все переносятъ отъ нихъ: все происходитъ отъ недостатковъ въ учрежденіи министерствъ.

Государи, коимъ Сперанскій такъ долго докладывалъ и могъ бы объяснить достоинство званія директоровъ, сами видятъ въ нихъ ничто иное, какъ канцелярскихъ служителей. Не такъ давно одинъ изъ нихъ за опіску въ какой-то бумагѣ былъ посаженъ на гаубтвахту и, черезъ два дня вышедъ изъ нея, вступилъ опять въ управленіе департаментомъ. Послѣ того, въ случаѣ несправедливости министра, какъ могутъ поднять они голосъ? Какой судъ могутъ они найти? Въ этомъ случаѣ ихъ подчиненные счастливѣе: до министра ближе, чѣмъ до Бога и Царя. Обиженный директоръ, вслѣдствіе неудовольствія, не вдругъ смѣетъ подать и въ отставку; въ самодержавномъ правленіи и это можетъ быть сочтено за возмущеніе противъ власти.

Надобно посмотрѣть, какъ и нѣкоторые директоры неудовольствія свои вымещаютъ, на подчиненныхъ, какъ съ ними вознаграждаютъ они себя за претерпѣваемые униженія! Въ свою очередь, у себя дома или въ департаментѣ, какъ мастерски перенимаютъ они роль у министровъ! Лучше всѣхъ изъ нихъ выполняютъ сіе аристократы, когда случайно занимаютъ такія должности, какъ недавно видѣли мы сіе въ Рибопьерѣ. Имъ удобнѣе то дѣлать; подобострастіе къ министру, въ которомъ не уступаютъ они бюрократамъ, цѣнится гораздо выше, и они служащихъ подъ ихъ начальствомъ рѣшительно подавляютъ своею спѣсью. Тѣ, которые до директорства дошли изъ низкаго состоянія, поступками своими напоминаютъ Римскихъ отпущенниковъ, *affranchis*. Все министерское управленіе у насъ состоитъ изъ деспотовъ. Сперанскій говорилъ, что точно также и во Франціи; но тамъ была революція, а насъ Богъ избавилъ отъ нея.

Если ни аристократовъ, ни бюрократовъ ты не хочешь въ министерствахъ, могутъ спросить у меня, то кого же тебѣ надобно? Дво-

рянъ, природныхъ, наследственныхъ Русскихъ дворянъ; кажется, въ нихъ недостатка нѣтъ. Если между знатными покажутся вырожденцы, чего однакоже мнѣ почти никогда не случалось видѣть, то почему не сажать ихъ въ Сенатъ, а по испытаніи ихъ способностей и еще болѣе патриотизма, не дѣлать и министрами? Вообще нашей знати въ такомъ видѣ, въ которомъ она находится, должны принадлежать исключительно гофмаршалство, камергерство, придворные чины, золотые мундиры и блескъ. Первые и вторыя мѣста въ государственномъ управленіи должны быть достояніемъ однихъ родовыхъ дворянъ; средніе и низшіе пусть займутъ семинаристы. Дѣти ихъ уже могутъ идти на ряду съ старинными, такъ называемыми у насъ столбовыми дворянами. Сперанскаго указы все перепутали: придворныхъ разослали по канцеляріямъ, а дворець наполнился разночинцами, людьми съ странными и неслыханными именами, отъ которыхъ стало въ немъ и душно, и смрадно. Все умѣлъ уронить этотъ человекъ. Зачѣмъ было смѣшивать то, что при Екатеринѣ и ея предшественникахъ такъ мудро было раздѣлено?

Вмѣсто повѣствованія пустился я болѣе въ разсужденія; но какъ они не чужды предмету разсказа моего, то, не перескакивая, могу къ нему воротиться.

Ни къ одному изъ министерствъ не было отмежевано столько департаментовъ, какъ министерству финансовъ. Такъ какъ я служилъ въ немъ, то позволю себѣ здѣсь ихъ изочестъ. 1) Департаментъ внешней торговли, бывшая комерцъ-колегія, до того министерство; 2) департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, бывшая бергъ-колегія, съ соляною частію, у министерства внутреннихъ дѣлъ отнятою; 3) департаментъ податей и сборовъ, въ который поступили дѣла бывшей камеръ-колегіи; 4) департаментъ казначейства, часть, кою управлялъ дотолѣ государственный казначей, почти министр и перешедшій въ званіе простаго директора; 5) вновь учрежденный департаментъ государственныхъ имуществъ, составленный изъ бывшаго лѣснаго департамента и частей по разнымъ другимъ вѣдомствамъ разсѣянныхъ и, наконецъ 6) канцелярія, которая обширностію своею могла равняться съ другими департаментами. Сверхъ того три банка: заемный, асигнаціонный и комерческій. Двигателей сей огромной машины, въ составѣ которой, въ продолженіе болѣе тридцати лѣтъ, происходило мало измѣненій, если не считать Сперанскаго, было всего два человека.

Что касается до Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, которое Сперанскій любилъ, образовалъ, въ которомъ пять лѣтъ служилъ онъ управляющимъ экспедиціей государственнаго благоустройства (переименованной имъ въ департаментъ полиціи исполнительной), то оно

какъ будто попало къ нему въ немилость. Онъ раскололъ его на двое, второй половинѣ давъ названіе Министерства Полиціи. Точно также было и у Наполеона, слѣдственно и въ этомъ видно одно только подражаніе. Преобразователь Россіи забылъ или не хотѣлъ вспомнить, что въ положеніи двухъ императоровъ была великая разница. Двѣ трети подданныхъ Наполеона почитали его хищникомъ престола и всегда готовы были къ заговорамъ и возмущеніямъ: пока онъ сражался съ вѣшними врагами своими, для удержанія внутреннихъ былъ ему необходимъ искусникъ Фуше. То ли самое было въ Россіи? Сперанскому сильно того хотѣлось и, можетъ быть, преступныя желанія свои принималъ онъ за существованность. Какъ бы то ни было, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, которое при Кочубеѣ и Куракинѣ, равно какъ и вездѣ, во всѣхъ другихъ Европейскихъ государствахъ, почиталось всегда первымъ, никогда не могло подняться послѣ удара, въ семь году ему нанесеннаго. Играя въ департаменты, иногда дѣлало оно нѣкоторыя приобрѣтенія, но подъ конецъ всегда оставалось въ проигрышѣ и безпрестанно коротѣло.

Мы видѣли, какъ въ предыдущемъ 1809 году изъ экспедиціи водныхъ коммуникацій скоро передѣлано было для принца Георгія Ольденбургскаго новое министерство, подъ именемъ главной дирекціи путей сообщенія. Въ этомъ году родилось еще три министерства: полиціи, о коемъ сейчасъ говорено, государственный контроль и главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Сперанскій разъ навсегда показалъ, сколь мало затруднительно и даже какъ удобно въ Россіи кроить и перешивать министерства и департаменты. Сколько разъ потомъ видѣли мы, какъ послѣднихъ производили въ первые, а первымъ велѣли быть послѣдними. Еслибъ умноженіе дѣлъ и сложность ихъ, для быстрѣйшаго ихъ производства, непременно требовали умноженія мѣстъ и вѣдомствъ, то кто бы сталъ не одобрять сего, какъ мѣръ, принимаемыхъ мудростію правительства? Но какъ мы видимъ часто, что сіе дѣлается лишь въ удовлетвореніе честолюбія любимцевъ царскихъ, то какъ не пожалѣть о казнѣ и не опасаться еще болѣе путаницы въ дѣлахъ? Управленіе Россійской имперіи похоже на новую ея столицу: все идетъ ломка и перестройка.

Изъ прежняго министерства Внутреннихъ Дѣлъ оставили новому только два департамента: бывшую экспедицію государственнаго хозяйства, въ которой нѣкоторое время я занимался и изъ которой кое-что выбрали, чтобъ отдать Министерству Финансовъ, да еще почтовый департаментъ, недавно въ сіе министерство поступившій и называвшійся дотошъ главнымъ почтовымъ правленіемъ. Чтобы сколько-нибудь скрыть худобу его, сочинили ему третій департаментъ, кото-

рому не умѣли сыскать другаго названія, какъ хозяйственнаго, хотя былъ уже департаментъ государственнаго хозяйства, что сначала въ перепискѣ много спутывало губернаторовъ. Департаментъ сей долженъ былъ заниматься по дѣламъ приказовъ общественнаго призрѣнія и богоугодныхъ заведеній, отъ нихъ зависящихъ.

Не знаю, подъ какими предлогами князя Куракина цѣлое лѣто держали въ Парижѣ. Во время отсутствія его происходили всѣ большія перемѣны въ его министерствѣ, съ согласія и, говорятъ, съ участіемъ товарища его Козодавлева, которому въ награду за покорность обѣщано было его мѣсто. Нѣтъ сомнѣнія, что г. Козодавлевъ согласился бы управлять и отдѣленіемъ, еслибъ только оному было дано названіе министерства. По возвращеніи осенью, найдя министерство свое разсѣченнымъ, оборваннымъ, Куракинъ, несмотря на любовь свою къ власти и почестямъ, отказался отъ него, какъ товарищъ его сіе предусмотрѣлъ, и сей послѣдній получилъ его мѣсто.

Приверженцы Куракина благодѣтельствованнаго имъ преемника его обвиняли въ предательствѣ. Но кто же себѣ добра не желаетъ?

Кажется, я уже познакомилъ читателя съ Осипомъ Петровичемъ; только боюсь, неумышленно не далъ ли я объ немъ худаго мнѣнія, котораго, право, я самъ вовсе не имѣлъ. Не все хорошо въ людяхъ, не все и худо. Слабость, которую раздѣлялъ онъ съ большею частію людей, занимающихъ въ Петербургѣ высшія мѣста, конечно являлась въ немъ нѣсколько въ преувеличенномъ видѣ: онъ любилъ Дворъ до обожанія и для полученія милости Царя или даже хорошаго расположенія его приближенныхъ, готовъ онъ все былъ сдѣлать. Знакомые его могли на немъ, какъ на барометрѣ, справляться о состояніи придворной атмосферы. Готовыя мнѣнія получалъ онъ прямо изъ дворца или изъ кабинета Сперайскаго и никакихъ другихъ себѣ не позволялъ. Я помню сначала, какъ онъ съ женой не произносилъ никогда имени Наполеона безъ почтительнаго восклицанія. Нѣкоторое время, гораздо позже и то недолго, либеральныя идеи были въ модѣ при Дворѣ: изъ рабочаго подражанія находилъ онъ тогда холопскія чувства въ нѣкоторыхъ басняхъ Крылова. Что это все доказываетъ, если не вѣрноподданничество, которое съ нынѣшними испорченными понятіями только можетъ казаться страннымъ? Корыстолюбіе его, впрочемъ, весьма умѣренное, никто не думалъ порицать: всякій зналъ, что онъ предается ему не съ намѣреніемъ обогатиться, не изъ алчности къ прибыли, а для поддержанія высокаго сана, на который былъ онъ поставленъ. Еслибы императоръ Александръ былъ пощедрѣе къ своимъ министрамъ, то нѣкоторымъ изъ нихъ не нужно было бы прибѣгать къ средствамъ, не совсѣмъ одобряемымъ строгою нравственностію.

Козодавлевъ былъ литераторъ и членъ Россійской Академіи. Ему нужно было щегольнуть словесностію въ министерствѣ своемъ: для того учредилъ онъ при немъ газету, подъ именемъ *Сѣверной Почты*, и самъ наблюдалъ за ея изданіемъ. Весьма мало заграничныхъ извѣстій помѣщалось въ сей газетѣ, все изъ опасенія, чтобы не провратиться; за то всѣ столбцы ея наполнялись статьями о свекловичѣ и кунжутѣ, и о средствахъ изъ сихъ растений выдѣлывать сахаръ и масло. Послѣ того начали появляться въ ней мериносы, шерсть и суконныя фабрики *). Запретительная система была тогда во всей своей силѣ, и онъ старался доказывать, сколь выгодно произведенія иностранной промышленности замѣнять отечественными.

Я не скрывать его недостатковъ; послѣ того грѣшно бы было умолчать о его любезныхъ, въ столичномъ мірѣ рѣдкихъ, свойствахъ. Онъ былъ по истинѣ добрѣйшій человекъ, не зналъ ни злобы, ни зависти: надобно было видѣть его радость, когда узнавалъ онъ о чьемъ-нибудь повышеніи, о чьихъ либо успѣхахъ! Когда же самому удавалось ему выпрашивать награды, спасать кого отъ бѣды, то онъ совершенно бывалъ счастливъ. Безъ всякаго притворства былъ онъ исполненъ религіозныхъ чувствъ; послѣ конечно это пригодилось ему; но онъ показывалъ набожность, когда еще она не была въ модѣ. Какъ было разгадать его? Онъ былъ уменъ, просвѣщенъ, добръ, христіюбивъ, а со всѣмъ тѣмъ!... Можетъ-быть, добротою сердца своего измѣряя пучину благодати Господней, онъ болѣе надѣялся на милосердіе Его, чѣмъ на правосудіе. Со мною продолжалъ быть онъ ласковъ, когда сдѣлался министромъ; но по наговору окружающихъ, почитая меня человекъ неуживчивымъ, вѣчно недовольнымъ, слышать не хотѣлъ, чтобы имѣть меня подъ своимъ начальствомъ.

Министерство полиціи, составленное только изъ двухъ департаментовъ (полиціи исполнительной и медицинскій), было чрезвычайно сильно небольшою прибавкой, въ немъ сдѣланною, какъ иногда въ письмѣ *post-scriptum* изображаетъ всю важность цѣли его. Сія прибавка названа Особою Канцеляріей.

Многіе видѣли въ ней возрожденіе Тайной Канцеляріи, стыда и ужаса прошедшихъ временъ Россіи, при коронаціи Александра его благодію уничтоженной. Для чего было создавать ее вновь? Посредствомъ ея чтѣ можно было узнавать и удерживать? Вся Россія сдѣлалась нескромною, злилась на Государя своего, а все-таки, безъ памяти его любя, готова была всѣмъ ему пожертвовать.

*) Я было и забылъ сказать, что въ послѣдствіи увеличили его министерство присоединеніемъ къ нему мануфактуръ-колегіи, названной департаментомъ мануфактуръ и внутренней торговли.

Со временъ царя Ивана Васильевича Грознаго секретною этою частію почти всегда у насъ завѣдываютъ Нѣмцы. Мы находимъ въ исторіи, что какой-то Колбе, да еще пасторъ Вестерманъ и многіе другіе плѣнники, желая мстить Русскимъ за ихъ жестокости въ Ливоніи, добровольно остались при ихъ мучителѣ и составили изъ себя особаго рода полицію. Они тайно и ложно доносили на бояръ, на всякаго рода людей и были изобрѣтателями новыхъ истязаній, коими возбуждали и тѣшили утомленную душу лютаго Іоанна. Съ тѣхъ поръ ихъ родъ не переводился ни въ Москвѣ, ни въ цѣлой Россіи. Всякому новому вѣнценосцу предлагали они услуги свои, и чѣмъ власть его была колеблемѣе и сомнительнѣе, тѣмъ вліяніе ихъ становилось сильнѣе, какъ сіе видно при Годуновѣ и Лжедмитріѣ. Оставляя въ сторону кровавое ихъ могущество при Петрѣ и Биронѣ, въ новѣйшія времена находимъ мы имена Шварца, Толя, Эртеля гремящими въ полицейскихъ лѣтописяхъ. Можно было ожидать, что Нѣмецъ будетъ министромъ полиціи; но на этотъ разъ Небо избавило отъ того Россію.

Должность сія поручена была человѣку, который успѣлъ выказать способности свои въ званіи, сперва Московскаго, затѣмъ Петербургскаго оберъ-полицеймейстера. Природа дала все Александру Дмитриевичу Балашову, въ замѣнъ пріятности наружной, въ которой отказала ему; дала ему все что нужно для успѣховъ: хитрость Грека, смѣтливость и смѣлость Русскаго, терпѣніе и скромность Нѣмца. Въ ученномъ смыслѣ, какъ все тогда въ Россіи, получилъ онъ плохое образованіе; но, по мѣрѣ возвышенія въ чинахъ и мѣстахъ, болѣе чувствовалъ онъ потребности въ познаніяхъ, кидался на нихъ съ жадностію и съ быстротою все пожиралъ. Заронись одна благородная искра въ этотъ необыкновенный умъ, воспламени его, и отечество гордилось бы имъ

Я его помню еще тогда, когда онъ служилъ въ Москвѣ и былъ болѣе товарищемъ, чѣмъ начальникомъ зятя моего Алексѣева. Онъ жилъ съ нимъ весьма дружно и часто посѣщалъ его: видно, правда, что окончности охотно сходятся. У одного ни одной заповѣдной думы не оставалось на душѣ, все выходило на языкъ; другой, совсѣмъ не молчаливый, однакоже, бывало, не выронитъ лишняго слова. Онъ ростомъ былъ малъ, только что не безобразенъ, и черты лица его были неблагородно выразительны; а когда послушаешь его немного, то начнешь и смотрѣть на него съ удовольствіемъ. Никакого умничанья, умствованія, витійства онъ себѣ не позволялъ, ничего любезнаго, трогательнаго не было въ его разговорахъ, а все было просто, хорошо и умно. Свѣтлый зимній день имѣетъ также свои пріятности; рѣчи Бала-

шова были столь же ясны, какъ его разсудокъ и такъ же холодны, какъ душа его...

Онъ былъ женатъ сперва на одной дѣвицѣ Коновницыной, которая оставила ему дѣтей и весьма хорошее имущество; потомъ женился онъ въ другой разъ на дѣвицѣ Бекетовой, которая была еще гораздо богаче первой жены его, и онъ сими двумя состояніями пока довольствовался, когда его сдѣлали министромъ.

Доказательствомъ удивительной его ловкости служить то, что онъ успѣвалъ въ своихъ намѣреніяхъ, никогда не придерживаясь ни Сперанскаго, ни Арагчеева; послѣдній почиталъ его даже врагомъ своимъ и старался ему вредить. Въ началѣ 1809 года удалось ему уже спихнуть начальника своего, безпокойнаго князя Лобанова, и самому сѣсть на его мѣсто; это еще первый примѣръ человѣка изъ оберъ-полицеймейстеровъ поступающаго прямо въ военные губернаторы столицы; съ симъ назначеніемъ вмѣстѣ произвели его генераль-лейтенантомъ и генераль-адъютантомъ. Съ опредѣленіемъ въ министры сохранилъ онъ и должность С.-Петербургскаго военнаго губернатора.

По секретной части, въ такъ-называемой Особой Канцеляріи, однакоже дѣло не обошлось безъ Нѣмца. Правителемъ сей канцеляріи (еще пока не директоромъ) назначенъ былъ надворный совѣтникъ Яковъ де-Сангленъ, вѣроятно потомокъ одной изъ Французскихъ фамилій, которая бѣжала въ Германію во время гоненій на реформатскую вѣру. Передъ тѣмъ, кажется, былъ онъ частнымъ приставомъ и прославился наглостію, подлостію и проворствомъ своимъ. Не знаю, отъ того ли, что Русскіе были тогда избалованы Александромъ или отъ того, что они чувствовали себя сильными единодушіемъ своимъ, единомысліемъ, только никто изъ нихъ не хотѣлъ скрывать глубокаго презрѣнія къ такого рода людямъ. Сколь ни опасень, сколь ни страшень для каждаго изъ нихъ былъ этотъ де-Сангленъ, никто не хотѣлъ ни говорить съ нимъ, ни кланяться ему.

Государственный контроль было единственное изыятіе, сдѣланное изъ прежняго Министерства Финансовъ. Когда о сю пору губернской контроль остается только частію казенной палаты, то право не знаю, зачѣмъ бы общую ревизію счетовъ отдѣлять отъ министра, отъ котораго казенныя палаты зависятъ? Чтò могло побудить къ тому Сперанскаго? Развѣ желаніе доставить министерское мѣсто пріятелю своему, прежнему сослуживцу (надѣюсь не соумышленнику) Кампенгаузену. Части, составлявшія контроль, были столь малы, что Сперанскій посовѣстился дать имъ названіе департаментовъ, а оставилъ ихъ по прежнему экспедиціями. Само министерство, не получивъ наименованія сего, образовалось въ видѣ какой-то просто отдѣльной части: самъ

Кампенсаузенъ принялъ титулъ не министра, а государственнаго контролера *).

Онъ съ великою пользою могъ бы занять и не столь пустую должность. Съ умомъ сухимъ, холоднымъ, но весьма обширнымъ, съ характеромъ твердымъ, соединялъ онъ старинную, прежнюю, пространную, добросовѣстную Нѣмецкую ученость, неутомимость въ трудахъ и всѣ познанія, нужныя для государственнаго человѣка. Ему бы быть министромъ финансовъ, а не Гурьеву; но и самъ Сперанскій не всегда могъ противиться дворцовымъ интригамъ, къ тому же часть сію въ Совѣтѣ взялъ онъ подъ непосредственную свою опеку. Кампенсаузенъ былъ управляющимъ третьею или медицинскою экспедиціей въ первоначальномъ департаментѣ внутреннихъ дѣлъ, когда Сперанскій управлялъ второю, а Габлицъ первою. Потомъ былъ онъ градоначальникомъ въ Таганрогѣ, котораго и можно почитать его настоящимъ основателемъ. Оттуда прямо онъ переведенъ министромъ.

Главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностраннаго исповѣданія сначала было еще миниатюрнѣе государственнаго контроля. Это министерство было ни что иное, какъ одинъ человѣкъ, для котораго оно было создано. Исторія этого человѣка любопытна, занимательна. Какъ бы у насъ ни чванились князья безъ состоянія и безъ чиновъ, никто на нихъ смотрѣть не хочетъ, даже богатые ихъ однофамильцы; хвала тѣмъ, кои, отбрасывая родовое пусточванство, принимаются за дѣло и становятся, наконецъ, на ряду, иногда и выше другихъ знатныхъ. Одинъ изъ бѣднѣйшихъ князьковъ Голицыныхъ отдавъ былъ малолѣтнимъ въ Пажескій корпусъ. Онъ былъ мальчикъ крошечный, веселенькій, миленькій, остренькій, одаренный чудесною мимикой, искусствомъ подражать голосу, походкѣ, манерамъ особъ каждаго пола и возраста. Весьма близкая къ императрицѣ Екатеринѣ, старая, довѣ-

---

*) Осенью 1810 года случился одинъ забавный анекдотъ, который ходилъ по цѣлому городу. Молодевскій армейскій офицеръ стоялъ въ караулѣ у одной изъ Петербургскихъ заставъ. Тогда былъ обычай, какъ и нынѣ, у проѣзжающихъ въ городскихъ экипажахъ, не трепуи вида, спрашивать объ именахъ и записывать ихъ; какой-то проказникъ вздумалъ называть себя Рохусъ Пумперникель, шутовская роль въ известной тогда Нѣмецкой комедіи. Почему было знать и какаѣ нужды была знать офицеру о существованіи этой комедіи? Но внесеніе Рохуса въ вечерній рапортъ было приписано его глупости и невѣжеству. Онъ былъ осужденъ на безсмысленный караулъ по заставамъ, пока не отыщется дерзновенный, осмѣлившійся наружаться надъ распоряженіями правительства. Ѣдетъ въ коляскѣ съ дачи худенькій человѣкъ; его спрашиваютъ, какъ зовутъ его; онъ отвѣчаетъ: баронъ фонъ-Кампенсаузенъ. Имя и отчество? Балтазаръ Балтазаровичъ. Чинъ и должность? Государственный контролеръ. „Тебя-то, голубчикъ, мнѣ и надобно!“ воскликнулъ бѣдный офицеръ и, вытащивъ министра изъ коляски, посадилъ его подъ стражу и немедленно донесъ о томъ по начальству. Увѣряли, что офицера перевели за то въ гарнизонный полкъ.

ренная ея камеръ-юнгфера Марья Савишна Перекусихина какъ-то узнала его, полюбила, тѣшила забавнымъ мальчикомъ и, наконецъ, представила его государынѣ, которая, какъ извѣстно, чрезвычайно любила дѣтей, что обыкновенно служить лучшимъ признакомъ добросердечія. Это составило счастье маленькаго князя Александра Николаевича. Какое умственное образованіе можно было получать въ пажескихъ корпусахъ вообще? Всегда были они только школами затѣйливыхъ шалостей. Вѣрные первоначальной цѣли учрежденія своего, пышности двора, совсѣмъ не государственной пользы, пажи хорошо только выучивались танцевать, фехтовать, ѣздить верхомъ. Не знаю, въ семь послѣднемъ успѣвалъ ли нашъ Голицынь, только въ немъ не было замѣтно и тѣни склонности къ военному ремеслу. Онъ рожденъ былъ для Двора. Счастливымъ случаемъ въ него попалъ ребенкомъ, воспитанный, такъ сказать, у юбки Марьи Савишны, онъ навсегда долженъ былъ въ немъ оставаться. Это не избѣжало отъ благосклоннаго и проникательнаго взгляда Екатерины: когда она женила шестнадцатилѣтняго любимаго внука своего Александра и составила ему маленькій дворъ, то помѣстила въ него Голицына, изъ камеръ-пажей пожаловавъ его прямо въ камеръ-юнкеры и доставивъ ему средства прилично себя содержать. Съ нѣжностію его чувствъ, какъ было не прильпиться ему ко внуку своей благодѣтельницы и съ забавнымъ его умомъ, какъ не полюбитъ молодецкому царевичу! Павелъ произвелъ его сначала камергеромъ; а потомъ, за годъ до своей кончины, по какому-то неудовольствію на сына, отставилъ отъ службы, выслалъ и изъ особой милости дозволилъ жить въ Москвѣ.

Первый призванный въ Петербургъ, по воцареніи Александра, былъ разумѣется, жертва преданности къ нему, веселіе его домашней жизни. Князь Голицынь былъ столько скромень, благоразумень, что сперва ничего не желалъ, ничего не требовалъ, кромѣ счастья еженевно находиться при Царѣ, наслаждаться его лицезрѣніемъ, иногда разсѣвать, если нужно, грусть его. Но не таковъ былъ расчетъ Государя: между окружающими его не хотѣлъ онъ видѣть ни единого празднаго царедворца. У князя Александра Николаевича была одна изъ тѣхъ камергерскихъ, пустопорожихъ головъ, которыя императоръ Александръ, на переکورъ природѣ и воспитанію, хотѣлъ непременно удобрить, вспахать, засѣять дѣловыми, государственными идеями. Это лужочки, которые весьма удобно покрываются цвѣтами; но на негодарной почвѣ ихъ посади сѣмяна полезныхъ овощей, и они почти всегда поростутъ дурманомъ. Только сначала куда было ему въ слѣдъ за Новосильцовыми, Строгановыми, Чарторижскими лѣзть на министрство. Творя волю пославшаго его въ Сенатъ, онъ тамъ посидѣлъ

за оберъ-прокурорскимъ столомъ, потомъ самъ сдѣлался оберъ-прокуроромъ. Съ помощію добрыхъ или недобрыхъ людей, имъ тамъ найденныхъ, онъ, видно, этимъ дѣломъ какъ-то поладилъ.

Апетить, говорятъ, приходитъ съ ѣдою: вотъ моего князя взяла честолюбивая зачесь; а почему бы и ему не въ министры?

Должность оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода сдѣлалась вакантною; это не министерство, но легко можно изъ того сотворить отдѣльную часть. Дотолѣ синодальные оберъ-прокуроры, точно также какъ и сенатскіе, находились въ зависимости генераль-прокурора и наслѣдовавшаго ему министра юстиціи. При полученіи сего мѣста, Голицынъ выпросилъ себѣ званіе статсъ-секретаря и право вносить доклады свои прямо къ Государю, безъ посредства какого-либо министра. Въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ архіереями и монахами, какъ старѣющая дѣва, теряющая прелести свои, началъ онъ помаленьку вдавляться въ набожность; сперва пріятнымъ образомъ занимали его одни церковные обряды, наконецъ, совсѣмъ къ тому не приготовленный, принялся онъ разсуждать о догматахъ. Прошло нѣсколько годовъ, и однихъ православныхъ служителей церкви ему сдѣлалось мало. Министерства Духовныхъ Дѣлъ тогда учредить не рѣшались: это было бы уже слишкомъ явно духовную власть подчинить мірской. Гораздо удобнѣе было сдѣлать сіе съ духовенствомъ терпимыхъ вѣръ христіанскихъ и нехристіанскихъ, и потому-то, оставаясь синодальнымъ оберъ-прокуроромъ, назначенъ былъ онъ главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій.

Этотъ добрый, этотъ бѣдный князь дѣлался всегда собственностію людей при немъ находившихся: то сумасбродовъ, то злоумышленниковъ, то невѣждъ, то изуверовъ, и дѣянія его тотчасъ окрашивались ихъ мнѣніями и характеромъ. Неисчислимо зло, причиненное цѣлому государству симъ кроткимъ созданиемъ, которое, какъ слонъ Крыловой басни, съ умысломъ бы мухи не обидѣло. Дѣло чудное, примѣчанія достойное! Всѣ тѣ, кои были его двигателями, всѣ тѣ, кои направляли его къ посягательству на священныя права нашей вѣры, всѣ они печальнымъ, даже несчастнымъ образомъ кончили поприще свое. Правосудное Небо какъ будто ихъ всѣхъ карало: изъ нихъ кто сосланъ былъ въ Сибирь, кто сошелъ съ ума, кто живетъ въ заточеніи, кто подвергъ себя добровольному изгнанію; его одного доселѣ щадило оно, какъ бы невѣдавшаго чтó творилъ. Много бы говорить объ немъ; но здѣсь не мѣсто: не одинъ разъ найдется оно, если только Записки сіи продлятся.

Послѣ князя Голицына, первымъ чиновникомъ въ главномъ управленіи сдѣланъ былъ многорѣченный Александръ Тургеневъ, который

придумалъ для себя названіе управляющаго перепиской, ибо съ самаго начала въ карманномъ министерствѣ не было ни единой экспедиціи, ни единаго отдѣленія, а только небольшая канцелярія, зародышъ департамента, мнѣ послѣ столь коротко знакомаго.

Х.

Первый цвѣтъ моей молодости увялъ, и я бы могъ тогда уже сказать съ Державиннымъ:

Не сильно вѣжить красота,
 Не столько восхищаетъ радость,
 Не столько легкомысленъ умъ,
 Не столько я благополученъ.

Не столько уже я любилъ театръ, и это замѣтить можно изъ того, что во всей этой части Записокъ моихъ ни разу не упомянулъ объ немъ. А все-таки довольно часто бывалъ онъ для меня развлеченіемъ въ горестномъ положеніи моемъ.

Послѣ того, что въ послѣдній разъ говорилъ я о Петербургской Французской труппѣ, сдѣлала она много богатыхъ пріобрѣтеній и все становилась лучше. Не смотря на общее недоброжелательство къ Наполеоновой Франціи, лучшая публика продолжала Французскій театръ предпочитать всѣмъ прочимъ. Пріѣхавшая въ 1805 году дѣвица Гуссенъ, послѣ того госпожа Гуссенъ-Мезьеръ, было такое чудо, которому подобнаго въ роляхъ субретокъ я никогда не видалъ: непонятно, какъ выпустили ее изъ Франціи. Въ Парижѣ могла бы она поспорить съ дѣвицею Марсъ, хотя и выполняла неодинаковыя съ нею роли. вмѣсто состарѣвшагося Лароша, явился въ комедіи еще нестарый Дюранъ. Въ немъ было что-то приготовленное, манерное, болѣе выученное чѣмъ естественное; это однакоже не мѣшало ему нравиться старымъ барынямъ съ молодымъ сердцемъ, и его искусственная къ нимъ любовь, говорятъ, не менѣе того ихъ плѣняла. Старикъ Фрожеръ изъ сценическихъ шутовъ перешелъ въ комнатные, въ домашніе ..

Трагедія Французская въ Петербургѣ высоко вознеслась въ 1808 году прибытіемъ или, лучше сказать, бѣгствомъ изъ Парижа, казалось, самой Мельпомены. Что бы ни говорили новыя поколѣнія, какъ бы ни брезгали Французы старѣвшимися искусствомъ дѣвицы Жоржъ, подобнаго ей не скоро они увидятъ. Голова ея могла служить моделью еще болѣе ваятелю, чѣмъ живописцу: въ ней виденъ былъ типъ преж-

ней Греческой женской красоты, которую находимъ мы только въ сохранившихся бюстахъ, на древнихъ медаляхъ и барельефахъ, и которой форма какъ будто разбита или потеряна. Самая толщина ея была пріятна въ настоящемъ, только страшила за нее въ будущемъ: замѣтно было, что ея развитіе со временемъ много грацій отыметъ у ея стана и движеній. Болѣе всего въ ней очаровательнымъ казался мнѣ голосъ ея, нѣжный, чистый, внятный; она говорила стихи нараспѣвъ, и то, что восхищало въ ней, въ другой было бы противно. Въ игрѣ ея было не столько нѣжности, сколько жара; въ *Гермионъ*, въ *Роксаннъ*, въ *Клитемнестру*, вездѣ, гдѣ нужно было выразить благородный гнѣвъ или глубокое отчаяніе, была она неподражаема. Ксавье, великанъ въ юпкѣ, не стыдилась показываться вмѣстѣ съ ней; однакоже, какъ должно было страдать ея самолюбіе, видя всѣхъ прежнихъ рукоплескателей своихъ превратившихся въ шикателей!

Для забавы друга своего Александра, въ Эрфуртѣ, и на удивленіе толпы прибывшихъ туда королей, Наполеонъ выписалъ изъ Парижа труппу лучшихъ комедіантовъ. Между ними Русскому императору болѣе всѣхъ игрой полюбилась дѣвица Бургоэнь; замѣтивъ то, Наполеонъ велѣлъ ей отправиться въ Петербургъ, чего сама она внутренно желала. Замѣчено, что Парижскіе актеры охотно мѣняютъ его только на Петербургъ, и Россія есть единственная страна, которая оттуда умѣетъ смакивать великіе таланты. Щедрѣ ли другихъ она платитъ, или касаясь предѣловъ Китая и Персіи, по весьма извинительному честолюбію въ артистахъ, надѣются они, что черезъ нее лишь слава ихъ можетъ достигнуть до концовъ вселенной? Публикѣ мамзель Бургоэнь очень полюбилась; но Царь и дворъ его не обратили на нее особеннаго вниманія. Она также играла на обѣ руки, молодыхъ дѣвицъ и женщинъ въ комедіяхъ и трагедіяхъ. Одинъ изъ зрителей, весьма энергически, совершенно по-русски, прозвалъ ее настоящею разбѣрой; и дѣйствительно, при милой ея рожницѣ и отличномъ талантѣ, въ ней было что-то черезъ-чуръ удалое. Когда она играла пажа въ *Фиалровой Женитѣ*, всѣ были отъ нея безъ памяти; когда же хотѣла быть трогательною въ *Ифигеніи*, невольно располагала всѣхъ къ смѣху. Года полтора или два она оставалась въ Петербургѣ, потомъ соскучилась о Парижѣ и въ него вернулась.

Вмѣстѣ съ Жоржъ бѣжалъ къ намъ первый Парижскій танцовщикъ Дюпоръ. О причинахъ ихъ бѣгства, о связи ихъ, о чей-то ревности, о чьихъ-то преслѣдованіяхъ, о всѣхъ по сему случаю закулисныхъ интригахъ мнѣ подробно тогда рассказывали; но, признаюсь, я ничего не припомню, и, право, кажется, нѣтъ въ томъ большой надобности. Самого же Дюпора я никакъ не забылъ: какъ теперь гляжу

на него. Всѣ тѣлодвиженія его были исполнены пріятности и быстроты; не весьма большого роста былъ онъ плотенъ и гибокъ, какъ резино-вый шаръ; полъ, на который падалъ онъ ногою, какъ будто отталки-валъ его вверхъ; бывало, изъ глубины сцены на ея край въ три прыжка являлся онъ передъ зрителями; послѣ того танцы можно было болѣе назвать полетами. Въ короткое время образовалъ онъ шестнад-цати или семнадцатилѣтнюю танцовщицу, Данилову, въ которую скоро влюбился весь Петербургъ и которая была превыше всего, что въ этомъ родѣ онъ дотолѣ видывалъ. Страсть къ ней зрителей желая удовлетворить и деспотически распоряжаясь своими воспитанницами, дирекція безпрестанно заставляла ее показываться, не давъ ей распу-ститься, убила ее во цвѣтъ, и она погибла, какъ бабочка, проблеставъ одно только лѣто. Для образованія ея Дюпоръ, какъ увѣряли, употре-блялъ гораздо болѣе нѣжныя средства, чѣмъ жестокосердый Дидело, который между тѣмъ все продолжалъ быть балетмейстеромъ. Сосбра-зуясь съ новымъ вкусомъ, онъ началъ ставить на сцену одни только анакреонтическіе балеты, тѣмъ болѣе, что Дюпоръ въ нихъ однихъ со-глашался танцовать. Исключая Даниловой, были тогда еще двѣ замѣ-чательныя Русскія танцовщицы; одна изъ нихъ, гораздо прежде на сценѣ и гораздо старѣе лѣтами, должна была вдругъ остаться почти безъ употребленія. Съ выразительными чертами лица, съ прекрасною фигурой, съ величавою поступью, Колосова, лучше чѣмъ языкомъ, умѣла говорить пантомимой, взорами, движеніями; но трагическіе балеты бро-шены, и нашей Медеѣ ничего не оставалось, какъ, пожимая плечиками плясать по-русски. Другая, Иконина, была хороша собою, высока ро-стомъ, молода, стройна, неутомима и танцевала весьма правильно; но всякій разъ, что появлялась, заставляла со вздохомъ вспоминать о Даниловой. Вдругъ напала на нее ужасная худоба, румяна валились съ ея сухихъ и блѣдныхъ щекъ, и она сдѣлалась настоящимъ скеле-томъ. Тогда еще менѣе она стала нравиться, ибо кому пріятно смо-трѣть на пляску мертвецовъ?

Менѣе всего въ послѣднія семь или восемь лѣтъ произошло пе-ремѣнъ во Французской оперѣ. Все таже Фились продолжала царство-вать въ ней съ своимъ ничтожнымъ Андриѣ, какъ бы какая нибудь Англинская королева съ какимъ нибудь Кобургскимъ принцемъ. Го-лось ея, кажется, сдѣлался еще сильнѣе, ея искусство еще усовершен-ствовалось; только одного лица ея годы не пощадил. Она не хотѣла никакого соперничества и къ одинаковымъ съ своими ролямъ подпуска-ла только сестру свою Бертенъ, да старую Монготье. Попыталась было дочь знаменитаго композитора Пиччини, довольно изрядная пѣвица, показаться въ операхъ отца своего; куда! Фились съ своимъ семей-

ствомъ и съ своею партіей скоро ее выжила. Она даже не хотѣла другаго тенора, какъ мужа; но это было рѣшительно невозможно; наконецъ, онъ сталъ просто говорить подъ музыку. Тогда два порядочные пѣвца, Дюмушель и особенно Лебланъ, приняты дирекціей. Одно семейство, которое знало Фились, было ею самою приглашено; оно состояло изъ Месса, хорошаго баса, жены его для старушечьихъ ролей, и дочери ихъ, мадамъ Бонне, для ролей женщинъ среднихъ лѣтъ.

Итальянская опера не могла поддержаться въ Петербургѣ; въ 1806 году надолго прекратилось въ немъ ея существованіе. Однакоже она оставила по себѣ память: она нѣсколько обработала вкусъ любителей музыки и сдѣлала ее строже и разборчивѣе къ ея произведеніямъ. Всѣ мы продолжали любить Французскія комическія оперы; но уже начинали въ нихъ чувствовать превосходство Херубини передъ другими, и когда въ 1809 году показалась *Весталка*, сочиненіе Спонтини, Французская опера съ италянизированной музыкой, то приняли ее съ восторгомъ.

Чуть было въ это время не опротивѣла намъ Итальянская музыка отъ прибывающихъ старыхъ, отставныхъ примадоннъ, которыя, за ненахожденіемъ сцены, давали слушать себя въ концертахъ. Мадамъ Марá, которой печатные портреты вездѣ продавались и которая долго гремѣла въ Европѣ, давно уже умолкла. Кто-то подбилъ ее прѣхать въ Россію: «этимъ, дескать, сѣвернымъ варварамъ нужна одна только слава имени, а недостатковъ пѣнія они не въ состояніи будутъ разобрать». Можетъ быть, дѣйствительно, были мы тогда плохіе судьи въ искусствахъ; но чтó касается до свѣжести лица и голоса, то въ этомъ Русскіе всегда были любители и знатоки. Уваженіе ихъ къ знаменитости таланта также не служило признакомъ ихъ невѣжества, и они показали то, въ почтительномъ молчаніи выслушавъ Марá. Когда же, одобренная симъ полууспѣхомъ, явилась другая старуха, Фантоцци Маркетти, то и они нашли, что это дурая шутка, уже не были столь учтивы и расхохотались послѣ первой аріи. Странно, что послѣ того обѣ онѣ остались навсегда въ Россіи и кончили въ ней вѣкъ: видно въ тогдашней хлѣбосольной нашей странѣ всякій могъ какъ-нибудь прокормиться.

Не однѣ онѣ, но еще и другіе обветшалые, поношенные таланты повадились тогда къ намъ ѣздить. Пріѣхала мамзель Сенваль, которая гораздо прежде революціи извлекала слезы у Маріи-Антуанетты и принцессы Ламбалъ; но послѣ того прошло около тридцати лѣтъ, а она и смолоду была неуклюжа и неблагообразна. Ну, такъ и быть, подавай ее сюда: графы и князья, которые видѣли блескъ Версаля, утверждаютъ, что она чудо. У каждой актрисы есть своя любимая

роль, въ которую для дебюта облачается она, какъ въ праздничное платье; Сенваль явилась намъ Аменаидой. Я не буду говорить о лицѣ ея; но какъ не содрогнуться, увидѣвъ страстную любовницу, малорослую, толстую, кривобокую, съ короткою шейю и въ карикатурномъ нарядѣ! Въ продолженіи первыхъ двухъ дѣйствій зрители были удерживаемы отъ смѣха чувствомъ отвращенія. Коль же скоро, въ третьемъ дѣйствіи, осужденная на смерть, показала она въ цѣпяхъ, въ бѣломъ платьѣ съ распущенными волосами, тогда самый голосъ ея, до толѣ охрипшій, казалось, вдругъ сдѣлался чистъ и трогателенъ; изъ глубины ея сердца потекли рѣкою прекрасные стихи Вольтера. Такъ было до конца, и между зрителями остались нерастроганными только тѣ, которые на сценѣ въ женщинахъ ищутъ одной красоты. Нельзя себѣ представить, сколько истиннаго чувства было въ этой женщинѣ: она была воплощенная трагедія, къ несчастію, въ самой безобразной оболочкѣ. Она не думала затмить Жоржъ (ихъ роли были совсѣмъ не одинаковыя), но сравненіе ихъ наружности было убійственно для бѣдной Сенваль. Всего еще въ двухъ трагедіяхъ играла она, въ *Китайской Сиротѣ* да въ *Инермнестрѣ*, только почти безъ всякаго успѣха. Со стыда, сердечная, скорѣе куда-то уѣхала.

Три четверти Петербургской публики изъ однѣхъ афишекъ только знали, что даютъ на Нѣмецкомъ театрѣ; а чего на немъ не давали? Число драматическихъ писателей въ послѣднее двадцатипятилѣтіе въ Германіи чрезвычайно расплодилось, и каждый изъ нихъ былъ отмѣнно плодovitъ. Сей огромный репертуаръ безпрестанно умножался еще переводами Итальянскихъ и Французскихъ оперъ и Англійскихъ трагедій. И все это у насъ играли, и Нѣмецкая ненасытимость все это поглощала. Источникъ такого богатства былъ у насъ подъ носомъ, и никто не думалъ черпать изъ него; никто не спѣшилъ ознакомиться съ геніальными твореніями Лессинга, Шиллера и Гёте. Таковъ былъ вѣкъ.

Мы, вслѣдъ за Французами, почитали Аристотелево правило о трехъ единствахъ на сценѣ нашею драматическою вѣрой, тогда какъ, въ творческой гордости своей, Нѣмцы совершенно пренебрегали имъ. Французы, наши наставники, пріучили насъ видѣть въ Нѣмцахъ одно смѣшное, а мы на счетъ сихъ послѣднихъ охотно раздѣляли мнѣніе ихъ, по врожденной, такъ сказать, инстинктивной къ нимъ ненависти. Тогда она чрезвычайно ослабѣла; лежачаго не бьютъ, говорятъ Русскіе, а мы того и глядѣли, что сами ляжемъ съ ними подъ каблукъ Наполеона. Не смотря на то, въ хорошемъ обществѣ кто бы осмѣлился быть защитникомъ Нѣмецкой литературы, Нѣмецкаго театра? Сами молодые Нѣмцы, въ немъ отлично принятые, Палены, Бенкендорфы, Шпѣинги, если не образомъ мыслей, то манерами, были еще болѣе

Французы чѣмъ мы. Нѣкоторые изъ нихъ со смѣхомъ рассказывали сами, какъ въ иныхъ пьесахъ герой, котораго видѣли юношей въ первомъ дѣйствіи, въ послѣднемъ является старикомъ, какъ первое происходитъ въ Греціи, а послѣднее въ Индіи; тридцать или сорокъ дѣйствующихъ лицъ были также предметомъ общихъ насмѣшекъ. Названія играемыхъ трагедій или драмъ: *Минна фонъ-Барнхельмъ*, *Гётцъ-фонъ-Берхлингенъ*, *Докторъ Фаустъ*, казались уродливы, чудовищны. И что это за Мефистофель? И какъ можно чорта пустить на сцену? Это тоже, что пьянаго сапожника представить въ гостиную знатной модницы. Все это казалось неприличіемъ, отвратительною неблагопристойностію. Я помню разъ въ театрѣ стараго графа Строганова, который такъ и катался, читая *Damen, Senatoren und Banditen* на концѣ афишки, возбуждающей первое представленіе Абеллино. Пристрастные къ собственности своей, Нѣмцы между тѣмъ молчали и себѣ на умѣ думали, что придетъ время, когда они поставятъ на своемъ. Оно пришло. Нигому нынѣ не осмѣлюсь я сказать того, но въ сей тайной исповѣди долженъ признаться, что въ этомъ отношеніи о прошедшемъ времени я часто вздыхаю.

Что бы сказать мнѣ о Нѣмецкой труппѣ? Я уже разъ говорилъ объ ней, называлъ Брюкля, Штейнсберга, Линденштейна; они оставались безсмѣнны. Пьесы давались безпрестанно новыя, а играли ихъ актеры все старыя. Упомянуть ли мнѣ объ одной, довольно плохой актрисѣ, о которой много говорено было въ обществѣ молодыхъ людей? Дѣвица Лѣва была совершенная красавица; одни только неимущіе обожатели сей разчетливой Нѣмки находили, что она достойна своего имени, что въ ней жестокость львицы; щедрые же богачи видѣли въ ней кротость агнца. Увѣряли, что прежній мой начальникъ, скупой графъ Головкинъ, для нея только былъ отмѣнно чивъ.

Русскимъ театромъ хочу я заключить: успѣхи его тѣсно связаны съ успѣхами нашей словесности, и переходъ отъ одного къ другой будетъ естественнѣе. Объ одномъ, какъ и о другой говорилъ я очень мало въ предшествующей второй части сихъ Записокъ; да и правду сказать, говорилъ много было бы трудно: успѣхи обоихъ шли слишкомъ медленно въ первое пятилѣтіе нынѣшняго вѣка.

Пристрастіе ко всему иностранному и особенно къ Французскому, образующагося Русскаго общества, при Елисаветѣ и Екатеринѣ, сильно возбуждало досаду и насмѣшки первыхъ двухъ лучшихъ нашихъ комическихъ авторовъ, Княжнина и Фонъ-Визина, какъ оно возбуждало ихъ тогда и возбуждаетъ еще и нынѣ во всѣхъ здравомыслящихъ нашихъ соотечественникахъ. Еслибы что-нибудь могло ему противо-дѣйствовать, то, конечно, это были забавныя роли Фирюлиныхъ въ

Несчастіи отъ кареты, и въ *Бригадиръ*—глупаго бригадирскаго сына, котораго душа, какъ говорить онъ, принадлежитъ Французской коровѣ. Но теченіе подражательнаго потока, въ ихъ время, было слишкомъ сильно, чтобы какими-нибудь благоразумными или даже остроумными преградами можно было остановить его, тогда какъ не только намъ, потомкамъ ихъ, едва ли нашимъ потомкамъ когда-нибудь удастся сіе сдѣлать.

Воспитанный въ ихъ школѣ, Крыловъ, если можно сказать, еще быстроглядѣе ихъ на несовершенства наши, думалъ, что приспѣло къ тому время, когда, въ надменности нашей, при Александрѣ, забыли мы даже сердиться на Нѣмцевъ и, казалось, въ непримиримой враждѣ съ революціей и Бонапарте. Онъ жестоко ошибся. Что могло быть веселѣе, умнѣе, затѣйливѣе его двухъ комедій, *Урока Дочкамъ* и *Модной Лазки*, игранныхъ въ 1805 и 1806 годахъ? Можно ли было колче какъ въ нихъ осмѣять нашу столичную и провинціальную галломанію? Во время частыхъ представленій, партеръ былъ всегда половъ, и наполнявшіе его отъ души хохотали. Конечно, это былъ успѣхъ, но не тотъ, котораго ожидалъ Крыловъ. Только этотъ разъ въ жизни пытался сей разсѣянный, повидимому, ко всему равнодушный, но глубоко-мысленный писатель, сдѣлать переворотъ въ общественномъ мнѣніи и нравахъ. Ему не удалось, и это, кажется, навсегда охолодило его къ сценѣ.

Высшее общество, болѣе чѣмъ когда, въ это время было управляемо женщинами: въ ихъ рукахъ были законодательство и расправа его. Французскій языкъ въ ихъ глазахъ былъ одинъ способенъ выражать благородныя чувства, высокія мысли и всѣ тонкости ума, и онъ же былъ ихъ исключительная собственность. И жены чиновниковъ, жительницы предмѣстій Петербурга, и молодыя дворянки въ Москвѣ и въ провинціяхъ, думаютъ смѣшнымъ образомъ пользоваться одинаковыми съ ними правами. Какія дуры! Спасибо Крылову, и онъ одобряли его усилія и улыбались имъ. Что можетъ быть общаго у Французскаго языка, сдѣлавшагося ихъ отечественнымъ, съ тѣмъ, что происходитъ во Франціи? И она, грозившая овладѣть полвселенною, въ ихъ глазахъ находилась въ переходномъ состояніи. Таково было упорное мнѣніе эмигрантокъ, ихъ воспитывавшихъ, которое онъ съ ними усердно раздѣляли. И къ счастью, онъ не ошиблись.

Все это гораздо легче Крылова могъ подмѣтить другой драматическій писатель, болѣе его на семь поприщѣ извѣстный, князь Александръ Александровичъ Шаховской. Сперва военная служба въ гвардіи, гдѣ онъ находился, потомъ придворная, мало льстили его самолюбію. Онъ рожденъ былъ для театра: съ малолѣтства всѣ помышленія

его къ нему стремились, всё радости и мученія ожидали его на сценѣ и въ партерѣ. Какъ актеръ, утвердительно можно сказать, онъ бы во сто разъ болѣе прославился чѣмъ какъ комикъ: не будь онъ князь, безобразенъ и толстъ, мы бы имѣли своего Тальму, своего Гаррика. Согласно его склонностямъ, былъ онъ въ послѣдствіи опредѣленъ управляющимъ по репертуарной части императорскихъ публичныхъ зрѣлищъ, подъ начальствомъ главнаго директора Александра Львовича Нарышкина. Тогда онъ сдѣлался безсмѣннымъ посѣтителемъ дома своего начальника, въ которомъ соединялось и блистало все первостепенное въ столицѣ, но въ которомъ оставалось много простора для ума и гдѣ можно было (однакоже не забываясь) предаваться всѣмъ порывамъ веселости. Страненъ былъ этотъ человекъ, странна и судьба его; и стѣдитъ того, чтобы безпристрастно разобрать какъ похвалы, нѣкогда ему расточаемы, такъ и жестокія обвиненія на него возводимыя.

Права рожденія, воспитанія спозаранку поставили его въ короткія сношенія съ людьми, принадлежащими къ лучшему обществу; вкусъ къ литературѣ сблизилъ его съ писателями и учеными; наконецъ, страсть къ театру кинула его совершенно въ закулисную сволочь. Первую половину жизни своей безпрестанно толкался онъ между сими разнородными стихіями, пока подъ конецъ совсѣмъ не погрязъ онъ между актерами и актрисами. Много дано ему было природою живаго, наблюдательнаго ума, много чтеніемъ прибрѣлъ онъ и познаній; все это обезсилено было въ немъ легкомысліемъ и слабостію характера. Каждое изъ сословій имъ посѣщаемыхъ оставляло на немъ окраску; но невоздержность, безразсудность, завистливость жрецовъ Талии всего явственнѣе выступала въ его дѣйствіяхъ и образѣ мыслей. Оттого-то всякая высокоподрастающая знаменитость, особенно же драматическая, приводила его въ отчаяніе и бѣшенство, которыхъ не имѣлъ онъ силы ни одолѣть, ни скрыть. Противъ одной давно утвердившейся знаменитости не смѣлъ онъ возставать и одной только посредствомъ умѣлъ онъ прощать. И со всѣмъ тѣмъ онъ былъ чрезвычайно добръ сердцемъ, не злобивъ, не злопамятенъ; во всемъ что не касалось словесности и театра, видѣлъ онъ одно восхитительное, или забавное, или сожалѣнія достойное.

Какъ ни горячился онъ, но, почти живши въ домѣ у Нарышкиныхъ, всегда имѣлъ онъ смѣтливость не идти противъ господствующаго мнѣнія въ большомъ обществѣ. Онъ охотнѣе нападалъ на тѣхъ, коихъ болѣе почиталъ себя подъ силу. Петербургъ мало дорожилъ тогда Москвою. Карамзинъ, живущій въ ней, казался ему безопасенъ. Карамзинъ, предметъ обожанія Москвичей, весьма преувеличеннаго молвою, приводилъ его въ ярость, и онъ хватилъ въ него *Новымъ Стер-*

номъ. Онъ увѣрялъ, что хочетъ истребить отвратительную сентиментальность, порожденную будто имъ между молодыми писателями и, въ то же время, сознавался, что мѣтитъ прямо на него. Послѣ того, въ двухъ комедіяхъ, впрочемъ весьма забавныхъ, *Любовная Почта* и *Полубарскія Затѣи*, безъ милосердія предавалъ онъ осмѣянію деревенскихъ меломановъ и учредителей домашнихъ оркестровъ, труппъ и балетовъ, все какъ будто похитителей принадлежащихъ ему привилегій и монополіи. Потомъ съ каждымъ годомъ, становился онъ плодовитѣе. Сдѣлавшись властелиномъ Русской сцены, онъ превратилъ ее въ лобное мѣсто, на которомъ по произволу для торговой казни выводилъ онъ своихъ соперниковъ. Надобно, однакоже, признаться, что страсть его, не совсѣмъ дворянская и княжеская, имѣла самое благодѣтельное дѣйствіе на нашъ театръ: его «комедій шумный рой», какъ сказалъ одинъ изъ нашихъ поэтовъ, долго одинъ разнообразилъ и поддерживалъ его. Чтò еще важнѣе, онъ былъ неутомимымъ и искуснымъ образователемъ всего новаго, молодаго поколѣнія нашихъ лицедѣевъ.

Около описываемаго мною времени, жилъ онъ въ большомъ согласіи съ однимъ поэтомъ, мало дотолѣ извѣстнымъ, хотя онъ былъ уже въ чинахъ и довольно зрѣлыхъ лѣтахъ. Мнѣ случалось видѣть и не одинъ разъ разговаривать съ Владиславомъ Александровичемъ Озеровымъ, потому что онъ былъ двоюроднымъ братомъ Влудова и что сей послѣдній, по чрезвычайной молодости лѣтъ, кажется, съ начала пріѣзда своего былъ поручень его попеченіямъ. Многіе утверждали, что онъ ума не обширнаго; мнѣ казалось совсѣмъ противное: я слушалъ его съ величайшимъ удовольствіемъ, а отъ произведеній его бывалъ внѣ себя. Только въ концѣ 1804 года началась его литературная извѣстность, самымъ блестящимъ образомъ. Всѣ старыя трагедіи Сумарокова и даже Княжнина, по малому достоинству своему и по обветшалости языка, были совсѣмъ забыты и брошены. Переводу Шиллеровыхъ *Разбойниковъ* названія трагедіи давать не хотѣли, и казалось, что разлука наша съ *Мельпоменой* сдѣлалась вѣчною. Вдругъ Озеровъ опять возвратилъ ее намъ. Появленіе его *Эдипа въ Афинахъ* самымъ пріятнымъ образомъ изумило Петербургскую публику. Трагедія эта исполнена торгательныхъ мѣстъ и вся усыпана прекрасными стихами, изъ коихъ многіе до сихъ поръ сохранились еще въ памяти знатоковъ и любителей поэзіи. Много способствовалъ также успѣху этой пьесы первый дебютъ молоденькой актрисы Семеновой въ роли Антигоны: съ превосходствомъ игры, съ благозвучіемъ голоса, съ благородствомъ осанки, соединяла она красоту именно той Музы, которой служенію она себя посвящала.

Въ концѣ слѣдующаго года показался его *Фингалъ*. Тутъ было гораздо болѣе энергіи, и дикая природа Сѣвера, которую отзываются характеры всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, нашимъ сѣвернымъ зрителямъ, *Spectateurs du Nord* *), весьма пришлась по вкусу. Едва прошелъ годъ, и *Дмитрій Донской* былъ представленъ въ самую ту минуту, когда загорѣлась у насъ предпослѣдняя война съ Наполеономъ. Ничего не могло быть *апротте*, какъ говаривалъ одинъ старинный забавникъ. Аристократія наполняла всѣ ложи перваго яруса съ видомъ живѣйшаго участія; при послѣднемъ словѣ послѣдняго стиха: *Великъ Россійскій Богъ*, рыданія раздались въ партерѣ, восторгъ былъ неописанный. Озеровъ былъ поднятъ до облаковъ, какъ говорятъ Франгузы. Сіе необычайное торжество, увы, было для него послѣднее. Столь быстрыхъ, столь непрерывныхъ успѣховъ бѣдный Шаховской никакъ не могъ перенести.

Сколько припомню, въ 1808 году, поставлена была на сцену послѣдняя трагедія Озерова, *Полжсена*. Въ пособіяхъ, которыми дотолѣ Шаховской такъ щедро надѣлялъ его, какъ сказывали мнѣ, сталъ онъ вдругъ ему отказывать и, напротивъ, сколько могъ, во всемъ началъ ставить ему препятствія. Наша публика, неизвѣстно чьими происками предупрежденная не въ пользу новаго творенія, на этотъ разъ не возбуждаемая болѣе патриотизмомъ и не довольно еще образованная, чтобы быть чувствительною къ простотѣ и изяществу красотъ Гомерическихъ, чрезвычайно холодно приняла піесу. Ничто не могло расшевелить ее, ни даже пророчество Кассандры, которымъ оканчивается трагедія и въ которомъ, предрекая Грекамъ паденіе ихъ и возрожденіе, она говоритъ имъ, что придетъ народъ

отъ странъ полнощныхъ
Оковы снять съ Ахейнъ маломощныхъ.

Сіи стихи, которые бы должны были наполнить наши груди восторгомъ благородной гордости (и которые, кромѣ меня, едва ли кто помнить) были лебединою пѣснію несчастнаго Озерова.

Онъ всегда расположенъ былъ къ ипохондріи; чрезвычайная раздражительность нервовъ его къ тому располагала, и оттого-то такъ сильно принималъ онъ къ сердцу всякую неудачу. Послѣдняя поразила его, и онъ видѣлъ въ ней совершенное свое паденіе. Онъ началъ убѣгать общества, уединялся, дичалъ, наконецъ бросилъ службу и

---

*) Названіе издаваемаго тогда въ Гамбургѣ Французскаго журнала, у насъ многими получаемого.

свернулся въ какой-то отдаленной деревнѣ. Тамъ рѣшился онъ ума и, къ счастью, вскорѣ потомъ и жизни.

Но примѣръ его прошедшихъ успѣховъ былъ заразителенъ для цѣлой толпы недавно проявившихся мелкихъ стихотворцевъ: всѣ захотѣли быть трагиками. Одному только изъ нихъ, Крюковскому, удалось сладить съ оригинальною трагедіей, *Пожарскій*, довольно хорошими стихами писанною; всѣ же другіе думали прославить себя одними переводами. Молодой воинъ Маринъ перевелъ *Меропу*, и старый Хвостовъ *Андромагу* *). По слѣдамъ ихъ Гяфдичъ перевелъ *Танкредъ*, Жихаревъ *Атрен*, а Катенинъ *Сида и Аталію* (по его Гоеолію). Затѣмъ уже составила цѣлая компанія переводчиковъ, которые надѣялись имѣть успѣхи посредствомъ складчины дарованій своихъ: графъ Сергій Потемкинъ, какой-то Шапошниковъ, какой-то Висковатовъ и еще другіе, по-двое или по-трое вмѣстѣ, пустились въ запуски, кто кого хуже, изводить извѣстныя Французскія трагедіи, чтобъ угодить общему вкусу. Необходимость въ помощи Шаховскаго для постановки сихъ искаженныхъ классическихъ твореній на время окружила его искателями. Ему пріятно было покровительствовать новымъ, только что на свѣтъ показавшіеся таланты, тѣмъ болѣе, что и въ глазахъ его они въ будущемъ ничего не обѣщали. Каждая изъ сихъ трагедій имѣла по нѣсколько представленій, и наша покорная публика, которой воспрещено тогда было не только свистать, но даже и шикать, первые раза два довольно спокойно и терпѣливо ихъ выносила; но вскорѣ потомъ отсутствіемъ своимъ, какъ единственнымъ средствомъ ей на то оставленнымъ, пользовалась она, чтобъ изъявлять неодобреніе свое. Весь этотъ потокъ черезъ сцену прямо утекалъ въ Лету; *Меропу* и *Танкредъ* однѣ только на нѣкоторое время удержались. Съ самодовольствіемъ окинувъ взоромъ всю толпу сихъ бездарныхъ людей, но въ тоже время увлекаемый примѣромъ, самъ Шаховской задумалъ высоко подняться надъ ними; этого мало, онъ затѣялъ въ творчествѣ состязаться съ самимъ Расиномъ, и для того въ Библии началъ искать сюжетъ для оригинальной своей трагедіи. Немалое время мучился онъ и, наконецъ, разразился ужасною своею *Деборой*. Съ любопытствомъ всѣ кинулись на нее; устрешенные же, скоро стали отъ нея удаляться. Но не такъ-то легко какъ другихъ, можно было одолѣть театральнаго директора: съ каждымъ представленіемъ зала все болѣе пустѣла, а Дебору все играли, играли, пока ни одного зрителя не стало.

*) Александръ Львовичъ Нарышкинъ назвалъ эти переводы *Méropé marginée* и *Andromaque dégasinée*.

Переводныхъ комедій было очень мало: по всей справедливости, Шаховской не любилъ ихъ и не подпускалъ къ нашей сценѣ. Водели, если дѣломъ изрѣдка показывались, то словомъ, то-есть именемъ, тогда неизвѣстны были на Русскомъ театрѣ. За то операми заимствовались мы у всѣхъ, у Французовъ, у Нѣмцевъ, а когда стали побогаче голосами, то и у Итальянцевъ. Началось съ безконечной *Donauweibchen*; ея веселыя, легкія, пріятныя Вѣнскія мелодіи не трудно было перенять нашимъ плохимъ тогда пѣвцамъ, не трудно было ими плѣнить и нашихъ слушателей. Все это, вмѣстѣ съ богатыми декораціями, безпрестанными превращеніями и уморительнымъ шутовствомъ Воробьева, около года привлекало многочисленную публику и умножало барыши дирекціи. Ее переименовали *Русалкой* и сцену перевели на Днѣпръ, чтó также немало полюбилось брадыатымъ зрителямъ. Когда замѣтили, что она имъ приглядѣлась и посѣщенія становятся рѣже, то, чтобы возбудить къ ней погасающую въ нихъ страсть, создали ей наслѣдницу, вторую часть, или *Днѣпровскую Русалку*. Слѣдуя все той же методѣ прельщеній, черезъ нѣкоторое время сочинили и третью часть, уже *Лесту, Днѣпровскую Русалку*. Сильная къ нимъ любовь совсѣмъ истощилась, когда показалаь четвертая часть подъ именемъ просто опять *Русалка*, безъ всякаго прибавленія; успѣхъ ея былъ довольно плохой. Между Русалками возсталъ *Илья Богатырь*, волшебная опера, которую написать упросили Крылова. Онъ сдѣлалъ это небрежно, шутя, но такъ умно, такъ удачно, что герой его неумышленно убилъ волшебницу-Нѣмку, для соблазна Русскихъ обратившуюся въ ихъ соотечественницу.

Ихъ вкусъ между тѣмъ все исправлялся и чистился. Декораціи переставали имъ быть необходимы; они болѣе стали понимать музыку, но все-таки ее одну безъ словъ не любили. Тогда (я все говорю о среднемъ и низкомъ классѣ) начали переводить для нихъ Французскія оперы, *Калифа Багдадскаго, Мнимый Кладъ, Двое Слыхъ*, а наконецъ и *Водовоза*. Познакомивъ ихъ съ Боиелдіе, съ Мегюлемъ, приготовили ихъ быть способными чувствовать и Херубини. Глядь, и *Деревенскія Пѣвицы* Фіорованти явились передъ ними. Своихъ композиторовъ у насъ тогда еще не было: произведенія Кавоса, управлявшаго оркестромъ, были такъ слабы; къ тому же онъ былъ чужестранный, Итальянецъ, чтó и считать его нечего. Кажется, не заставляя себя трудиться, легче бы было ходить имъ во Французскій театръ; нѣтъ, подавай имъ свое: тамъ ни слова они не понимали, а звуки могли имъ быть пріятны только въ соединеніи съ мыслями. Правда, у нихъ не было Фились, за то не было и Андріе. Мѣсто первой въ Русской оперѣ занимала недавно образовавшаяся, молоденькая, хорошенькая

актриса, Черникова, съ небольшимъ, но пріятнымъ голосомъ. У молодого же тенора, Самойлова, былъ такой голосъ, который Итальянцы превозносили и ему завидовали. Въ послѣдствіи выучился онъ очень хорошо играть, и еслибъ не спѣша насладиться успѣхами доставленными ему чудеснымъ, природнымъ его даромъ, онъ прилежно постарался его усовершенствовать, то навѣрное можно сказать, что не мнѣе Рубини прогремѣлъ бы онъ въ Европѣ. По примѣру Фились и Андріе, и сія чета соединилась законнымъ бракомъ. Отъ частыхъ родовъ голосъ у Самойловой началъ слабѣть и упадать.

Какъ бы ей на смѣну, театральная школа произвела нѣчто чудесное. Еще не выпущенная изъ нея воспитанница Бѣлина красотой затмѣвала подругъ своихъ, а голосомъ едва ли не болѣе еще плѣняла чѣмъ красотой. Только одну зиму насладились ею публика. Одинъ молодой дворянинъ, Марковъ, сынъ умершаго богатаго отца, имѣвшій болѣе сорока тысячъ рублей доходу, совершенно свободный, влюбился въ нее безъ памяти. Онъ предложилъ ей руку, а дирекціи выкупу, сколько бы ни потребовалось за ея воспитаніе и освобожденіе. Согласиться съ его желаніями до выпуска ея никакъ не было возможно. Тогда рѣшился онъ увезти ее, обвиняться съ нею и за то цѣлый мѣсяць долженъ былъ просидѣть на гауптвахтѣ. На ней толпами посѣщала его безразсудная молодежь, видя въ наказаніи его жестокую несправедливость, при всеобщемъ тогда неудовольствіи на правительство, думая дразнить его тѣмъ и забывая, что для нея изсякъ источникъ живѣйшихъ удовольствій и, что Марковъ былъ похитителемъ ихъ. Какія у насъ обо всемъ ложныя понятія! Права казны и общества должны быть еще неотъемлемѣ правъ частной собственности. И что же? Осмнадцатилѣтняя пѣвица, которая могла бы долго быть украшеніемъ сцены и упиваться восторгами ею производимыми, сдѣлалась несчастнѣйшею изъ помѣщицъ. Сперва изъ ревности, а потомъ стыдясь неровнаго брака, мужъ всегда поступалъ съ нею жестоко и не давалъ ей нигдѣ показываться. Не получивъ въ школѣ приличнаго воспитанія будущему ея званію, ни свѣтскаго образованія потомъ, изъ нея вышло нѣчто совершенно пошлое. Лѣтъ двадцать спустя, по его приглашенію, случилось мнѣ разъ у нихъ обѣдать: о Боже! въ Граціи, которою я нѣкогда такъ восхищался, нашелъ я что-то хуже деревенской барыни, простую кухарку, неповоротливую, робкую, которая не умѣла ни ходить, ни сидѣть, ни кланяться, и какъ будто не смѣла и говорить. Я узналъ послѣ, что Маркова сдѣлали губернаторомъ; ну, подумалъ я, для жены его роль губернаторши будетъ потруднѣе ролей Зетюмбе и Алины.

Въ школѣ, въ запасномъ магазинѣ драматическихъ талантовъ, не нашлось ни одной дѣвочки, которая бы могла замѣнить Болину. По-переменно ихъ выставляли; одна только Карайгина, въ замужствѣ Лебедева, могла нѣкоторое время удержаться.

Не въ театральной школѣ долженъ былъ образоваться великій талантъ для нашей оперы. Въ Петербургѣ былъ тогда одинъ домъ, въ которомъ еженедѣльно собирались большіе любители музыки и лучшіе виртуозы. Домъ этотъ сенатора Теплова, который имѣлъ и собственный славный оркестръ, былъ совершенно музыкальный. Познакомившись въ немъ черезъ сына Теплова, бывшаго товарища моего во время путешествія по Сибири, я нерѣдко посѣщала ихъ вечера. На одномъ изъ нихъ услышала я пѣніе Нѣмочки, дочери придворнаго музыканта Фодора, и оно показалось мнѣ пискомъ. Мнѣ непонятно было, какъ могли великіе знатоки восхвалять его и въ пророческомъ восторгѣ сулить ему славу. Въ этомъ дѣлѣ и въ это время, Петербургская публика, видно, столько же смыслила какъ и я; ибо года три спустя, когда Фодоръ явилась на Русской сценѣ, была она принята ею съ удовольствіемъ, не совѣмъ преувеличеннымъ. Въ большомъ обществѣ такъ много еще было тогда пристрастія ко всему Французскому, что въ немъ обижались сравненіями, которыя нѣкоторые позволяли себѣ дѣлать между нею и старѣющею Фились. Не для того ли чтобы поднять себя въ его мнѣніи и нѣсколько офранцузить себя, вышла она послѣ за Французскаго комическаго актера Менвиеля? Нѣтъ, ничто не помогло. Имѣя однакоже въ себѣ чувство превосходства своего, наконецъ, стала она требовать по крайней мѣрѣ прибавки жалованья; ей и въ этомъ отказали; тогда Россію она навсегда оставила. Вся Европа узнала ее потомъ, засыпала золотомъ и заглушила рукоплесканіями.

Гораздо болѣе Фодоръ-Менвиель полюбила семнадцатилѣтняя красotka, которая хотя послѣ нея, но еще при ней показала въ оперѣ. Это была Нимфодора, меньшая сестра трагической актрисы Семеновой. Голосокъ у нея былъ только что изрядный, за то быть милѣе ея въ игрѣ было трудно. Красотою обѣ сестры были равны, только въ родахъ ея различествовали между собою. У старшей былъ Греческій профиль и что-то великолѣпное въ чертахъ; меньшая выполняла всѣ условія Русской красоты, бѣлизну груди, полноту и румянецъ щекъ, живость въ очахъ, тонкость и пристойную веселость въ улыбкѣ. Исключая небольшой разницы, и судьба сихъ сестеръ была одинакова. Обѣ соединились незаконнымъ бракомъ съ дѣйствительными тайными совѣтниками: старшая, Катерина, съ княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Гагаринымъ, меньшая съ графомъ Василиемъ Валентиновичемъ Муси-

нымъ-Пушкинымъ-Брюсомъ. Одна старшая умѣла обратить его, наконецъ, въ законный.

Ничего болѣе о театрѣ сказать я не имѣю. Читатель, можетъ-быть, скажетъ: «да кажется и этого не слишкомъ ли много?» На это позволю я себѣ замѣтить ему, что бѣльшая половина этой главы посвящена была драматической литературѣ, а она въ это время едва ли не составляла всю нашу словесность.

Итакъ объ ней остается мнѣ мало говорить, но много о множествѣ словесниковъ, какъ о сдѣлавшихся въ это время извѣстными, такъ и объ оставшихся съ тѣхъ поръ неизвѣстными.

Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины Второй, между литературами двухъ столицъ возникли какія-то несогласія; но не только до расколу, ни даже до сильныхъ распрей дѣло не доходило. При Павлѣ, въ Москвѣ, куда бѣльшая часть писателей удалилась, отъ столкновенія несогласныхъ начали взаимныя неудовольствія умножаться и превращаться въ нѣчто похожее на вражду. Исключая стараго Хераскова, который въ старой Москвѣ доживалъ свой вѣкъ, всѣхъ знаменитѣе были Дмитріевъ и Карамзинъ; съ ними въ тѣсной связи находился Тургеневъ, директоръ Университета, отецъ многорѣченнаго въ сихъ Запискахъ Тургенева, не писатель, но великій другъ просвѣщенія. Въ томъ же Университетѣ, однимъ изъ трехъ кураторовъ былъ Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ, человекъ умный и свѣдущій, но какъ стихотворецъ никѣмъ не замѣченный, не хвалимый и не осуждаемый. Вѣроятно сіе невниманіе встревожило его самолюбіе и возбудило досаду на двухъ сочинителей, болѣе его счастливыхъ. Къ нему, какъ бы въ видѣ наперсника, присталъ Шатовъ, поэтъ съ большими дарованіями, которыя преимущественно посвятилъ онъ переводу псалмовъ. Онъ усердно вдавался въ мартинизмъ подобно Тургеневу и также какъ Карамзинъ въ первой молодости былъ поддержанъ и поощряемъ Николаемъ Новиковымъ, главою мартинистовъ. Вотъ почему не понятно, какъ въ послѣдствіи сдѣлался онъ врагомъ столь почтенныхъ людей.

Подъ именемъ критики разумѣли тогда брань и поношеніе, мало знали ее, мало употребляли. Не знаю, правда ли, но меня увѣрили потомъ неоднократно, будто который-то изъ сихъ господъ (и полно, не оба ли) прибѣгнули къ другому средству нападенія, къ средству постыдному и жестокому, къ ложному доносу на Карамзина: они обвиняли его въ яacobинизмъ, и передъ кѣмъ же? Передъ Павломъ! Конечно; какъ всѣ великодушные и неопытные юноши, въ первоначальныхъ порывахъ къ добру, создавалъ онъ нѣкогда утопіи, вѣровалъ въ свободу, въ братскую любовь, въ усовершенствованіе рода человѣческаго. Когда

началось его воспитаніе, въ Россіи, по примѣру другихъ Европейскихъ, даже самыхъ деспотическихъ государствъ, наставники воспитанникамъ все указывали на блескъ Греческихъ республикъ, на величіе Римской; твердили, что съ свободой ихъ были неразлучны добродѣтели, счастье и слава, и что съ ея утратою они всего лишились; въ вѣкахъ ближе къ нашему старались они возбуждать ихъ восторгъ къ Швейцаріи и Вильгельму Телю, къ Нидерландамъ и Эгмонту; наконецъ, Сѣверная Америка съ своими Вашингтономъ и Франклиномъ должна была осуществить для нихъ прекрасныя мечты ихъ отрочества. Съ такими поученіями, съ чистою и пылкою душою, въ самой первой молодости Карамзинъ отправленъ былъ путешествовать по Европѣ, которая тогда полна была надеждъ и ожиданій благополучнѣйшихъ послѣдствій отъ едва начавшейся Французской революціи. Возвратившись, нѣкоторое время не скрывалъ онъ своихъ благородныхъ заблужденій, пока видъ Польши, погибшей отъ и посреди безначалія, и Франціи, политой кровію, не разочаровалъ его. Чадъ его давно прошелъ, но незабываемый врагами послужилъ къ его обвиненію. Невѣжество или доброта людей, управлявшихъ тогда дѣлами, спасли его: въ гнусномъ дѣлѣ увидѣли они одно литературное соперничество и съ пренебреженіемъ бросили его, не доводя до Императора. Въ первобытной невинности нашихъ правительственныхъ лицъ (не хуже, чѣмъ въ преступномъ зналіи нынѣшнихъ) такъ мало обращали вниманія на то, что касалось до словесности, политики и религіи, такъ мало вникали въ настоящій смыслъ преподаваемыхъ злнамѣреніемъ правилъ (лишь не говори на прямки), что переводились, печатались и съ дозволенія цензуры продавались всѣ забавныя, веселыя и богомерзкіе романы Вольтера, *Кандидъ*, *Бѣлый Быкъ* и *Принцесса Вавилонская*; за ними даже показался и *Кумъ Матвѣй*. Вотъ новое и еще сильнѣйшее доказательство этой безопасности или невѣдѣнія. Со времени Екатерины, черезъ все царствованіе Павла и долго при Александрѣ издавался въ Москвѣ нѣкимъ Матвѣемъ Гавриловичемъ Гавриловымъ Политическій Журналъ. Если гдѣ нибудь уцѣлѣли экземпляры его, то пусть заглянуть въ нихъ и подивятся: тамъ между прочимъ найдутъ цѣликомъ рѣчи Мирабо, Жирондистовъ и Робеспьера. Такая смѣлость должна бы была произвести, по крайней мѣрѣ, удивленіе; никто не вѣдалъ про содержаніе журнала, и никто его нынѣ не помнитъ. Лѣнныя цензоры съ разсѣянностію пропускали его нумера, а названіе политическаго пугало и отталкивало праздныхъ тогда и невѣжественныхъ Москвичей; малое же число читателей, тайно принимающихъ живое участіе въ сохраненіи его, не слѣшило разглашеніями. На это никто не доносилъ, и горе тому, кто бы осмѣлился сіе сдѣлать: искони старая Москва любила потворство-

вать всякаго рода маленькому своеволю. Самъ издатель, Гавриловъ, невѣдомо откуда имѣвшій средства къ поддержанію себя и журнала своего, лично былъ знакомъ съ немногими, чуждался сношеній съ извѣстными писателями, выставлялъ свое имя и скрывалъ свою особу, и какъ будто любилъ мракъ, въ который старался погрузиться.

Также особнякомъ, только не въ тѣни, жилъ и писалъ тогда въ Москвѣ еще одинъ сочинитель, князь Иванъ Михайловичъ Долгорукой, бывшій при Екатеринѣ Пензенскимъ вице-губернаторомъ. Въ твореніяхъ его было столько же ума, оригинальности и безобразія, какъ, говорятъ, и въ наружности его; только о первыхъ могу я судить, послѣдней же никогда не видывалъ. Мнѣ кажется, ему не довольно отдавали справедливости: между стихами его много такихъ замѣчательныхъ по силѣ чувства, мысли и выраженія, что не затверживая сохранилъ я ихъ въ памяти.

Все это при Павлѣ. Число литераторовъ при немъ было не весьма большое въ большой столицѣ. Но сколько въ обѣихъ столицахъ существовало ихъ непримѣтнымъ образомъ, сколько скрывалось по деревнямъ, сколько зрѣющихъ и даже назрѣвшихъ талантовъ, чтобы воспрянуть, дожидалось какъ будто назначеннаго часа. Онъ пробилъ 12-го Марта. Я былъ тогда въ Москвѣ и помню этотъ часъ; откуда что взялось? Какъ будто изъ земли выросло! Все съ истиннымъ, равнымъ восторгомъ, но не съ равнымъ искусствомъ пустилось привѣтствовать и славословить Александра; все кинулось, кто къ трубамъ и къ лирамъ, кто къ балалайкамъ и гудкамъ, принимая одни за другіе, все загремѣло, запыло, запицало; однимъ одамъ счету не было; старый Херасковъ и студентъ Мерзляговъ удачнѣе всѣхъ воспѣли пришествіе молодого Царя.

Прошелъ годъ; все поустоялось, поутихло, и примѣтно увеличившееся сословіе начало приниматься за дѣло, еще мало писать, но составлять изъ себя общества и избирать предводителей. Настоящихъ партій, кромѣ Петербургской и Московской, быть не могло. Петербургская не замедлила обнаружить свой честолюбивый и нападательный духъ; она рассуждала логически: тамъ гдѣ Царь, тамъ должна быть и первенствующая власть. Московская же, по примѣру не главы своего, а образца и кумира, Карамзина, старалась сколь можно болѣе сохранять спокойствія и равнодушія къ симъ нападеніямъ.

Впрочемъ, кажется, и довольно трудно было бы кому-либо изъ сей партіи вступить въ ратоборство. Всѣ эти тогдашніе Московскіе литераторы по большей части были народъ смиренный. Постараемся перечесть и изобразить ихъ.

Первымъ, послѣ главныхъ, почитался Василій Львовичъ Пушкинъ, о которомъ сказали, что эпиграмы его дѣлають болѣе чести его сердцу, чѣмъ уму. Сибарить, франтъ, свѣтскій человекъ, онъ имѣлъ великое достоинство пріучать ушеса щеголихъ, княгинь и графинь къ звукамъ отечественной лиры. Стихи его не были гениальны, за то благозвучны и напоминали собой благовоспитанный кругъ, въ которомъ родились. Только подъ конецъ, разгнѣванному до неблагопристойности, случилось ему въ одно время выйти изъ себя и превзойти себя. Въ такомъ расположеніи, съ помощію природныхъ добродушія и веселонравія, удалось ему написать небольшую сатиру *Опасный Сосѣдъ*, которая изумила, поразила его насмѣшниковъ и заставила самыхъ строгихъ, серіозныхъ людей улыбаться соблазнительнымъ сценамъ, съ неимовѣрною живостію разказа, однакоже съ нѣкоторою пристойностію, имъ изображеннымъ. Напечатать такого рода стиховъ не было возможно; но тысячи ихъ рукописныхъ копій, кажется, еще доселѣ сохранились. Не въ первый разъ приходится мнѣ говорить о семъ Пушкинѣ, можетъ-быть и не въ послѣдній.

О Мерзляковѣ говорить мнѣ будетъ трудно: много слышалъ я о немъ и о сочиненіяхъ его, только безъ вниманія, и оттого ихъ почти, а его вовсе не знаю. Мнѣ сдается, что въ словесномъ дѣлѣ былъ онъ тоже, что въ военномъ искусствѣ великій тактикъ, которому не удалось выиграть ни одного сраженія. На нападки, на придирки изъ Петербурга, кажется, смотрѣлъ онъ какъ на дразги, недостойныя его вниманія. Гораздо, гораздо послѣ былъ онъ первый, который читалъ публичныя лекціи о Русской словесности и въ университетской залѣ залѣ собиралъ вокругъ себя многочисленныхъ слушателей и слушательницъ.

Жуковскій еще мало былъ извѣстенъ въ первое пятилѣтіе Александрово. Куда ему было вступать въ полемику, когда всю жизнь онъ ея чуждался? Просторѣчивый и дѣтски или, лучше сказать, школьнически шуточный, онъ уже былъ тогда весь исполненъ вдохновеній, но стыдливый, скромный, какъ будто колебался обнаружить ихъ передъ свѣтомъ. Не помню, въ 1803 или въ 1804 году, дерзнулъ онъ показаться ему. Первый трудъ его, переводъ Греевой элегіи *Сельское Кладбище*, остался не замѣченъ толпою обыкновенныхъ читателей; только немногіе, способные постигать высокое и давать цѣну изящному, съ перваго взгляда въ небольшомъ твореніи узнали великаго мастера. Года два спустя, узнали его и, не умѣя еще дивиться ему, уже полюбили, когда, подобно пѣвцу о полку Игоревѣ, въ чудесныхъ стихахъ оплакалъ онъ падшихъ въ пораженіи Аустерлицкомъ. Видно въ Славянской природѣ есть особенное свойство величественно и трогательно

воспѣвать то, что другіе народы почитаютъ для себя унизительнымъ; доказательствомъ тому служатъ и Сербскія пѣсни.

Въ Бѣлевскомъ уединеніи своемъ, гдѣ проводилъ онъ половину года, Жуковскій пристрастился къ Нѣмецкой литературѣ и сталъ насъ подчивать потомъ ея произведеніями, которыя по формѣ и содержанію своему не совсѣмъ приходились намъ по вкусу. Упитанные литературою древнихъ и Французскою, ея покорною подражательницей (я говорю только о просвѣщенныхъ людяхъ), мы въ выборахъ его увидѣли нѣчто чудовищное. Мертвецы, привидѣнія, чертовщина, убійства, освѣщаемыя луною, да это все принадлежитъ къ сказкамъ, да развѣ Англійскимъ романамъ; вмѣсто Геро, съ нѣжнымъ трепетомъ ожидающей утопающаго Леандра, представить намъ бѣшено-страстную Ленору со скачущимъ трупомъ любовника! Надобень былъ его чудный даръ, чтобы заставить насъ не только безъ отвращенія читать его баллады, но, наконецъ, даже полюбить ихъ. Не знаю, испортилъ ли онъ нашъ вкусъ; по крайней мѣрѣ создалъ намъ новыя ощущенія, новыя наслажденія. Вотъ и начало у насъ романтизма.

Много говорилъ я о немъ и о талантѣ его во второй части Записокъ моихъ. Боюсь повторять себя, но о необыкновенномъ челоувѣкѣ всегда сыщется сказать въ прибавкахъ что-нибудь новое. Въ бесѣдахъ съ короткими людьми, въ разговорахъ съ ними часто до того увлекался онъ душевнымъ, полнымъ, чистымъ веселіемъ, что начиналъ молоть премилый вздоръ. Когда же думы засядутъ въ головѣ у него, то съ исключительнымъ участіемъ на землѣ начинаетъ онъ искать одну грусть, а живыя радости видитъ въ одномъ только небѣ. Оттого-то, мало создавая, все имъ выбранное на ней спѣшилъ онъ облекать въ его свѣтъ. Все тянуло его къ неизвѣстному, незримому и имъ уже сильно чувствуемому. Не такую ли нѣжною тоской наполнялись души первыхъ христіанъ? Отъ гадкаго всегда умѣлъ онъ удачно отвращиваться и, говоря его стихами, всю низость настоящаго онъ смолоду еще позабылъ и пренебрегъ. Въ немъ точно смѣшеніе ребенка съ ангеломъ, и жизнь его кажется длящимся превращеніемъ изъ перваго состоянія прямо въ послѣднее. Какъ я записался о немъ и какъ трудно разстаться мнѣ съ Жуковскимъ! Когда только вспомню о немъ, мнѣ всегда становится такъ отрадно: я самъ себѣ кажусь лучше.

Чтобы переходъ отъ него къ глупцамъ сдѣлать менѣе рѣзкимъ, назову я Макарова. Только не надобно смѣшивать; между литераторами тогда въ Москвѣ ихъ было двое: Петръ и Михаилъ; одинъ былъ чрезвычайно уменъ, другой... не совсѣмъ. Этотъ Петръ Ивановичъ Макаровъ былъ отличный критикъ, ученый, добросовѣстный, безпристрастный, пристойный. Онъ подвизался въ журналѣ, имъ самимъ из-

даваемою, кажется, въ *Московскомъ Меркуріи* и, разумѣется, болѣе за Карамзина. Это продолжалось недолго: онъ умеръ слишкомъ рано, едва въ зрѣлыхъ лѣтахъ, какъ много другихъ у насъ полезныхъ и достойныхъ людей. А Макаровъ 2-й упѣлѣлъ; я уже упоминалъ о немъ, какъ о товарищѣ моемъ въ *Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ*, какъ о трудолюбивомъ, бездарномъ, безконечномъ, нескончаемомъ писателѣ.

Каковъ бы онъ ни былъ, этотъ Михаилъ Николаевичъ Макаровъ, мнѣ все непонятно, какъ могъ онъ Шаликову позволить взять передъ собой первенство? Развѣ изъ уваженія къ старшинству лѣтъ и заслугъ. Между сими двумя мужами и еще однимъ третьимъ составилъ крѣпкій союзъ, долго существовавшій. У меня глупая привычка всегда узнавать имя и отчество человѣка и потомъ сохранять ихъ въ памяти. Итакъ третьяго звали Борисъ Карловичъ Бланкъ (хорошо, что и это еще упомянулъ, за то уже ничего болѣе о немъ не знаю). Эти люди, въ совокупности съ какими-то другими, много, много, долго, долго писали, а что они писали? Этого нынѣ въ Москвѣ почти никто не помнитъ, и ихъ творенія, еще при жизни ихъ, только съ трудомъ отыскивались въ *собраніяхъ древнихъ рѣдкостей*. Всѣ они, не спросясь здраваго разсудка и Карамзина, даже ему незнакомые, принялись его передражнивать; и это въ Петербургѣ называли его партией.

Одинъ только изъ нихъ, Шаликовъ, и то странностями своими, получилъ нѣкоторую извѣстность. Еще при Павлѣ писалъ онъ и печаталъ написанное. Какъ во дни терроризма, подъ стукъ безпрестанно движущейся гильотины, Французскіе поэты воспѣвали прелести природы, весны, невинную любовь и забавы, такъ и онъ въ это время, среди общаго испуга, почти одинъ любезничалъ и нѣжничалъ. Его почти одного только было и слышно въ Москвѣ, и оттого-то вѣроятно между не весьма грамотными тогда Москвичами пользовался онъ особеннымъ уваженіемъ *). У него видѣли манеру Карамзина и почитали будущимъ его преемникомъ.

Карамзинъ довольствовался тѣмъ, что у себя никого изъ сихъ господъ не принималъ, но полагалъ, что для нихъ жестоко обидно будетъ, если онъ явно станетъ отрекаться отъ нихъ. Они же оставались преспокойны, почитая себя въ совершенной безопасности отъ

---

*) Мнѣ сказывалъ Загоскинъ, что во время малолѣтства случалось ему съ родителями гулять на Тверскомъ бульварѣ. Онъ помнить толпу, съ любопытствомъ, въ почтительномъ разстояніи идущую за небольшимъ человѣчкомъ, который то шибко шелъ, то останавливался, вынималъ бумажку и на ней что-то писалъ, а потомъ опять пускался бѣжать. „Вотъ Шаликовъ“, говорили шепотомъ, указывая на него, „и вотъ минуты его вдохновенія“.

Петербургскихъ нападеній и думая, что всѣ стрѣлы недоброжелательства должны падать на избраннаго ими. Правда, въ Петербургѣ объ нихъ и не думали, а наоборотъ изрѣченія: «поражу пастыря и разыдутся овцы», хотѣли, нападая на паршивыхъ овецъ, истребить пастыря, который имъ никогда даже не бывалъ.

Только Димитріевъ окружалъ себя этимъ народомъ и въ особенности любилъ тѣшиться Шаликовымъ. Оно, конечно, довольно забавно видѣть ворону, которая воркуетъ голубкомъ; но, кажется, скоро это должно прискучить. Вотъ до чего настъ, старыхъ холостяковъ, доводитъ иногда скука одиночества! Не знаю, какъ Димитріевъ могъ съ этимъ ладить. Онъ очень дорого цѣнилъ высокое званіе свое и умѣлъ его поддерживать, а до мнистерства своего и послѣ него, жилъ въ Москвѣ всегда въ обществѣ такъ называемыхъ литераторовъ. Извѣстно, что всѣ эти мелкіе писачки, все людъ заносчивый и тщеславный: напечатаетъ четверостишіе и думаетъ уже имѣть права на безсмертіе и на равенство съ Вольтеромъ. Еслибъ Данте и Шекспиръ воскресли, мнѣ кажется, что самый послѣдній изъ нихъ не задумавшись съѣлъ бы съ ними рядомъ и началъ говорить имъ ты. Ничего не можетъ быть труднѣе, какъ удерживать тварей, всегда готовыхъ положить ноги на столъ, а этой работѣ посвятилъ себя Иванъ Ивановичъ. Онъ стоялъ такъ высоко, что она ему была легче, чѣмъ кому другому; однакоже не разъ и онъ вынужденъ былъ забывающимъ себя отказывать отъ дому. И какъ ни говори, это нѣсколько роняло его въ мнѣніи и приготовило то нестерпимое обращеніе словесниковъ, которое мы нынѣ видимъ. Нѣтъ, я придерживаюсь Французской поговорки, что лучше быть одному, чѣмъ худо сопровождаемому.

Ни съ Жуковскимъ, ни съ Шаликовымъ не нашелъ я приличнымъ назвать вмѣстѣ Владимира Васильевича Измайлова. Онъ, говорятъ, былъ человѣкъ почтенный и добрый, только также черезъ-чуръ вдавался въ ложную чувствительность. Недавно попытался я прочесть Путешествіе его въ полуденную Россію; и чтò же? слогомъ отмѣнно опрятнымъ написацы все пустяки, о коихъ не стоило говорить. Нѣтъ возможности читать это наркотическое пропзведеніе: скука и зѣвота такъ и одолавають.

Около 1806 года Карамзинъ пересталъ издавать *Вѣстникъ Европы* и передалъ его молодому другу своему, Жуковскому. Я говорилъ уже объ этомъ журналѣ въ предшествующей части сихъ Записокъ. Примѣчательно въ немъ было быстрое развитіе таланта издателя, и до того уже необычайнаго; онъ росъ не по днямъ, а по часамъ, такъ что сама Бѣдная, милая Лиза уже казалась дѣвченкой въ сравненіи съ величественною Марей: чтò эта за красота, и чтò за сила въ ея избра-

женіи! Съ этого времени онъ умоляъ и предался великому, безсмертному труду, съ высочайшаго соизволенія имъ предпринятому.

Про другіе Московскіе тогдашніе журналы слышалъ я только вскользь. Помню, что еще до *Вѣстника* при *Московскихъ Вѣдомостяхъ* еженедѣльно выдавался литературный листокъ, подъ названіемъ *Инокренны*, и что сей мутный, непримѣтный ручей текъ безъ всякаго шума. Послѣ, если не ошибаюсь, были и *Эфемериды*; а послѣ еще и *Меркурій*, издаваемый Макаровымъ, про который я уже говорилъ. Вдругъ вздумалось затѣйнику Макарову 2-му, который первому совсѣмъ не былъ родня, объявить объ изданіи *Амура*, подъ вымышленнымъ именемъ небывалой княжны Елисаветы Трубецкой. Дорого было пришлось ему расплатиться за эту совсѣмъ неумную проказу: всѣ Трубецкіе возстали, и начальство архивское едва могло дѣло сіе утушить. Эротическими названіями надѣялись эти господа привлечь и женщинъ. Такимъ образомъ явилась и Шаликовская Аглая, и были читатели, которые дуру эту принимали за Грацію.

Совсѣмъ въ иномъ духѣ, въ иномъ родѣ показался, наконецъ, *Русскій Вѣстникъ*. Для успѣховъ болѣе всего нужно умѣніе выбирать время. Когда изданіемъ сего журнала Сергѣй Николаевичъ Глинка сдѣлался извѣстенъ, Москвитамъ начинало уже тошниться отъ подслащеннаго рвотнаго, приготовляемаго другими журналистами и ихъ сотрудниками, и любовь къ отечеству примѣтно возрастала съ видимоумножающимися для него опасностями. Глинка былъ истинный патриотъ, безъ исключенія превозносилъ все отечественное, безъ исключенія поносилъ все иностранное. Пусть нынѣ смѣются надъ такими людьми: я люблю ихъ непреклонный характеръ цѣликомъ. Въ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы тогда находились, журналъ его, при всемъ несовершенствѣ своемъ, былъ полезенъ, даже благодѣтеленъ для провинцій.

Они съ Николаемъ Николаевичемъ Муравьевымъ въ одно время сдѣлались въ Москвѣ основателями двухъ своекоштныхъ, военныхъ, патриотическихъ школъ. Войны были тогда нужнѣе всего. Муравьевъ взялся образовывать молодыхъ дворянъ для пополненія ими великаго недостатка въ офицерахъ, чувствуемаго въ генеральномъ штабѣ и по части артилерійской и инженерной. Преподавая имъ высшія математическія науки, онъ вселялъ въ нихъ и высокія чувства народной гордости. Глинка захотѣлъ быть просвѣтителемъ Донскихъ казаковъ и принялся за умъ и за сердце пылкихъ, дикихъ мальчиковъ. Довольно грубымъ, но пламеннымъ и имъ понятнымъ языкомъ вливалъ онъ въ нихъ любовь къ познаніямъ и къ великому ихъ Россійскому отечеству.

Кто нынѣ рѣшится на столь славные и безкорыстные подвиги? Кто хвалить ихъ, или кто помвить ихъ? Или, лучше, кто знаетъ объ

нихъ? Конечно патріотизмъ, эта неземная любовь къ земному, есть чувство, которое въ самомъ себѣ находитъ муку и отраду: его ни поощрять, ни награждать нечего. Но все-таки кажется, что совершенное забвеніе и, еще хуже того, строгое наказаніе не должны же быть слѣдствіемъ сей, по крайней мѣрѣ, простительной страсти. Одинъ изъ тѣхъ, о коихъ говорилъ, давно забытый, окончилъ вѣкъ въ сельскомъ уединеніи; другой просидѣлъ на гауптвахтѣ за неумышленное упущеніе по цензурѣ, но скорѣе за чистосердечную неукротимость свою, что навсегда и положило храненіе устамъ его. Почтенные люди, если послѣ меня въ какомъ-нибудь углу уцѣлѣютъ небрежно составляемыя мною Записки, то потому уже почитаю ихъ достойными храненія, что о заслугахъ вашихъ скажутъ они болѣе насъ, можетъ-быть, благодарному потомству.

Да что же ты ничего не говоришь о сенаторѣ-кураторѣ Кутузовѣ? Скажутъ мнѣ, что съ нимъ сдѣлалось? Или что онъ дѣлалъ? Онъ отмалчивался, ни съ кѣмъ не ссорился и оставался представителемъ и корреспондентомъ Петербурга.

Гораздо опаснѣе его и гораздо его сердитѣе былъ новый противникъ, который сначала тайно, а потомъ явно возставалъ на Карамзина. Онъ, также какъ и Зоиль, былъ родомъ и душею Грекъ, находился профессоромъ исторіи въ Московскомъ университетѣ и назывался Михайлъ Трофимовичъ Каченовскій. Всѣ недруги его, а ихъ было много, отдавали справедливость его уму и учености; но вмѣстѣ тѣмъ имѣлъ онъ всѣ тѣ ненавистныя свойства, которыя отличаютъ Грековъ нынѣшняго и всѣхъ прошедшихъ временъ и которыя послѣ имѣлъ я случай такъ коротко узнать: непокойный духъ, ужасное высокомеріе, пронырство, неблагодарность, раздражительность и вѣчная жажда мести. Можно себѣ представить, какъ все выше и выше полеть Карамзина долженъ былъ терзать его мрачную душу. Долго, весьма долго одинъ парилъ, какъ орель; а другой не переставалъ шипѣть, какъ змѣя.

Въ это же время въ Москвѣ явилось маленькое чудо. Несовершеннолѣтній мальчикъ Вяземскій вдругъ выступилъ впередъ, и защитникомъ Карамзина отъ непріятелей, и грозой пачкуновъ, которые, прикрываясь именемъ и знаменемъ его, безславили ихъ. Одинъ изъ богатыхъ и просвѣщеннѣйшихъ Московскихъ вельможъ, князь Андрей Ивановичъ Вяземскій, вручилъ судьбу и руку прекрасной любимицы своей, дочери сердца своего, другу своему Карамзину и, чувствуя приближеніе смерти ему же поручилъ воспитаніе и будущую участь единственнаго малолѣтняго своего сына. Со всею силой вѣжнаго и пылкаго сердца, ребенокъ привязался къ зятю, опекуну, второму отцу своему;

а этому казалось, что Богъ даровалъ ему сына, и какого же?—исполненнаго благородства, ума и чувствительности. Можетъ быть, снисходительность, слѣбое къ нему пристрастіе его, послѣ, во многомъ повредили отроку, который слишкомъ рано захотѣлъ быть юношей и мужемъ. Карамзинъ никогда не любилъ сатиръ, эпиграмъ и вообще литературныхъ ссоръ, а никакъ не могъ въ воспитанникѣ своемъ обуздать браннаго духа, любовію же къ нему возбуждаемаго. А впрочемъ что за бѣда? Дитя молодое, пусть его тѣшится; а дитя куда тяжелъ былъ на руку! Какъ Иванъ-царевичъ, бывало князь Петръ Андреевичъ, кого за руку, рука прочь, кого за голову, голова прочь. И это было въ Москвѣ, гдѣ всегда съ нѣжнымъ восторгомъ говорятъ о Западѣ и стараются подражать ему, а между тѣмъ въ обыкновенномъ быту сохраняютъ всѣ навыки Востока, гдѣ глупцы всегда стояли и стоятъ еще подъ защитою законовъ цѣлаго общества, высшаго, низшаго; гдѣ животныя всякаго рода хранимы также всеобщимъ скотолобіемъ, какъ въ Царѣградѣ собаки и кошки; гдѣ юродивые почитаются существами священными, какъ делибаши во всей Азіи. Въ этомъ странномъ, старинномъ Русскомъ, европействующемъ городѣ, гдѣ всякій, не опасаясь названія клеветника, не обинуясь, можетъ по заочности такого-то и такого-то, иногда весьма честнаго **человѣка**, назвать мошенникомъ, воромъ, злодѣемъ, бѣда если кто острымъ словомъ задѣнетъ дурака; а изъ Вяземскаго они такъ и сыпались.

Онъ могъ бы пострадать: какъ ни зубастъ онъ былъ, его бы заѣли; но онъ былъ молодецъ, богатый женихъ и чрезвычайно влюбчивъ. И женщины-матери, и дочери, охотно видя въ немъ будущаго зятя, любовника или мужа, стояли за него горой. Къ тому же вездѣ женщины болѣе способны понимать тонкости ума и во всѣхъ странахъ любятъ смѣлость мужчинъ: то и другое онъ въ немъ находили и всѣмъ составомъ своего пола отстаивали его. И не однѣ еще: онъ скоро сдѣлался идоломъ молодежи, которую роскошно угашивалъ и съ которою дѣлилъ ея буйныя забавы. Да не подумаютъ, однакоже, что этотъ острякъ, смѣльчакъ былъ съ кѣмъ бы либо дерзокъ въ обращеніи; онъ всегда умѣлъ уважать полъ и лѣта. Баловень родныхъ, друзей и прекраснаго пола, при постоянныхъ успѣхахъ и среди многихъ заблужденій своей счастливой молодости, онъ никогда не зазнавался, всегда оставался доброжелателемъ, сострадателемъ и любящъ. Онъ служилъ доказательствомъ, что остроуміе совсѣмъ не плодъ дурнаго сердца, а скорѣе живаго, веселаго нрава. О чрезвычайномъ стихотворномъ его талантѣ пока ни слова; будетъ еще мѣсто и время поговорить объ немъ, если поживется.

Мнѣ, однакоже, пришла охота показать здѣсь образецъ этого таланта, тогда еще не созрѣвшаго. Шаликовъ объявилъ всѣмъ о намѣреніи своемъ отправиться за границу; за однимъ стало дѣло, за днями. Вяземскій воспѣлъ сіе несостоявшееся отбытіе. Я помѣщу здѣсь только то, что изъ этихъ стиховъ припомню.

Съ собачкой, съ посохомъ, съ лорнеткой,
И съ миртовой отъ мошекъ вѣткой,
Подвязанъ розовымъ платкомъ,
Въ карманѣ пара мадригаловъ,
Съ едва звенящимъ кошелькомъ,
Вотъ какъ пустился нашъ Вдыхаловъ
По себѣ стужать пѣшкомъ.

Прежде того, прощаясь съ друзьями, Шаликовъ говорить имъ:

Прости, Макаровъ, Фебомъ чтимый,
И ты, о Бланкъ неистощимый,
Единственный читатель мой.

Недавно дѣлалъ я поиски, и въ свѣдѣніяхъ только что мною полученныхъ открылъ бездну литературныхъ сокровищъ того времени, зарытыхъ въ забвеніи, и симъ владомъ хочу подѣлиться съ читателемъ. Исключая *Вѣстника Европы* (о которомъ ошибочно сказалъ я, что Карамзинъ передалъ его прямо Жуковскому, тогда какъ сей послѣдній гораздо послѣ два года издавалъ его вмѣстѣ съ Каченовскимъ, тогда еще не обнаруживавшимъ свои прекрасныя свойства) было еще нѣсколько неназванныхъ мною журналовъ, и вотъ ихъ названія: 1) *Журналъ пріятнаго, любопытнаго и забавнаго чтенія*, съ 1802 по 1804 годъ, издаваемый Панкратіемъ Сумароковымъ, 2) *Новости Русской Литературы* съ 1802 по 1805 г., издаваемые Сохацкимъ и Побѣдоносцевымъ, 3) *Другъ Просвѣщенія*, въ 1804 г., издаваемый двумя сенаторами: графомъ Хвостовымъ и Кутузовымъ, 4) *Журналъ для милыхъ*, въ 1804 же г., издаваемый, разумѣется, Макаровымъ 2-мъ, 5) *Патріотъ, журналъ воспитанія*, въ 1804 же г., издаваемый Владиміромъ Измайловымъ, 6) *Московскій Курьеръ*, въ 1805 и въ 1806 гг., издаваемый опять Макаровымъ 2-мъ, 7) *Ученыя Вѣдомости*, въ 1805 и 1806 гг., издаваемыя при университетѣ какимъ-то профессоромъ Буле.

Не даромъ Дмитріевъ въ одной эпиграмѣ сказалъ тогда:

Журналовъ тысячу, а книги ни одной.

Съ Москвою кое-какъ еще я справился; не знаю какъ-то будетъ съ Петербургомъ.

Державинъ находился въ немъ въ томъ же самомъ состояніи успокоившагося патріарха, какъ Херасковъ въ Москвѣ, и тѣмъ са-

мымъ передъ нею давалъ уже ему перевѣсъ, въ отношеніи къ словесности. Заживо онъ сопричтенъ уже былъ къ сонму боговъ: два верховные жреца, Шишковъ и Шаховской, ему поклонились и именемъ его управляли толпою мелкихъ служителей, дьячковъ, пономарей, звонарей Аполлона.

О счастливой мысли перваго посредствомъ Славянскихъ изреченій и оборотовъ украсить и усилить Русскій языкъ я уже говорилъ. Она родилась въ головѣ совсѣмъ не гениальной; тѣмъ не менѣе должны мы чтить память весьма почтеннаго, хотя немного смѣшнаго старца. Много говорилъ я и о послѣднемъ, можетъ быть, слишкомъ много.

О Крыловѣ неоднократно упоминалъ я. Въ изображеніи Русскаго театра объ Озеровѣ высказалъ все, что зналъ. Мнѣ остается еще представить множество рядовыхъ писателей, которые слѣпо шли подъ знаменами двухъ вышесказанныхъ предводителей, особенно же Шишкова; простыхъ работниковъ, которые словесностію, какъ ремесломъ, въ тихомолку промышляли. Ихъ ничтожество давно поглощено забвеніемъ, я не вижу ни возможности, ни нужды ихъ оттуда вытаскивать. Если же который взбредетъ на память, то, да проститъ мнѣ читатель, я не оставлю назвать его.

Между сими мелкими лицами, въ памяти моей возникаетъ одно крупное лицо, которое раза два мимоходомъ пришлось мнѣ назвать. Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ, первый и предпослѣдній графъ сего имени (ибо пожилой сынъ его вѣроятно не женится), былъ извѣстенъ всей читающей Россіи. Для знаменитости, даже въ словесности, великіе недостатки болѣе нужны, чѣмъ небольшія достоинства. Когда и какъ затѣялъ онъ нѣсколько поколѣній смѣшить своими стихами, этого я не знаю; знаю только по наслышкѣ, что въ первой и въ послѣдующихъ за нею молодостяхъ, лѣтъ до тридцати пяти, слылъ онъ богатымъ женихомъ и потому присватывался ко всѣмъ знатымъ невѣстамъ, которыя съ отвращеніемъ отвергали его руку. Наконецъ, пришла по немъ одна княжна Горчакова, которая едвали не столько же славилась глупостію, какъ родной дядя ея Суворовъ—побѣдами. Этотъ союзъ вдругъ поднялъ его: будучи не совсѣмъ молодъ, неблагообразенъ и неуклюжь, пожалованъ былъ онъ камеръ-юнкеромъ пятаго класса—званіе завидуемое, хотя обыкновенно оно давалось осмнадцатилѣтнимъ знатымъ юношамъ. Это такъ показалось странно при Дворѣ, что были люди, которые осмѣлились замѣтить о томъ Екатеринѣ. «Что мнѣ дѣлать, отвѣчала она, я ни въ чемъ не могу отказать Суворову: я бы этого человѣка сдѣлала фрейлиной, еслибъ онъ того потребовалъ».

Тутъ начинается его извѣстность. Придворный чинъ, родство съ Суворовымъ, большое состояніе, все это высоко цѣнилось; при этомъ поэзія его шла даромъ: никто не обращалъ на нее вниманія. А въ ней-то и видѣлъ онъ надежды на будущее свое величіе. Оберъ-прокурорство, сенаторство, лента, наконецъ графское достоинство, въ память Суворова Сардинскимъ королемъ ему дарованное, все это, конечно, тѣшило его тщеславіе, но не удовлетворяло честолюбія: ему хотѣлось прославиться, жить въ вѣкахъ. Обманывалъ ли онъ самъ себя насчетъ дарованія своего, или морочить хотѣлъ людей, чтобы при жизни насладиться ихъ рукоплесканіями, вотъ что трудно разобрать. Всю долготѣнную жизнь свою просуетился, промучился онъ напрасно только изъ того, чтобъ его похвалили; желаніе это обратилось у него въ болѣзнь, въ чесотку, въ бѣшенство. Чего онъ не дѣлалъ? Подличалъ извѣстнымъ авторамъ, дарилъ сочиненія свои книгопродавцамъ и нераспроданное самъ покупалъ, чтобы пристудить къ другому изданію; кормилъ, угощалъ голодныхъ стихотворцевъ, ссужалъ ихъ деньгами. Хвалить его было имъ невозможно: никто не рѣшился бы на столь позорное дѣло; совѣстливые молчали, а безсовѣстные надъ нимъ же ругались въ стихахъ. Вошло въ обыкновеніе, чтобы всѣ молодые писатели объ него оттачивали перо свое, и безъ эпиграмы на Хвостова какъ будто нельзя было вступить въ литературное сословіе; входя въ лѣта, уступали его новымъ пришельцамъ на Парнасъ, и такимъ образомъ цѣлый вѣкъ молодымъ ребятамъ служилъ онъ потѣхой.

Такое общее ожесточеніе можно бы назвать безчеловѣчіемъ, если бы самъ онъ поступками своими не безпрестанно подавалъ поводъ къ насмѣшкамъ. За все брался онъ: сочинялъ, переводилъ трагедіи, комедіи, поэмы, оды, посланія, басни, одно хуже, одно нелѣпѣе другаго; метроманія нигдѣ еще не являлась въ столь смѣшномъ, неугомонномъ и запачканномъ видѣ. Онъ имѣлъ характеръ неблагогородный, наружность подлую и нарядъ всегда засаленный. Неизвѣстно, примѣчательная нечистоплотность отъ жены ли къ нему привилась, или отъ него къ ней; только неопрятность обоихъ супруговъ была баснею Петербурга. Кажется, самъ онъ никогда не умывался, а въ комнатахъ его, подобныхъ клѣвамъ, до того дышало заразительнымъ воздухомъ, что мезетизмъ стали знать подъ названіемъ хвостовизма. Онъ не принадлежалъ ни къ какой партіи, но втирался безъ разбору во всѣ литературныя общества и во всѣхъ оставался нулемъ, хотя, разумѣется, нигдѣ въ глаза не смѣли его дурачить.

Примѣчательны были также два Украинца: одинъ поэтъ въ отставкѣ, другой въ семъ званіи только-что поступившій на службу. Оба

они, несмотря на единовѣріе, единокровіе, единозваніе, на двухвѣковое соединеніе ихъ родины съ Россіей, тайкомъ ненавидѣли ее и Русскихъ, Москалей, кацаповъ. Это были Капнисть и Гнѣдичъ.

Василій Васильевичъ Капнисть женился на родной сестрѣ жены Державина, и даже эти брачныя узы не могли привязать его къ Россіи. Онъ много написалъ стиховъ и весьма хорошихъ и, заключивъ поприще свое великимъ твореніемъ своимъ, называемымъ *Ябеда*, опустился на лавры. Не обращая вниманія на наши слабости, пороки, на наши смѣшныя стороны, онъ въ преувеличенномъ видѣ, на позоръ свѣту, представилъ преступныя мерзости нашихъ главныхъ судей и ихъ подчиненныхъ. Тутъ ни въ дѣйствиіи, ни въ лицахъ нѣтъ ничего веселаго, забавнаго, а одно только ужасающее, и не знаю почему назвалъ онъ это комедіей. Лѣтъ сорокъ спустя, одинъ изъ единоплеменцевъ его, малорослый Малороссъ, коего назвать здѣсь еще не мѣсто, движимый тѣми же побужденіями, въ такомъ же духѣ написалъ свои комедіи и повѣсти. Не выводя на сцену ни одного честнаго Русскаго человѣка, онъ предалъ насъ всеобщему поруганію въ лицахъ (по большей части вымысленныхъ) нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ чиновниковъ. И за то, о Боже, половина Россіи провозгласила циника сего великимъ!

Природа поставила Николая Ивановича Гнѣдича на той самой точкѣ, гдѣ кончается глупость и начинается умъ; но въ него съ этой точки довольно часто умѣлъ онъ дѣлать набѣги. Лицо его, которому говорятъ, суждена была красота, изуродовано и изрыто было оспою, которая въ опустошительной ярости своей лишила его глаза. Муза его была чопорна, опрятна, суха и холодна, какъ онъ самъ; на выдумки не была она великая мастерица, да и въ подражаніяхъ и переводахъ болѣе всего отличалась точностію и вѣрностію. По пріѣздѣ его первый разъ въ Петербургъ, обстоятельства его, видно, были до того плохи, что онъ рѣшился на неслыханное средство, на исканіе покровительства и помощи графа Хвостова. Въ посланіи къ нему, которое, къ счастью его, не было напечатано, но съ котораго, къ несчастью его, не всѣ успѣлъ онъ потомъ истребить копіи, въ семъ посланіи, гдѣ умоляя его, старается онъ его разжалобить, находится между прочимъ этотъ стихъ:

И дурень я, и кривъ, и денегъ не имѣю.

Счастіе ему помогло: онъ скоро нашелъ другаго покровителя по-сильнѣе, по-умнѣе и по-благороднѣе Хвостова, который, во ввѣренныхъ управленію его частяхъ, успѣлъ доставить ему покойныхъ мѣста два съ хорошимъ содержаніемъ. Тогда задумалъ онъ приступить къ труду важному, долголѣтнему, который успѣшно онъ продолжалъ и счастливо

кончили, къ переводу *Илиады*. Для поддержанія его въ семь трудѣ испрошено ему было великое поощреніе, пенсіонъ въ полторы тысячи рублей отъ великой княгини Екатерины Павловны. Все, кажется, налагало на него долгъ благодарности къ Россіи, а онъ питалъ къ ней совсѣмъ противное чувство, которое гораздо послѣ, противъ воли его, мнѣ часто обнаруживалось въ короткихъ съ нимъ бесѣдахъ.

Говоря о Русскомъ театрѣ, я называлъ нѣсколько человѣкъ, переводившихъ трагедіи. Литературныя ихъ достоинства были такъ слабы, что сего было бы достаточно, еслибы въ нѣкоторыхъ изъ нихъ не было бы чего другаго примѣчательнаго. Напримѣръ, Преображенскій офицеръ, потомъ полковникъ и флигель-адъютантъ, Сергѣй Никифоровичъ Маринъ, переводчикъ *Меропы*, былъ военный острякъ, отъ котораго въ стихахъ крѣпко доставалось и словесникамъ, и свѣтскимъ людямъ. Они съ Шаховскимъ, будучи безсмѣнными у Александра Львовича Нарышкина, сдѣлались почти его домашними поэтами. Былъ еще къ нимъ въ прибавку и третій авторъ, не на одной ногѣ съ ними принятый. Не знаю, какъ попалъ въ этотъ домъ одинъ бѣдный, своенравный и самолюбивый Грекъ, воспитанный въ кадетскомъ корпусѣ и въ немъ же потомъ служившій. Имя его было Гераковъ, которое на Славяно-россійскій языкъ перевелъ онъ Гаврииломъ Гераковымъ и любилъ, чтобы такъ его называли. Извѣстно, что между Греками для ума нѣтъ средняго состоянія: все богачи или нищія и что имъ убогіе всегда горды душою. Тогда въ Россіи стоило что-нибудь написать, да только напечатать, чтобы приписаться къ цеху даже ученыхъ; столько было смѣтливости въ Гераковѣ, чтобы это увидѣть, и онъ началъ что-то писать и отдавать въ печать. Его тщеславіе безпрестанно тревожили и кололи, а когда начиналъ онъ выходить изъ терпѣнія, то спѣшили успокоивать его какою нибудь похвалою или лаской; право похвастать тѣмъ что онъ коротокъ въ знатномъ домѣ было лучшей бальзамъ, врачевавшій раны, наносимыя его кичливости, и ослѣпленіе его на счетъ его достоинствъ не позволяло ему видѣть, что входъ въ него доставляетъ ему единственно титулъ шута. Маринъ былъ его казню; въ пародіи стиховъ Державина на рожденіе порфиророднаго отрока онъ собираетъ у колыбели его колдуновъ и такимъ образомъ заставляетъ ихъ предрекать его будущность:

Будешь, будешь сочинитель
И читателей тиранъ.
Будешь въ корпусѣ учитель,
Будешь вѣчно капитанъ.
Будешь, и судьба рѣшила,
Ростомъ двухъ аршинъ съ верхкомъ,
И всѣ старцы подтвердили:
Будешь вѣкъ ходить пѣшкомъ.

Онъ пылалъ страстію ко всему прекрасному полу, восхвалялъ его въ прозѣ и вѣчно ругалъ нѣжныхъ своихъ Московскихъ соперниковъ. Этимъ угодилъ онъ Шишкову и заслуживалъ отъ него самые лестные отзывы.

Нѣсколько словъ еще объ одномъ военномъ стихотворцѣ, однополчанинѣ Марина, объ офицерчикѣ Павлѣ Александровичѣ Катенинѣ, переводчикѣ *Цида* и *Говолим*. Круглолицый, полнощекій и румяный какъ херувимъ на вербѣ, этотъ мальчигъ вѣчно кипѣлъ какъ кофейникъ на конфоркѣ. Онъ былъ довольно хорошъ съ Шаховскимъ, ибо далеко превосходилъ его въ неистощимой хулѣ писателямъ: ни одному изъ нихъ не было отъ него пощады, ни Русскимъ, ни иностраннымъ, ни древнимъ, ни новымъ, и *Виргилій* всегда бывалъ первою его жертвою. Мудрено завидовать людямъ двѣ тысячи лѣтъ назадъ умершимъ; можетъ-быть, ему не хотѣлось быть на ряду съ обыкновенными людьми, почтительными къ давно признаннымъ достоинствамъ, и смѣлостію сужденій стать выше ихъ; а скорѣе не было ли это слѣдствіемъ страсти его къ спорамъ? Въ новѣйшее время мы также знали одного поэта, только настоящаго, который въ словесной борьбѣ находилъ величайшее наслажденіе; но онъ бралъ діалектикой, умомъ и всегда умѣлъ сохранять въ ней учтивость и хладнокровіе *). Катенину же много помогали твердая память и сильная грудь; съ ихъ помощію онъ всякаго перекрикивалъ и долго продолжалъ еще спорить, когда утомленный противникъ давно отвѣчалъ ему молчаніемъ. Не изъ угожденія Шишкову (ибо онъ никому не хотѣлъ нравиться, а всѣхъ поражать), а такъ изъ оригинальности, въ надеждѣ служить примѣромъ, Катенинъ свои трагедіи, стихотворенія безъ мѣры и безъ искусства начиналъ славянизмами. И что это было? Верхъ безвкусія и безсмыслія! Видалъ я людей самолюбивыхъ до безумія, но подобнаго ему не встрѣчалъ. У него было самое странное авторское самолюбіе: мнѣ случилось отъ него самаго слышать, что онъ охотнѣе проститъ такому человѣку, который назоветъ его мерзавцемъ, плутомъ, нежели тому, который хотя бы по заочности назвалъ его плохимъ писателемъ; за это готовъ онъ вступить съ оружіемъ въ рукахъ. Еслибъ онъ сталъ лучше прислушиваться, то ему пришлось бы драться съ цѣлымъ свѣтомъ.

И графъ Сергѣй Павловичъ Потемкинъ былъ тоже поэтъ и офицеръ, и того же Преображенскаго полка. Тройственный союзъ его съ Шапошниковымъ и Висковатовымъ не долго продолжался. Стихотворство у него была прихоть богача, роскошь его: онъ любилъ не театръ, а актрису, не литературу, а маленькое меценатство. Онъ соскучился,

*) Хомяковъ.

женился, переѣхалъ въ Москву и тамъ принялся за другаго рода роскошь, болѣе блистательную, въ которой показалъ онъ гораздо болѣе вкуса и умѣнья, но которая довела его почти до нищеты. Оба товарища его пропали потомъ безъ вѣсти, какъ будто канули въ воду. Наши предки, которые, вѣроятно, слышали о Летѣ, подъ этимъ разумѣли быть поглощену забвеніемъ.

Была еще пара писателей, которые, по сходству названій, всегда вмѣстѣ близнецами приходятъ мнѣ на память. Одинъ изъ нихъ, Евстафій Станевичъ, кажется Малороссіянинъ, переводчикъ Юнговыхъ *Почей*, съ душою мрачною, почитался у насъ Рембрандтомъ поэзіи. Другой, Анастасевичъ, Полякъ, употребляемъ былъ графомъ Хвостовымъ для разныхъ послугъ, замѣчательнень былъ тѣмъ, что въ Русскіе свои переводы и сочиненія вводилъ множество Польскихъ словъ, западныхъ императоровъ называлъ *заходными* и слугъ именовалъ всегда холоуями.

Пора мнѣ остановиться. Я вѣдь не взялся писать біографіи литераторовъ и исторію тогдашней литературы, а представить только то, чгдъ въ это время объ ней придетъ мнѣ на память. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, и я вижу, что если стану подбирать всѣ щепки, то никогда не кончу сей главы.

Вообще въ первое десятилѣтіе Александрово, Петербургскій, такъ-называемый, ученый міръ молодечествомъ и самохвальствомъ старался взять верхъ надъ Московскимъ; а въ сей послѣдней, какъ бы смотря съ презрѣніемъ на варваровъ, хотѣли отличить себя отъ нихъ любовью и нѣжностію, и какъ Донъ-Кихотъ, въ Дмитріевой баснѣ, говоритъ грубіянамъ: «не бей меня, но пой», одни облекались въ броню и вооружались мечомъ, другіе вѣнчались розами и въ рукахъ держали свирѣль. Жаль только, что Петербургскіе писатели со смѣлостію соединяли мало ума и таланта и что вѣчныя похвалы ихъ отечеству, какъ напримѣръ въ *Храмъ славы Россійскихъ проевъ*, Новгородскаго губернскаго прокурора Павла Юрьевича Львова, никого не воспламеняя, на всѣхъ наводили сонъ и зѣвоту.

Владѣя безспорно Парнасомъ, не позволяя никому имѣть литературнаго мнѣнія противнаго ихъ мнѣніямъ и полагая, что мнимые ихъ противники осуждены никогда не покидать Москвы, Петербургскіе главные писатели не могли предвидѣть, что противъ ихъ неограниченной власти можетъ скоро составиться союзъ и заговоръ. И дѣйствительно, въ цѣломъ Петербургѣ всего на все былъ одинъ только не съ большимъ двадцати лѣтъ молодой человекъ, Блудовъ, полный ума и вкуса, когорый позволялъ себѣ явно осмѣивать ихъ недостатки и претензіи и писать на нихъ эпиграммы. Для обузданія его хотѣли они,

хотя тщетно, употребить даже высшую власть. Прибывшій въ 1805 году Александръ Тургеневъ присталъ къ нему, но былъ болѣе его остороженъ. Я слушалъ ихъ съ удивленіемъ: мнѣ казалось странно и непонятно живое участіе, принимаемое ими въ семь дѣлъ. Мнѣ было не до Шишкова: я бредилъ тогда Лагарпомъ, Парви, Фонтаномъ и Шатобрианомъ.

Вдругъ пришла ужасная вѣсть. Въ Твери, у Екатерины Павловны, Карамзинъ читалъ императору Александру нѣсколько главъ своей исторіи, этой исторіи, гдѣ по словамъ ихъ должны были встрѣчаться все одни милые Святополки и нѣжные Мстиславы. Не прошло мѣсяца какъ Дмитріевъ назначенъ министромъ юстиціи и скоро прибылъ въ Петербургъ; и онъ прибылъ не одинъ, а привелъ съ собою немногочисленную, но избранную дружину. Его сопровождали три юноши, Милоновъ, Граматинъ и Дашковъ; первые два были только-что поэтами, послѣдній тѣмъ, чѣмъ бы только захотѣлъ онъ быть. Огромный талантъ Милонова можно сравнить съ прекрасною зарей никогда не подыавшагося дня; много было его и въ Граматинѣ, но онъ также далеко не пошелъ. Первый талантъ свой потопилъ въ винѣ или лучше сказать въ водкѣ; послѣдній зарылъ его въ деревнѣ, куда навсегда переселился хозяйничать. О Дашковѣ, о незабвенномъ Дашковѣ, о которомъ воспоминаніе останется всегда прекраснѣйшимъ въ моей жизни, здѣсь говорить не буду: въ эту минуту я не чувствую себя способнымъ достойнымъ образомъ изобразить его.

Глава Славянофиловъ или Варягороссовъ, какъ ихъ тогда называть начали, со товарищи видѣли въ министерствѣ Дмитріева опасность для своего всемогущества, тогда какъ обязанности государственнаго сановника вовсе не оставляли времени Дмитріеву заниматься литературой. Правда, онъ часто принималъ у себя Блудова и Тургенева, за тихую трапезой съ ними и съ живущимъ у него Дашковымъ часто любилъ бесѣдовать о любимомъ предметѣ, между ними почиталъ себя какъ бы главою семейства, былъ отечески ласковъ и оказывалъ нѣжную снисходительность и покровительство Граматину и Милонову. Конечно, все это можно было почитать зародышемъ оппозиціи; но ея еще не было, а противники замыслили уже задушить ее при самомъ рожденіи.

Этого мало: имъ хотѣлось, въ случаѣ первой неудачи, поставить твердый оплотъ противъ распространенія ея дальнѣйшихъ успѣховъ. Россійская Академія была тогда ветхое укрѣпленіе, почти на двѣ трети защищаемое ветеранами литературы. И хотя Шишковъ былъ уже ея душою и убыль въ ней мѣста пополнялъ одними своими клеветами, но все еще упрямылся жить и президентствовать въ ней полумертвымъ,

дѣйствительный тайный совѣтникъ Андрей Андреевичъ Нартовъ, не совсѣмъ ему покорный. Надобно было изъ-за нея воздвигнуть твердыню, которая, содержа ее въ повиновеніи, служила бы ей въ одно время и защитою. Слѣдствіемъ глубоко-обдуманнаго мѣрз, плодомъ искусно-начертаннаго стратегическаго плана было, въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1810 года. роженіе *Бесѣды Любителей Россійскаго Слова*.

Обстоятельства чрезвычайно благопріятствовали ея учреженію и началамъ. Мудрено объяснить состояніе умовъ тогда въ Россіи и ея столицахъ. По вкоренившейся привычкѣ не переставали почитать Западъ наставникомъ, образцомъ и кумиромъ своимъ; но на немъ тихо и явственно собиралась страшная буря, грозящая намъ истребленіемъ или порабощеніемъ; вѣра въ природнаго, законнаго защитника нашего была потеряна, и люди, умѣющіе размышлять и предвидѣть, невольно тѣснились вокругъ знамени, нѣкогда водруженнаго на Голгоѣѣ и вокругъ другаго невидимаго еще знамени, на которомъ уже читали они слово: отечество. Пристрастіе къ Европѣ примѣтно начало слабѣть и готово было превратиться въ нѣчто враждебное; но въ ней была порабощенная Италія, страждущая и борющаяся Гишпанія, Германія, которая тайно молила о помощи, и Англія, которая не переставала предлагать ее. Воспріянувшее въ разныхъ состояніяхъ чувство патріотизма подѣйствовало, наконецъ, на высшее общество: знатныя барыни на Французскомъ языкѣ начали восхвалять Русскій, изъявлять желаніе выучиться ему или притворно показывать будто его знаютъ. Имъ и придворнымъ людямъ натолковали, что онъ искаженъ, зараженъ, начиненъ словами и оборотами, заимствованными у иностранныхъ языковъ, и что Бесѣда составилаь единственно съ цѣлію возвратитъ и сохранить ему его чистоту и непорочность; и онѣ всѣ взялись быть главными ея поборницами.

Маститый Державинъ, который воспѣлъ всѣ минувшія славы Россіи, для засѣданій Бесѣды отдалъ великолѣпную залу прекраснаго дома своего на Фонтанкѣ. Въ этой залѣ, ярко освѣщенной, какъ до храмъ бога свѣта, не помню сколько разъ, зимой бывали вечернія, торжественныя собранія Бесѣды. Члены вокругъ столовъ занимали середину, тамъ же разставлены были кресла для почетнѣйшихъ гостей, а вдоль стѣны въ три уступа хорошо устроены были сѣдалища для прочихъ посѣтителей, по билетамъ впускаемыхъ. Чтобы придать симъ собраніямъ болѣе блеску, прекрасный полъ являлся въ бальныхъ нарядахъ, штатсъ-дамы въ портретахъ, вельможи и генералы были въ лентахъ и звѣздахъ, и всѣ вообще въ мундирахъ. Часть театральная, декорационная была совершенство; заправлялъ ею, кажется, самъ Шаховской. Чтеніе обыкновенно продолжалось болѣе трехъ часовъ и какъ

содержаніемъ, такъ и слогомъ статей отнюдь не отвѣчало наружному убранству великой храмины. Дамы и свѣтскіе люди, которые ровно ничего не понимали, не показывали, а можетъ-быть, и не чувствовали скуки: они исполнены были мысли, что совершаютъ великій патріотическій подвигъ, и дѣлали сіе съ примѣрнымъ самоотверженіемъ. Горе было только тѣмъ, которые понимали и принуждены были безпрестанно удерживать зѣвоту. Модный свѣтъ полагалъ, что торжество отечественной словесности должно предшествовать торжеству вѣры и отечества.

На подобіе Государственнаго Совѣта, составленнаго изъ четырехъ департаментовъ, и Бесѣду раздѣлили на четыре разряда, и такъ же какъ у него, въ каждый посадили по предсѣдателю, да еще каждому дали по попечителю. Это былъ сущій вздоръ, ибо въ предметахъ занятій между разрядами не было никакого различія. Потомъ было въ каждомъ изъ нихъ по нѣскольку членовъ и по нѣскольку членовъ-сотрудниковъ, которые составляли какъ бы канцелярію Бесѣды. Вообще, она имѣла болѣе видъ казеннаго мѣста чѣмъ ученаго сословія, и даже въ распредѣленіи мѣстъ держались болѣе табели о рангахъ, чѣмъ о талантахъ. Попечителями были предсѣдатели въ Совѣтѣ, графъ Завадовскій и Мордвиновъ и министръ просвѣщенія графъ Разумовскій; какъ будто на смѣхъ, четвертымъ посадили министра юстиціи, Дмитріева. Почти всѣ вышепоименованные писатели попали въ члены, коихъ списокъ украсился именемъ Крылова, какъ вечернія собранія ихъ оживлялись немногимъ чтеніемъ его басенъ. Въ числѣ сотрудниковъ находились и нашъ Жихаревъ, который тогда еще былъ не нашъ, и Гречъ, о которомъ я тогда не имѣлъ еще никакого понятія. Крыловъ, хотя и выдалъ особу свою Бесѣдѣ, но, говорятъ, тайкомъ подсмѣивался надъ нею. Доказательствомъ тому поставляютъ вскорѣ послѣ ея открытія выданную имъ басню *Квартетъ*, гдѣ проказница мартышка, осель, козелъ, да косолапый мишка спорятъ о мѣстахъ, и авторъ говоритъ имъ: «Друзья, какъ ни садитесь, а въ музыканты не годитесь».

Чтобы ни говорили, а Бесѣда, можетъ-быть, не весьма съ похвальными намѣреніями основанная, по мнѣнію моему, была во многомъ полезна. Впервыхъ, самого Карамзина грубости Шишкова сдѣлали нѣсколько осмотрительнымъ; онъ указывалъ ему на средства дать болѣе важности и достоинства историческому слогу (болѣе онъ сдѣлать не могъ), а тотъ съ своимъ чудеснымъ умомъ и талантомъ не оставилъ ими воспользоваться. Нѣсколько молодыхъ писателей были поудержаны отъ жеманства, въ которое, по неопытности, могли бы впасть, глядя на Московскихъ вздыхателей. Наконецъ, покровительство и уваженіе, оказываемыя въ столицѣ отечественной словесности правительствомъ

и высшими сословіями, имѣли благотворное дѣйствіе на провинціи и нѣкоторымъ образомъ способствовали сближенію разныхъ состояній и согласію между ними, столь необходимыхъ въ эту памятную эпоху.

Какъ ни велико было авторское полчище, набранное Бесѣдою, все еще оставалось много людей, упражняющихся въ литературѣ, которыхъ она воспріять не захотѣла или которые сами въ ней быть не пожелали. Въ это время число ихъ до того увеличилось, что можно было, по примѣру Ривароля до революціи, составить въ одномъ Петербургѣ маленькій словарь маловеликихъ людей. Служащій въ министерствѣ просвѣщенія Димитрій Ивановичъ Языковъ, человѣкъ ученый, переводчикъ Шлеперова *Нестора*, нашель, что изъ сихъ остатковъ можно создать еще новое особое общество, предложилъ имъ о томъ, получили ихъ согласіе, для засѣданій выпросилъ одну изъ залъ опустѣвшаго Михайловскаго замка и сдѣлался первымъ президентомъ Общества Любителей Наукъ, Словесности и Художествъ.

Никто изъ членовъ его не смѣлъ и подумать вступить въ соперничество и борьбу съ Бесѣдой; хотя Дашковъ, Милоновъ и Грамматинъ были приняты въ число ихъ, однакоже умѣли сохранить нѣкоторую отъ нея независимость. Между ними были примѣчательны два человѣка: Петербургскій Измайловъ, котораго звали Александръ Еееимовичъ, да еще Александръ Христофоровичъ Востоковъ, который изъ любви къ Россіи бросилъ Нѣмецкое прозваніе Остенекъ.

Первый былъ всѣмъ извѣстный баснописецъ въ родѣ Крылова. Между ними была та разница, что Крыловъ умѣлъ облагораживать простонародный языкъ, а этотъ сохранялъ ему всю первобытную его нечистоту. Однимъ словомъ, и всѣ въ томъ соглашались, это былъ Крыловъ на-весель, зашедшій въ казарму, въ харчевню или въ питейный домъ.

Востоковъ, кажется, былъ нѣчто въ родѣ Мерзлякова, болѣе профессоръ поэзіи, чѣмъ поэтъ, искусный учитель пѣнія, у котораго не было голоса. Онъ заикался, и это напоминаетъ мнѣ стихи его, о самомъ себѣ написанные:

Языкъ ему не доданъ смертныхъ,
Но данъ языкъ боговъ.

Многіе увѣряли, что и на этомъ онъ заикается.

Еще было одно общество, но не столько литературное или ученое, сколько пріятельское. Оно состояло тогда изъ пяти или шести человѣкъ и собиралось только отобѣдать, потолковать или провести вечеръ у мецената своего, Алексѣя Николаевича Оленина, о которомъ также не здѣсь, а далѣе долженъ буду много говорить. Принадлежа ко всѣмъ и ни къ которой изъ партій или обществъ, члены Оленинскіе:

даже въ домѣ его, хлѣбосольномъ, для всѣхъ открытомъ, и принимая участіе въ общей веселости, составляли какой-то особый міръ, имѣющій особыя мнѣнія, особыя правила. Отличнѣйшими или отличными между ними были Крыловъ и Гнѣдичъ. Другихъ не назову кромѣ одного, Александра Ивановича Ермолаева, скромнаго, молчаливаго и ученаго человѣка по части Русскихъ древностей. Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, кои, оторвавшись отъ житейскаго, всѣмъ духомъ своимъ погружаются въ любимую науку.

Труды свои одна только Бесѣда издавала періодически, книжками, послѣ каждаго собранія и публичнаго чтенія. Журналовъ въ продолженіе этого времени было много въ Петербургѣ, все менѣе, чѣмъ въ Москвѣ; но какъ уже я сказалъ, я мало ими занимался и немногіе помню. *Сѣверную Почту* называть бы не слѣдовало, ибо это была оффиціальная газета, называемая политическою, но которой страницы обыкновенно наполнялись только одними почти извѣстіями объ успѣхахъ выдѣлыванія свежловичнаго сахара и кунжутнаго масла, что было слѣдствіемъ продолжавшейся у насъ, по милости Наполеона, запретительной системы торговли. Она издавалась при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, подъ управленіемъ и покровительствомъ самого министра, Козодавлева, который хотѣлъ показать, какъ усердно онъ занимается мануфактурною частію *).

Еще былъ *С.-Петербургскій Вѣстникъ*, да еще *Улей*, журналъ непозволительно-безобразный и глупый, какъ по содержанію своему, такъ и по наружной формѣ: оберткой служила ему темносѣрая, толстая бумага съ волосьями, а издателемъ Анастасевичъ, подъ руководствомъ графа Хвостова.

Какъ бы мнѣ еще не забыть *Сіонскій Вѣстникъ* и имъ заключить сію длиннѣйшую изъ всѣхъ главъ моихъ Записокъ. Издателемъ его былъ Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ, конференцъ-секретарь Академіи Художествъ, часть, которою онъ совсѣмъ почти не занимался. Сказывали, что онъ былъ человѣкъ строгой нравственности, живаго и пылкаго характера и что чистосердечіе его часто обращалось въ грубость. Онъ былъ ученикъ Николая Новикова, и журналъ его, можно сказать, былъ продолженіемъ *Утренняго Свѣта* и *Вечерней Зари*, тѣхъ, кои наставникъ его нѣкогда издавалъ въ Москвѣ. Нужно ли говорить, что онъ былъ чисто-религіознаго содержанія, но въ духѣ мартинизма, имъ исповѣдуемаго, и наполненъ былъ мечтательностію, отвѣченно-

---

*) Я начинаю повторять себя. О Сѣверной Почтѣ уже я говорилъ, и мнѣ бы слѣдовало вымарать строки сіи, но я ихъ оставляю, желая подвиги министра Козодавлева тверже сохранить въ памяти читателя.

стями, немногимъ понятными, и что оттого немногіе и читали его? По моему мнѣнію, христіанскій журналъ тогда только можетъ быть у насъ полезенъ, когда онъ будетъ вѣрующихъ еще болѣе утверждать въ Православіи и распространять свѣтъ его между невѣрующими, а *Сіонскій Вѣстникъ* былъ явнымъ посягательствомъ на его права. Сильное дѣйствіе его обнаружилось послѣ, когда источникомъ мистицизма сдѣлалась сама верховная власть, и онъ усиливался разлиться по всему лицу земли Русской. Зданіе ему, въ охраненіе и въ честь его воздвигнутое, Библейское Общество, внезапно рушилось, расшиблось, и рѣдко гдѣ нынѣ можно встрѣтить его дребезги.

XI.

Несчастливымъ происшествіемъ начался печальный 1811-й годъ. Въ то самое время, когда всѣ тѣшились и плясали, встрѣчая его, Большой каменный театръ, близъ Коломны, заново отдѣланный, славный и обширный, ровно въ полночь загорѣлся; никакими средствами не могли унять пламя, и зарево его до утра освѣщало весь испуганный Петербургъ. Люди, которые ждуть бѣды, во всемъ готовы видѣть худое предзнаменованіе. Одинъ только главный директоръ театра, Нарышкинъ, не терялъ веселости и присутствія духа: онъ сказалъ пофранцузски прибывшему на пожаръ, встревоженному Царю: «Ничего нѣтъ болѣе: ни ложь, ни райка, ни сцены, все одинъ партеръ, tout est par terre».

Я шелъ въ это время пѣшкомъ къ себѣ на Малую Воскресенскую улицу съ Фурштатской, отъ сестры и зятя Алексѣевыхъ, которые за недѣлю до того пріѣхали. На столь дальнемъ разстояніи, меня такъ и обдало свѣтомъ. Вылѣчившись совершенно отъ ранъ, генераль Алексѣевъ спѣшилъ въ Финляндію принять начальство надъ доставшеюся, въ мирное время, ему на часть бригадою и недѣли черезъ двѣ потомъ туда уѣхалъ.

По убѣжденію Александры Петровны Хвостовой, съ которою дружба все продолжалась у насъ попрежнему, съ самой осени жилъ я противъ ея квартиры въ домѣ одного сенатора Болотникова. Заборъ этого не совсѣмъ еще достроеннаго дома, близъ Литейнаго двора, выходилъ прямо на Неву, и тѣмъ представлялось мнѣ пріятное удобство спокойно прогуливаться во всякое время, даже ночью, по гладкимъ, всегда вычищеннымъ гранитамъ ея набережной.

Согласно желанію той же Хвостовой, познакомился я и съ хозяйками дома, и они должны непремѣнно войти въ опись встрѣченныхъ мною въ жизни странныхъ людей. Начнемъ съ супруга.

Во время первой молодости графа Бобринскаго, когда императрица Екатерина могла еще надѣяться, что изъ него выйдетъ что нибудь путное, велѣла она между кадетами Сухопутнаго Корпуса выбрать двухъ молодыхъ людей, которые бы отъ другихъ отличались особымъ прилежаніемъ къ наукамъ и примѣрнымъ поведеніемъ, чтобы сопутствовать ему за границу, куда посылала она его для довершенія его воспитанія. Выбраны были Борисовъ и Болотниковъ, произведены въ гвардіи офицеры и отправлены путешествовать. Про Борисова я ничего не знаю; а степенный, неподвижно-серіозный Болотниковъ, вѣроятно, долженъ былъ находиться въ вѣчномъ разладѣ съ невоздержаннымъ, расточительнымъ Бобринскимъ; они воротились непріятелями. Не смотря на то, Государыня не лишила его своего покровительства, и неимущій, мелкій дворянинъ, съ самымъ малымъ состояніемъ, но съ великою бережливостію и порядочнымъ пособіемъ могъ поддержать себя въ гвардіи до капитанскаго чина. Въ Шведскую войну, при Екатеринѣ, находился онъ въ походѣ, влюбился во вдову убитаго подполковника фонъ-Бушена и женился на ней. Она была дочерью Шлиссельбургскаго достаточнаго фабриканта, крещенаго Еврея Лемана, и отъ того и денежные его обстоятельства значительно поправились. Онъ былъ полковникомъ и командовалъ какимъ-то пѣхотнымъ полкомъ, когда Павелъ воцарился; при немъ успѣлъ онъ быть произведенъ генераль-лейтенантомъ и при немъ же, какъ водилось, успѣлъ онъ быть отставленъ. «Будетъ съ меня», сказалъ онъ, поселился въ деревушкѣ, гдѣ-то въ сосѣдствѣ съ Аракчеевымъ, и рѣдко являлся въ Петербургѣ.

Елисавета Христіановна, вдова фонъ-Бушенъ, урожденная Леманъ, имѣла всѣ права называться Нѣмкой, и она воспользовалась ими, чтобы сдѣлаться любезною и угодною графинѣ Ливенъ, воспитательницѣ великихъ княженъ. По ней, и второй супругъ ея, Алексѣй Ульяновичъ, пользовался милостію и покровительствомъ графини, тѣмъ болѣе что расчетливость его и точность, совсѣмъ не-Русскія, ей были очень извѣстны. Когда просватали Екатерину Павловну за принца Ольденбургскаго и начали заниматься составленіемъ ей особаго двора, то графиня Шарлотта Карловна рекомендовала генерала Болотникова вдовствующей императрицѣ, какъ человѣка самаго способнаго къ занятію должности гофмейстера, а съ другой стороны Аракчеевъ подержалъ это предложеніе у Государя. И дѣйствительно, съ качествами хорошаго Нѣмецкаго эконома соединялъ онъ усердіе и смѣлость Русскаго дядьки, который барское добро бережетъ какъ глазъ и, въ случаѣ нужды, можетъ поудерживать молодыхъ господъ. Съ этою мыслію отправился онъ въ Тверь и, принявшись за дѣло, цѣлый дворъ заставилъ во всемъ нуждаться. Все вопіяло, и когда великая княгиня поз-

волила себѣ ласково замѣтить ему, что въ такомъ усердіи есть нѣкоторая преувеличенность, то получила въ отвѣтъ, что обязанность его смотрѣть за тѣмъ, чтобъ она не предавалась излишней расточительности и, въ доказательство своихъ правъ, еѣ самоѣ началъ онъ морить съ голоду. Я замѣтилъ, что для людей и особенно для женщинъ, одаренныхъ необыкновеннымъ умомъ, нѣтъ болѣе мученія, какъ обязанность всегда находиться въ обществѣ и въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ людьми самодовольными и безтолковыми; это у нихъ обращается въ нѣкотораго рода болѣзнь, которую другіе не хотятъ, или не могутъ понять. Можно себѣ представить досаду женщины, довольно самонаправной, именемъ и головою подобной своей великой бабѣ, смотря на неподвижное бревно, во всѣхъ самыхъ простыхъ дѣйствіяхъ ея жизни загораживающее ей дорогу. Долѣе пяти мѣсяцевъ онъ при ней оставаться не могъ, и окружающіе ее находили и это удивительнымъ. Заставили этого человѣка Богу молиться, а онъ лобъ расшибъ, только къ счастью немного.

Онъ долго служилъ въ Семеновскомъ полку вмѣстѣ съ Дмитріевымъ. Вѣроятно сей послѣдній находилъ его странности забавными, тайкомъ подсмѣивался надъ нимъ, ласкалъ его какъ нужнаго для себя человѣка, а тотъ привязался къ нему, и наконецъ самъ Дмитріевъ былъ нѣжно къ нему расположенъ. Его сдѣлали министромъ юстиціи въ то самое время, когда шло дѣло объ избавленіи Екатерины Павловны, объ удаленіи Болотникова изъ Твери. Онъ могъ неприятнымъ образомъ быть отставленъ; но Дмитріевъ, пользуясь первоначальнымъ кредитомъ своимъ у Государя, выпросилъ ему сенаторство, съ сохраненіемъ придворнаго мундира и всего весьма большаго содержанія, по званію гофмейстера имъ получаемаго. Вѣдь всегда же счастье... нѣтъ, не скажу кому.

Несмотря на безразсудность его поведенія при дворѣ великой княгини, слылъ онъ человѣкомъ чрезвычайно дѣльнымъ, и по всей справедливости называли его весьма трудолюбивымъ. Онъ хотѣлъ быть безпристрастнымъ и свѣдущимъ судіею и вникнуть въ существо каждаго дѣла, а понять дѣла самаго простаго не могъ безъ величайшаго труда. Оттого Дмитріевъ въ шутку, хотя и въ глаза, называлъ его Долбилинымъ, находя, что каждый вопросъ долбить онъ, чтобы добраться до его смысла. Съ этимъ сравненіемъ я не согласенъ; по моему, напротивъ, каждую мысль надобно было какъ гвоздемъ вколачивать въ твердый какъ гранитъ его черепъ и въ одеревенѣлый мозгъ. Я что-то ему не полюбился: во мнѣ еще оставалось довольно живости и откровенности, чтобы въ глазахъ его это казалось вертопрашествомъ. Онъ на меня косо смотрѣлъ, едва мнѣ кланялся и мало со

мною говорилъ, чему, признаюсь, я очень былъ радъ, ибо онъ мнѣ казался нестерпимо-скученъ. Отношеній у насъ другъ къ другу, кажется, никакихъ не могло быть, кромѣ исправнаго платежа денегъ за квартиру мою. Такъ зачѣмъ же ты у него бывалъ? спросятъ меня. Знакомство съ Болотниковыми есть грѣхъ, который долженъ лежать на душѣ моей любезной Хвостовой.

Она по сосѣдству познакомилась съ Елисаветой Христіановной и любила ее; и было за что: она была весьма привѣтливая, прегостеприимная и предобрая барыня. Видя меня у нея нѣсколько разъ, она пожелала увидѣть у себя въ домѣ и просила ее меня на то склонить, послѣ того довольно часто присылала приглашать на вечеръ и всегда осыпала ласками. Я долго не понималъ, на что я могу быть ей надобенъ; Александра Петровна взялась мнѣ это объяснить. Ей хотѣлось женить меня на старшей изъ трехъ дочерей своихъ отъ перваго брака *); но на такого рода предпріятіе я не дерзнулъ бы рѣшиться. Софья Николаевна была дѣвочка худенькая, собой не весьма красивая, съ желто-синеватымъ цвѣтомъ лица и вѣчно какъ будто въ лихорадкѣ; къ тому же (непростительная тогда вина въ моихъ глазахъ) не говорила по французски. Она часто весьма неосторожно побрякивала ключами въ карманѣ и за всякой бездѣлицей изъ гостиной безпрестанно бѣгала въ кладовую и на погребъ. Разъ случилось, что въ день какого-то званнаго обѣда, когда кого-то долго дожидались, она вбѣжала съ безпокойствомъ и при всѣхъ объявила вотчиму, что если ожиданіе продлится, то клѣтки разварятся и супъ никуда годиться не будетъ. Однимъ словомъ, въ ней видна была воспитанница Алексѣя Ульяновича, и она достойна была называться не падчерицей, а родной его дочерью. Ея мать часто говорила мнѣ о ея хозяйственныхъ добродѣтеляхъ и увѣряла, что мужъ долженъ найти въ ней сущій кладъ; я же оставался весьма равнодушенъ къ симъ внушеніямъ, ибо никогда не приходило мнѣ въ голову искать счастья въ брачномъ союзѣ съ ключницей. Да впрочемъ, какъ у насъ у обоихъ ничего не было, то и запирать было бы нечего. Начиная съ самого Болотникова, все въ этомъ домѣ находилъ я ультра-мѣщанскимъ. А чтò было дѣлать? Живши въ одномъ домѣ нельзя было, всякій разъ отказываться отъ приглашеній. Иногда, скрѣпя сердце, позволялъ я себѣ подступать съ разговорами къ дѣвицѣ; а она всегда казалась въ смущеніи, въ смятеніи, только совсѣмъ не любовномъ. Нѣтъ, мы, видно, не рождены были другъ для друга.

*) Меньшія воспитывались тогда въ институтѣ. Моя неѣста вышла по томъ за одного господина Кондоида, вторая за какого-то Ринга; а третья—Амалия Николаевна, весьма умная и образованная, за весьма неумнаго и необразованнаго Пензенскаго помѣщика Олсуфьева.

Изрѣдка посѣщаль моихъ хозяевъ одинъ мой знакомый, мой землякъ, Пензенскій помѣщикъ, отставной генераль-маіоръ Алексѣй Даниловичъ Кошіевъ. Это лицо было гораздо примѣчательнѣе тески своего Болотникова, съ характеромъ котораго имѣло и нѣкоторое сходство и много противоположностей. Онъ былъ извѣстенъ всей Россіи, въ сихъ Запискахъ часто мимо его проходилъ я съ перомъ въ рукѣ; не знаю какъ онъ ускользалъ отъ него; теперь не долженъ увернуться. Начертаніе его біографіи если не для читателя, то для меня самого будетъ весьма занимательно.

Правда или нѣтъ, что отецъ его былъ Еврейскаго происхожденія, какое мнѣ до того дѣло; довольно съ меня и того, что Данилъ Самойловичъ Кошіевъ (котораго знаю только по наслышкѣ) принадлежалъ къ націи благородно-мыслящихъ и дѣйствующихъ людей. Онъ былъ первымъ вице-губернаторомъ въ Пензѣ, когда Ступишинъ былъ губернаторомъ; они равны были честностію, а не умомъ; но въ томъ было его еще достаточно, чтобы его уважить въ Кошіевѣ и пользоваться имъ. Вдову его, Надежду Карповну, урожденную Ельчанинову, я знавалъ; она до глубокой старости оставалась въ Пензѣ, гдѣ и скончалась. Говоря по большей части о недостойныхъ или ничтожныхъ людяхъ, въ ней живущихъ, я не смѣлъ между ними назвать эту праведницу. При большомъ природномъ умѣ, не было ни одной женской добродѣтели, которой бы она не имѣла, а слабость одну—чрезмѣрную любовь къ дѣтямъ своимъ. Въ злости людской видѣла она одну только болѣзнь и молила Бога объ исцѣленіи ея одержимыхъ. И въ городѣ, гдѣ были довольно равнодушны къ сверхъестественнымъ доблестямъ, всѣ ее уважали, ибо смиреніе ея было исполнено достоинства.

Отъ этой четы, сверхъ четырехъ или пяти дочерей, родилось одно чадо мужскаго пола: это нашъ герой. Въ немъ не было ни злости, ни недостатка въ умѣ, ни одного изъ пороковъ молодости, которые иногда остаются и въ старости; а со всѣмъ тѣмъ трудно было бы пріискать что-нибудь ему въ похвалу. Всѣ его молодые современники щеголяли безбожествомъ и безнравственностію болѣе въ рѣчахъ, чѣмъ въ поступкахъ, и это давало имъ видъ веселаго, но нестерпимаго безстыдства: онъ старался ихъ превзойти. Будучи офицеромъ гвардіи въ Измайловскомъ полку, онъ прославился насмѣшками надъ честнымъ, довольно-строгимъ, но слабодушнымъ начальникомъ своимъ, Арбенивымъ, о которомъ я уже говорилъ. Все сходило ему съ рукъ, по добродушію и невниманію этого начальника, и все болѣе умножало его смѣлость. Его репутація, какъ остряка и балагура, дошла до князя Зубова, который, по примѣру князя Потемкина, имѣлъ свиту огромную, безчисленную, составленную изъ адъютантовъ, ординарцевъ и чиновниковъ

для порученій; онъ помѣстилъ его при себѣ съ чиномъ армейскаго подполковника. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, послѣднихъ царствованія Екатерины, всѣ покровительствуемые Зубовымъ и при немъ состоявшіе пользовались совершенною безнаказанностію. Копевъ былъ еще довольно молодъ, а молодости если не все, то многое прощается; проказничалъ же онъ болѣе рѣчами, и къ его забавной наглости были снисходительны даже въ большомъ обществѣ. Онъ не замѣчалъ, что нечувствительнымъ образомъ превращался въ княжескаго шута и что сего рода людямъ въ Россіи все дозволялось. Только лестно ли такимъ правомъ пользоваться?

По вступленіи Павла на престолъ Зубовъ низвергнуть, и Копевъ остался безъ опоры съ своими пресловутыми фарсами. Всѣхъ возмущала тогда перемѣна мундирной формы по старинному Прусскому образцу, всѣ возроптали, и Копевъ пожелалъ угодить общему мнѣнію. Онъ, какъ говорили тогда, выкинулъ штуку: заказалъ себѣ въ преувеличенномъ видѣ все, ботфорты, перчатки съ раструбами, прищипилъ уродливыя носу и пукли, и въ этомъ шутовскомъ нарядѣ явился къ Павлу, который шутить не любилъ. Но въ первые дни онъ хотѣлъ казаться милостивымъ и снисходительнымъ, удовольствовался тѣмъ, что виновнаго посадилъ на сутки подъ арестъ и велѣлъ отправить въ драгунскій полкъ, къ которому онъ принадлежалъ и который стоялъ въ Финляндіи. Анекдотовъ про него была куча; онъ не унимался, по старой привычкѣ неосторожно вралъ и ругательными насмѣшками продолжалъ преслѣдовать Царя. Тутъ ему даромъ не прошло: онъ разжалованъ въ рядовые и записанъ въ гарнизонный полкъ тамъ же въ Финляндіи. Въ семь горестномъ положеніи влюбился онъ въ единственную дочь одной небогатой помѣщицы, которая, къ его счастью, согласилась ее за него выдать *). Донесеніемъ этого событія умѣли искусно растрогать, разжалобить императора, который велѣлъ отставить его прежнимъ подполковничьимъ чиномъ, но тамъ же въ Финляндіи оставить на жительство. Тогда самъ онъ купилъ тамъ помѣстье и думалъ поселиться въ немъ на вѣки. Въ первые мѣсяцы при Александрѣ, Паленъ и Зубовы дѣлали чтó хотѣли; они вызвали Копева изъ заточенія и въ сравненіи съ сверстниками доставили ему прямо чинъ генералъ-маіора; но времена перемѣнились, и послѣ того никогда уже онъ употребленъ быть не могъ.

---

*.) Въ фамильномъ ея прозваніи, каждаго, ничего не было ни Шведскаго, ни Чухонскаго, а скорѣе Шотландскаго: оно было Скоттъ, и какъ оно туда попало! По-русски оно покажется Копеву не довольно благородно, и онъ всегда выдавалъ тещу свою за баронессу фонъ-Шкоттъ. Тогда еще о Вальтеръ-Скоттъ и помину не было; а то Копевъ этого бы не сдѣлалъ, а скорѣе сталъ бы причитаться къ нему въ родню.

Онъ теперь болѣе чѣмъ въ пожилыхъ годахъ. Не одинъ десятокъ лѣтъ оставался онъ, можно сказать, въ неподвижномъ состояніи; самыя черты лица его почти не измѣнялись, но отношенія къ нему общества совсѣмъ перемѣнились. Безчинство и богохульство въ старости во всякомъ должны производить омерзѣніе; его циническая неопрятность и совершенно Еврейская алчность къ прибыли, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти и какъ бы на показъ выставленная, должны были рождать къ нему отвращеніе. Странно, какъ съ умомъ его онъ былъ всегда нечувствителенъ ко всеобщему неуваженію: лишь бы сорвать улыбку, хотя бы презрительную, и онъ оставался доволенъ. Съ Болотниковымъ онъ сходствовалъ скупостію; но у того хоть все было въ обрѣзъ, за то все опрятно, а у этого и мебель, и люди, и самъ онъ все оборвано, все запачкано, все засалено, не отъ небрежности, а отъ износки. Онъ вѣкъ проходилъ въ зеленомъ фракѣ; увѣряли, что для того скупаетъ онъ поношенное сукно съ бильярдовъ, и что замѣтны были даже пятна, наноминяющія мѣста, гдѣ становились шары. И онъ же всегда ругался надъ графомъ Хвостовымъ, утверждая, будто его назвать немзя безъ «съ позволенія сказать». Веселый умъ всегда встрѣчалъ я съ удовольствіемъ, и я вкушалъ Копева, какъ говорятъ Французы; но, признаюсь, иногда и мнѣ отъ него тошнилось.

Я не называлъ его между литераторами, потому что онъ совсѣмъ съ ними не водился, хотя, такъ про себя, и писалъ стихи и драматическія творенія. Его шутовски-забавныя комедіи: *Лебедянская Ярмарка*, *Княгиня-Муза* и другія были играны при Екатеринѣ съ успѣхомъ и напечатаны. Онъ любилъ русить иностранныя слова; у него выше сего заимствовалъ я слово *апронье*; про Лифляндскихъ помѣщиковъ говорилъ онъ, что у кого изъ нихъ болѣе помѣстьевъ, тотъ и *фонте*. Изъ множества стиховъ, коими иногда душилъ онъ меня, одно четверостишие осталось у меня въ памяти. Онъ питалъ любовь къ какой-то княжнѣ, которая на нее не отвѣчала, что приписывалъ онъ холодности ея сердца, и онъ написалъ:

Боже Ты, ее создавши,
Иль мой пламень угуши,
Иль всѣ прелести ей давши,
Дай хоть крошечку души.

1 Кажется, какъ бы легко сдѣлался ему порядочнымъ человекомъ. Онъ никогда не былъ развратникъ, а только что срамословъ; всегда шутилъ надъ семейными и супружескими добродѣтелями, а былъ вѣренъ и преданъ женѣ своей, благо нравной, скромной и пристойной, и безъ памяти любилъ дѣтей; ни противъ кого не имѣлъ ни злобы, ни зависти, а не о комъ не умѣлъ сказать хорошаго слова; для краснаго

слова, какъ говорилось тогда, не шадилъ онъ, если не отца, то матери и сестеръ, къ коимъ, впрочемъ, чрезвычайно былъ привязанъ. Надежности, полученныя нами въ первой молодости, видно, ничто исправить не можетъ.

Разъ, вечеромъ, встрѣтилъ я его у Болотниковой, и онъ вдругъ предложилъ мнѣ прокатиться съ нимъ въ Финляндію, для свиданія съ сестрою и зятемъ. Это было въ концѣ Марта, и между многими другими препятствіями замѣтилъ я ему, что совершенная распутица; онъ увѣрялъ меня, что зимній путь тамъ еще мѣсяць простоятъ. Вотъ какая была у него цѣль: онъ жену и весь домъ давно уже отправилъ на все лѣто въ деревню, а при немъ находился одинъ только человекъ, котораго непременно надобно было ему оставить въ Петербургѣ; онъ рассчитывалъ, что при мнѣ вѣрно будетъ слуга и что въ зимней перекладной повозкѣ, издержки пополамъ, ѣзда будетъ стоить ему дешевлѣ, и что такимъ образомъ выиграетъ онъ и деньги, и прислугу, и общество. Не знаю, какъ онъ сдѣлалъ, только меня подговорилъ. Не видя никакой надежды скоро получить мѣсто съ жалованьемъ, я все рѣже сталъ являться въ канцелярію къ Рибопьеру и едва въ мѣсяць разъ туда показывался; для кратковременной отлучки мнѣ отпуска просить было не нужно, такъ я думалъ по крайней мѣрѣ. Подорожная была у Копіева, и сборы мои не могли также быть велики.

Мы выѣхали или, лучше сказать, мы вышли изъ Петербурга 30 Марта, въ Четвергъ на Страстной недѣлѣ. Какъ выше сказалъ, я жилъ на берегу Невы; онъ зашелъ ко мнѣ, и мы стали перебираться по наставленнымъ мосткамъ черезъ гибкій и мѣстами треснувшій ледъ на Выборгскую сторону; за нами несли наши чемоданы. На противоположномъ берегу въ это время обыкновенно дожидаются повозки съ конями; но какъ на улицахъ была вездѣ одна жидкая грязь, то, поживъ въ нихъ пожитки наши, мы сами не сѣли, а предпочли идти пѣшкомъ по доскамъ, возлѣ домовъ, до самой заставы. За нею едвали было лучше, и мы шагомъ до станціи Дранишниковой должны были тащиться по голой землѣ. Далѣе, дѣйствительно Копіевъ былъ правъ, и мы нашли зимній путь, если не лучший, то, по крайней мѣрѣ, возможный.

Мы лежали покойно въ извѣстныхъ Чухонскихъ, длинныхъ и крытыхъ саняхъ, которыхъ, не знаю, сохранилось ли еще употребленіе. Веселость его, которую никакая печаль не въ силахъ была омрачить, многорѣчіе его, которое никакое приличіе не могло остановить, даровой, въ темнотѣ, сначала служили мнѣ пріятнымъ развлеченіемъ; но когда сонъ сталъ меня одолевать, то превратились въ столь несстер-

нимое мученіе, что я, наконецъ, принужденъ былъ униженно просить его превосходительство, чтобъ оно умолило.

На другой день, рано поутру, пріѣхали мы въ Кексгольмъ, едѣлавъ всего только 140, верстъ и остановились на все утро у какого-то Финна, пріятеля г. Кошѣва. Я ходилъ смотрѣть упраздненную крѣпость, и въ ней показывали мнѣ семейство Пугачова, не знаю затѣмъ все, едѣе содержавшееся подъ стражею, хотя не весьма строгою. Оно состояло изъ престарѣлаго сына и двухъ дочерей: простой мужикъ и крестьянки, которые показались мнѣ смиренными и робкими. Обѣдали мы не весьма вкусно: насъ подчивали Чухонскимъ кушаньемъ; между прочимъ кормили салакушкой съ молокомъ, и въ молоко же вареною черникой, да кнакебрѣ, сухеными лепешками, а поили швадрикомъ, квасопивомъ. Послѣ обѣда отправились мы прямо на мызу Кошѣва, отъ Кексгольма въ 20 верстахъ лежащую.

Какой странный былъ онъ человекъ! Ко всемъ другимъ недоуракамъ своимъ присовокуплялъ онъ удивительное хвастовство или, не просту сказать, безстыдную ложь. Мы ѣхали къ нему, и онъ увѣрялъ меня, что я увижу чудеса, замокъ на скалѣ, съ идущею внизъ мраморною лѣстницею прямо къ озеру и стоящему на немъ маленькому флоту изъ мачтовыхъ судовъ разныхъ величинъ. Онъ не подумалъ, что часа черезъ полтора, черезъ два, обманъ его долженъ мнѣ открыться. Мы подѣхали, и дѣйствительно тутъ были скала и озеро (земля Финновъ ими изобилуетъ); но на скалѣ, вмѣсто замка, стоялъ самый простой деревянный домъ, какіе внутри Россіи бывають у мелкопомѣстныхъ дворянъ; неправильно выдолбленныя въ гранитѣ ступени замѣняли выдуманную имъ лѣстницу, и двѣ рыбацкія лодки, затертая еще льдомъ, составляли его флотъ. Взглянувъ на это, я не утерпѣлъ, улыбаясь, замѣтить ему, что 1-е Апрѣля еще не наступило, а будетъ только завтра, и онъ ни мало не разсѣрдился. Хорошая хозяйка меня встрѣтила съ удовольствіемъ, хотя нѣсколько смутилась отъ неожиданнаго моего пріѣзда: ей совѣстно было кому-нибудь изъ Петербурга показать свое деревенское житье. Однакоже ея попеченіямъ остался я обязанъ за тощій ужинъ и опрятную постель, которые мнѣ дали. Самъ же хозяинъ чрезвычайно торопилъ меня ѣхать, чтобы мнѣ поспѣть къ свѣтлому празднику въ назначенное мнѣ мѣсто, до котораго оставалось еще 150 верстъ. Чтобы не дать мнѣ у себя обѣдать, онъ безъ всякаго дѣла провелъ то утро въ Кексгольмѣ и рано на другой день отпустилъ меня безъ чаю.

„ Названія Кошѣвской мызы я теперь не знаю; только помню, что она одаживалась на ярви или на ладсѣ. Изъ нея путешествіе было для меня не совсѣмъ веселое: я могъ на каждой станціи быть оста-

новленъ. Къ счастью, въ этомъ заходустѣ ни на одной не было смотрителя, и нигдѣ не спрашивали у меня подорожной, которой у меня не было. Ужасы дикой природы могли бы лѣтомъ быть очаровательны, а зимой я не прельщался ими даже среди Алтайскихъ горъ; ѣхалъ я не шибко, ибо мѣстами санный путь прерывался, и я тащился по обнаженнымъ уже камнямъ; наконецъ, что всего досаднѣе, цѣлые сутки я голодалъ, ничего не находя, кромѣ черстваго ржанаго съ мякиной хлѣба, и послѣдній день поста былъ осужденъ на самый строгій постъ. Ночью сдѣлалось очень холодно; морозу, я думаю, было градусовъ пять или шесть; закрытый въ повозкѣ, я вдругъ услышалъ вопли. Пойга, какъ зовутъ Чухонскихъ мальчиковъ, который везъ меня, плохо одѣтый, весь оборванный, рыдалъ и плакалъ; высунувшись, мы съ человѣкомъ моимъ спросили: о чемъ? Бѣдняжка, весь ооченѣвъ, не могъ и на своемъ языкѣ намъ отвѣчать и уже не держалъ возжей. Слуга мой предложилъ сѣсть на его мѣсто и на волю Божию править лошадыми, а его положить въ повозку и прикрыть бывшимъ со мною заячьимъ одѣяломъ. Это было около полуночи или за полночь. Вотъ положеніе, подумалъ я, когда добрые люди, православные христіане, стоятъ у заутрени, молятся и радостно внимаютъ восклицанію Христосъ воскресъ, я не знаю даже, не потерялъ ли дороги и не пропаду ли среди незнакомыхъ мнѣ мѣстъ. Однакоже Богъ помогъ, и мы пріѣхали на станцію, на которой и сдали мальчишку съ отмороженными пальцами на одной ногѣ; а часу въ десятомъ утра и въ самый городъ Нейшлотъ, гдѣ находился штабъ бригады и полка моего зятя.

Онъ меня совсѣмъ не ожидалъ, и отъ того пріѣздъ мой въ такой день, въ такой пустынь, его съ женой еще болѣе обрадовалъ. Я самъ на нѣсколько минутъ позабылъ свой голодъ, но потомъ съ необыкновеннымъ рвеніемъ приступилъ къ куличу, къ пасхѣ и къ крутымъ яйцамъ. Долго я не хотѣлъ оставаться; но родные просятъ, сегодня да завтра, постой да погоди, такъ что я пробылъ тутъ до 15 Апрѣля, слѣдовательно болѣе чѣмъ достаточно имѣлъ времени узнать все Нейшлотское общество; да узнать-то было почти нечего.

Два Нѣмецкія семейства, Брамбургъ и Шаренбургъ, не знаю какъ туда попавшихъ, да третье Финское Тавасть, составляли это общество. Послѣднія два жили больно скромно, а первый г. Брамбургъ почитался роскошнымъ человѣкомъ, мотомъ. Судя по вечеринкѣ, которую онъ далъ намъ на мызѣ своей, въ двухъ верстахъ отъ города, можно было полагать, что проматывать ему нечего. Былъ также въ крѣпости Русскій комендантъ, подполковникъ Лопотевъ, со своею комендантшей, прекуріозно-забавною женщиной, дочерью какого-то генералъ-майора Горемыкина, о чемъ она безпрестанно твердила. Примѣчательнѣйшее

же лицо былъ бургомистръ или ратманъ, Русскій купецъ Илья Родіоновъ, который славно выучился по-шведски и по-фински, для котораго, кажется, нарочно придумано названіе продувной и который тамъ весьма ворочалъ. Такіе люди, если умѣть ихъ употребить, довершаютъ завоеваніе края, начатое оружіемъ. Вообще же у всѣхъ Русскихъ и не-Русскихъ видны были чистота и бѣдность.

Одинъ весьма небогатый человѣкъ жилъ между ними царькомъ, это Алексѣевъ; но онъ былъ хлѣбосоль, былъ Русскій генералъ съ Русскими привычками. На его частые и сытные обѣды, хотя немногочисленные по тѣснотѣ дома, приходилъ попеременно откармливаться весь этотъ голодный народъ: изъ кушанья, сколько бы его ни было, ничего не оставалось, ниже крохи хлѣба. Дивясь чрезвычайъ почтительному его обхожденію съ пасторомъ и важности, съ которою сей послѣдній принималъ ото всѣхъ привѣтствія, я спросилъ его о причинѣ. «Что дѣлать, братецъ? отвѣчалъ онъ мнѣ, я люблю хорошо поѣсть, а эти провлятые Чухонцы безъ его приказанія за мои же деньги ничего не смѣютъ мнѣ отпустить; по его милости я всегда сытъ». Надъ низшимъ сословіемъ, надъ мужиками имѣлъ онъ ту же моральную власть, которую Родіоновъ имѣлъ тутъ надъ высшимъ.

Какъ ни малъ былъ городокъ Нейшлотъ, но въ немъ находился тогда танцевальный клубъ, помѣщавшійся въ невысокомъ и весьма обширномъ домѣ. Въ продолженіи двухнедѣльнаго моего тамъ пребыванія, семь разъ я видѣлъ танцы: два раза въ клубъ, четыре раза у зятя моего и одинъ разъ у Брамбурга. Тамъ гдѣ есть Нѣмцы, кавалерійскіе офицеры и полковая музыка, и нѣтъ большихъ прихотей, тамъ сострапать балъ дѣло весьма нетрудное. Только странно, что между танцующими дѣвками и молодыми женщинами не находилъ я ни одного путнаго лица; отъ того-то еще прелесть казалась жена полковаго командира Митавскаго драгунскаго полка Родіона Федоровича Гернгросса, Анна Федоровна, урожденная фонъ-Брадде. Она была великая мучительница, ибо была прекрасна, привлекательна, привлекающая и недоступна.

Одна улица, не слишкомъ длинная, выстроенная на продолговатой скалѣ, составляетъ весь городъ Нейшлотъ. Крѣпость, коей стѣны выложены камнемъ, построена на каменистомъ острову большаго озера Соймы, величиною уступающаго одному только Ладожскому, ему сосѣднему озеру. Посредствомъ небольшого моста, чрезъ узкій проливъ, крѣпость соединяется съ городомъ. Отъ бездѣлья, мнѣ часто случалось гулять по крѣпостному валу и глядѣть на необозримое водное пространство, не оживляемое ни одною ладьей, и это зрѣлище, даже освѣщаемое яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, всегда наводило на меня ужасную

тоску. Мнѣ сказывали, что крѣпость эта нынѣ упразднена; она прежде находилась на самой Шведской границѣ, но года за полтора до этого граница была уже отодвинута на восемьсотъ верстъ.

Воротиться по той дорогѣ, по которой я пріѣхалъ, сдѣлалось невозможно. Мнѣ оставалось одно средство—ѣхать небольшими озерами, еще покрытыми крѣпкимъ льдомъ, по другой дорогѣ, сдѣлавъ небольшой крюкъ. Итакъ, взявъ подорожную на имя моего служителя, я отправился въ обратный путь. Далѣе маленькаго города Вильманштранда сей удобною ѣздой я пользоваться не могъ, но все-таки нѣкоторое время могъ ѣхать на полозьяхъ. Извѣстно, что въ Финляндіи употребляютъ большіе треугольники для разчистки и углаживанія зимнихъ дорогъ; они, раздвоя снѣгъ и отбрасывая его по обѣимъ сторонамъ, наконецъ образуютъ изъ него двѣ высокія стѣны, между которыми ѣдешь какъ въ ящикѣ. Когда наступитъ весна, то безпрестанно слышимый съ дороги снѣгъ скоро на ней исчезаетъ, и ящикъ, наполняясь водой, превращается въ канаву. Это нашель я; но, на счастье мое, въ вечеру сдѣлался изрядный морозъ, отъ котораго поверхность снѣжной стѣны окрѣпла и оледенѣла, и по этой гладкой равнинѣ всю ночь быстро проскакалъ я до самаго губернскаго города Выборга.

Мнѣ хотѣлось на него хорошенько взглянуть, и для того на почтовомъ дворѣ часа на два остановился я въ немъ. Наружность его мнѣ довольно понравилась; я могъ почитать себя въ одномъ изъ Петербургскихъ предмѣстій, тѣмъ болѣе, что на улицахъ встрѣчалъ я почти одинъ Русскій народъ и слышалъ одинъ Русскій языкъ. Также какъ и въ Нейшлотѣ, во всѣхъ другихъ малыхъ городахъ Старой Финляндіи, Кареліи или Саволакса, всѣ главные лица отъ купеческихъ и мѣщанскихъ выборовъ были изъ Русскихъ. Оно иначе быть не могло: на столь близкомъ разстояніи отъ первенствующаго града царства Русскаго, его побѣдоносные жители, въ продолженіи почти цѣлаго столѣтія, должны были въ семь краю заступитъ мѣсто удалившихся Шведовъ и взять верхъ надъ слабыми Финнами и Карелами, его населяющими. Удержусь на этотъ разъ отъ горькихъ и досадныхъ размышленій, возбуждаемыхъ во мнѣ воспоминаніемъ о добровольномъ отчужденіи сего края отъ Россіи, скоро придется мнѣ о томъ говорить.

Въ Выборгѣ *) долженъ былъ я уже сѣсть въ Чухонскую одну колесу, короткій ящикъ на двухъ довольно высокыхъ колесахъ. Осталось мнѣ еще 132 версты, и всякій шагъ впередъ къ Петербургу было все менѣе снѣга. Эта ѣзда мнѣ показалась гораздо спокойнѣе;

*) То чѣмъ этотъ городъ славится, его знаменитые Выборгскіе крендели, какъ я въ томъ удостоверялся, суть изобрѣтеніе одного бывшаго тамъ Русскаго булочника.

чѣмъ на нашихъ перекладныхъ: я долженъ былъ сидѣть на корточкахъ, согнутый вдвое. Утомившись, измучившись, ночью на какой-то станціи рѣшился я остановиться, чтобы нѣсколько часиковъ отдохнуть. На другой день, 18 Апрѣля, рано по утру, былъ уже я на берегу Невы, черезъ которую мосты еще не были наведены, хотя уже шесть дней до того она очистилась отъ льду. Итакъ, я перешелъ на вѣхъ лодкѣ прямо къ моему болоту, то-есть къ Болотниковскому дому.

Вся эта моя Финляндская экспедиція показываетъ много безрассудности, много легкомыслія, но вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, что молодость моя не совсѣмъ еще исчезла. Главная во всемъ этомъ дѣль ошибка была—напрасная трата денегъ, и я долженъ былъ востуживать ея послѣдствія. Еще въ началѣ Апрѣля по моему расчету долженъ былъ я получить слѣдующія мнѣ отъ родителей деньги; я ходилъ справляться на почту, повѣстки не было, и приближался срокъ уплаты за квартиру неумолимому, жестокому Болотникову. Кое у кого перехватилъ десятки рублей, расплатился съ хозяиномъ, но затѣмъ остался почти безъ гроша. Надобно же случиться такой бѣдѣ! У пріятелей моихъ кошелекъ въ это время былъ почти также пустъ, какъ и мой, и занять было не у кого; знакомые, къ которымъ за просто могъ ходить обѣдать, были нездоровы или въ отлучкѣ, нухарѣи должны были отказать и довольствоваться пищею моего слуги; совершенная нищета угрожала мнѣ. А по безопасности, все-таки дѣйствию юныхъ лѣтъ, видѣлъ я болѣе смѣшную, чѣмъ ужасную сторону моего положенія, въ которомъ первый разъ въ жизни, впрочемъ, я находился.

Наступилъ памятный мнѣ, страшный день, 29 Апрѣля. Слуга пришелъ мнѣ сказать, что онъ въ послѣдній разъ наполнилъ меня чаемъ, который весь вышелъ, что онъ самъ не знаетъ чѣмъ этотъ день прокормится, что ложки и часть посуды заложены, и что въ давочки копѣйки болѣе вѣрить не хотятъ. Стоически до того переносивъ бѣдствіе, я тутъ пришелъ въ совершенное отчаяніе. Я не зналъ что начать; одѣлся и хотѣлъ идти со двора, чтобы дородой придумать, какъ пособить горю. Но лишь только спустился съ лѣстницы, какъ встрѣтилъ какого-то отставнаго унтеръ-офицера, присяжнаго или сторожа, въ сюртукѣ съ галуномъ и съ огромнымъ ии-фоліо подъ мышкою, который спросилъ у меня, тутъ ли я живу? «Это я, что тебѣ отъ меня надобно, любезный?» отвѣчалъ я. Расписаться въ этой книгѣ, былъ его отвѣтъ. Въ замѣшательствѣ, въ смущеніи, въ которомъ я находился, мнѣ показалося, что на меня падаетъ какое-то казенное высказаніе; не знаю что сказалъ я унтеръ-офицеру, только онъ отвѣчалъ мнѣ: «да нѣтъ, ваше высокоблагородіе, это вамъ деньги, извольте ихъ впередъ получить, а потомъ распишитесь».

Что же вышло? Чиновники, отряженные въ банкъ для подписыванія ассигнацій. вопіяли, что работаютъ безъ всякаго возмездія, и министръ финансовъ согласился, наконецъ, не назначая имъ жалованья, выдать трудящимся и трудившимся за прежнее время по сту рублей на мѣсяць; такимъ образомъ и на мою долю досталось слишкомъ чепыреста. Какъ съ неба онѣ мнѣ упали. Нѣтъ, утопающій, котораго вытащили изъ воды, не можетъ ощутить той радости, которую я чувствовалъ! Въ тотъ же день, разумѣется, явились опять чай и кухарка, а на другой день получилъ я и повѣстку съ почты.

Вскорѣ послѣ этого, случилось у меня другое, небольшое домашнее безпокойство. Разъ, въ мое отсутствіе изъ дому, слуга мой и кухарка по какой-то надобности пошли со двора, и первый, на случай моего возвращенія, оставилъ ключъ отъ комнатъ моихъ одному изъ слугъ Болотникова, живущему на одной со мною лѣстницѣ. Когда я воротился домой прежде моего Василья, то этотъ человѣкъ отперъ мнѣ двери, но ключа отдать мнѣ не хотѣлъ, утверждая, что онъ похищенъ изъ комнатъ его господина, хотя я и увѣрялъ его, что онъ болѣе шести мѣсяцевъ находится у меня въ рукахъ. Совсѣмъ незабавно было думать, что посторонніе люди безъ меня, когда захотятъ, могутъ безвозбранно входить въ мое жилище.

Утромъ на другой день пошелъ я жаловаться г. Болотникову. Выслушавъ меня со всею важностію судьбы, онъ приказалъ позвать своего лакея; я думалъ за тѣмъ, чтобъ его побранить и велѣть отдать мнѣ отнятое. Ни мало: онъ потребовалъ отъ него объясненій противъ обвиненія моего. Смѣшно и досадно было мнѣ слушать, особенно когда онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, что имѣю я противъ этого сказать? Ничего, отвѣчалъ я: дѣло самое простое, вы можете мнѣ вѣрить или слугѣ вашему, съ которымъ, признаюсь, никакъ не ожидалъ тягаться и стоять на одной доскѣ. Строго взглянувъ на меня, онъ отвѣчалъ, что во всемъ любить справедливость и никогда односторонне не судить, и что я долженъ передъ нимъ не забываться. На это возразилъ я, что въ настоящемъ случаѣ имѣю дѣло не съ сенаторомъ, а съ хозяиномъ дома, и что еслибы слѣдовать справедливости, то я имѣлъ бы право на него просить полицію; но для скорѣйшаго прекращенія предпочитаю оставить домъ его, въ полномъ смыслѣ, такъ чтобы нога моя никогда въ немъ не бывала. Онъ затрясся отъ досады, грозно посмотрѣлъ на меня, но ни слова не молвилъ, а я съ поклонномъ вышелъ. И эта дубина, нѣсколько лѣтъ спустя, болѣе года временно управляла Министерствомъ Юстиціи и, наконецъ, засѣла въ Государственномъ Совѣтѣ!

Я приказалъ слугѣ моему немедленно отправиться искать мнѣ квартиру, какую бы то ни было и гдѣ бы то ни было, туда перенести мои пожитки и только адресъ ея оставить дворнику, а самъ пошелъ по городу шататься. День былъ прекрасный, какіе изрѣдка бывають въ Петербургѣ весною; я загулялся и когда уже смерклось пришелъ справиться о новомъ своемъ жилищѣ. Адресъ былъ сдѣланъ очень глупо, выставлено названіе части, квартала и номеръ дома, а не означена ни улица, ни прозваніе владѣльца. Днемъ отыскать было легко, а ночью весьма затруднительно: однимъ словомъ, около часу не зналъ я, гдѣ живу и чуть было не принужденъ былъ ночевать на улицѣ.

Служитель мой исполнилъ приказаніе мое въ точности, отыскалъ мнѣ квартиру *какую-нибудь*: она находилась въ самомъ верхнемъ жилищѣ, на весьма узкомъ проходномъ дворѣ между Милліонной и Мойкой, куда никогда солнце не заглядывало и гдѣ жили всякаго рода люди. Это было одно изъ тѣхъ жилищъ, кою, по примѣру Эжена-Сю въ *Таинствахъ Парижа*, сочинители романовъ нынѣ такъ любятъ описывать, одно изъ убѣжищъ, знакомыхъ или пороку или крайней бѣдности и милосердію, приносящему ей утѣшеніе и помощь. Первый, который открылъ меня въ моей трущобѣ, былъ Блудовъ, и нашелъ, что я живу не en petite maîtresse. Я объяснилъ ему причину моего внезапнаго перемѣщенія, прибавивъ, что не знаю куда бы не бѣжалъ, чтобъ избавиться отъ Болотникова. Тотъ же день собирался я самъ искать новую квартиру; но Блудовъ меня уговорилъ покамѣсть тутъ остаться, ибо на Петербургской Сторонѣ, близъ Аптекарскаго острова, нанялъ онъ на все лѣто большой домъ г. Фока съ преобладающимъ садомъ и предложилъ мнѣ сожительствовать съ нимъ на этой полулучѣ. На такое предложеніе кто бы не согласился на моемъ мѣстѣ, и дня черезъ три перешелъ я отъ зловонія къ благоарастворенному воздуху, въ наипрекраснѣйшую Майскую погоду.

Такимъ образомъ прошла для меня первая треть 1811 года, которая, равно какъ и глава эта, вся наполнена была двумя Алексѣями: Болотниковымъ и Копіевымъ. Съ первымъ хотя иногда и встрѣчался, но къ счастію ни дѣлъ, ни даже никакихъ сношеній съ нимъ болѣе въ жизни не имѣлъ.

ХІІ.

Предчувствуя, предвидя общую для насъ войну съ Западомъ, весь Петербургъ въ 1811 году нетерпѣливо желалъ скорѣйшаго окончанія частной войны нашей съ Турками. Никто уже не мечталъ о томъ, чтобы нашъ молодой полководецъ, по примѣру и по слѣдамъ Олега, прибилъ Русскій щигъ ко вратамъ Цареграда; но всѣ были увѣрены, что графъ Каменскій, хорошо познакомившись съ мѣстностями Заду-

найскими, будетъ умѣть въ слѣдующую кампанію нанести непріятельскому войску столь сильныя удары, что принудить Турокъ къ выгодному для насъ миру, какъ вдругъ, въ концѣ Февраля, получено было извѣстіе, что сей, съ небольшимъ тридцатилѣтній воинъ лежитъ въ Бухарестѣ на смертномъ одрѣ.

Кому было вмѣсто его поручить армію? Въ это время вопросъ сей былъ довольно затруднителенъ. Искусный старикъ, Михаилъ Ларионовичъ Кутузовъ, лучше другихъ зналъ Турецкую войну: во время первой при Екатеринѣ въ 1770 годахъ, когда былъ онъ еще молодъ, и въ продолженіе послѣдней, когда былъ онъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, безпрестанно отличался онъ подъ начальствомъ Румянцова, Потемкина и Суворова и, наконецъ, по заключеніи послѣдняго мира, находился чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь. Но онъ былъ разобиженъ; послѣ не имъ проиграннаго Аустерлицкаго дѣла, онъ, въ званіи военнаго губернатора, отправленъ былъ въ Кіевъ, почти какъ въ ссылку; оттуда былъ онъ вызванъ для второстепенной роли дядьки при впадающемъ во младенчество главнокомандующемъ Прозоровскомъ, который его ни въ чемъ не слушался, съ нимъ ссорился и которому онъ былъ пожертвованъ, отозванъ и замѣненъ Багратиономъ. Однако же знали его честолюбіе, и онъ охотно согласился принять начальство надъ Молдавскою арміей, къ которой послѣшно и отправился.

Онъ нашелъ молодаго предѣстника своего распостертаго, безгласна, бездыханна, окружилъ его самыми нѣжнѣйшими попеченіями (старикъ былъ самый привлекательный, когда хотѣлъ), и какъ скоро въ южномъ краю наступило теплое время, съ бережливостію отправилъ его въ Одессу, въ сопровожденіи адъютантовъ его и медиковъ. Я говорилъ уже о причинахъ разстройства его здоровья; но дѣйствія ихъ не могли развиваться съ такою быстротой, тѣмъ болѣе что всю зиму чувствовалъ онъ себя совершенно здоровымъ. Послѣ вѣчера, проведеннаго у жены одного Грека, консула не помню какой державы, на которомъ выпилъ онъ стаканъ лимонаду, приключилась съ нимъ сія скоропостижная болѣзнь, и подозрѣнія въ отравѣ были единогласны. Ненависть всегда охотно взводитъ клевету на враговъ; многіе увѣрены были, что сіе сдѣлано по наущенію генерала Себастіани, бывшаго Французскимъ посланникомъ въ Константинополь. Это не стоить опроверженія; ибо гдѣ примѣры, чтобы Наполеонъ пытался чрезъ довѣренныхъ своихъ изводить сильныхъ и опасныхъ противниковъ, которыхъ такъ много было на свѣтѣ? Скорѣе въ этомъ видно нѣчто Византійское, Фанаріотское. По прибытіи въ Одессу онъ прожилъ недолго; онъ таялъ какъ воскъ и, говорятъ, что какъ воскъ были мягки его кости, когда, послѣ кончины его, около половины Мая, вскрывали его тѣло Его смерть

можно было сравнить съ кончиной другаго Русскаго молодого героя, князя Скопина-Шуйскаго; но о семъ послѣднемъ никто тогда не вѣдалъ у насъ. Мы жили вмѣстѣ съ Блудовымъ почти за городомъ, когда получено сіе извѣстіе, которое хотя и было всѣдневно ожидаемо, но со всѣмъ тѣмъ крайне его печалило. Потеря друга-начальника и, можетъ-быть, скоро родственника и для равнодушнаго человѣка была бы чувствительна. Тогда между благовоспитанными Русскими все еще существовала мода писать Французскіе стихи, и онъ, въ подраженіе надписи къ портрету Паскаля, сдѣлалъ ей подобную къ изображенію графа Каменскаго. Я помню только послѣдніе три стиха:

...Balança vous Dantzig les destins de la France,
Enchaina la Finlande et fit trembler Byzance.
Admirez et pleurez: il mourut à trente ans.

Третій разъ въ продолженіи этой войны Русская армія перешла черезъ Дунай. Она была подъ предводительствомъ опытнаго полководца; всѣ крѣпости, затруднявшія начало кампаніи, были въ нашихъ рукахъ, а со всѣмъ тѣмъ войско, уменьшенное на половину и не видя начальниковъ своихъ, одушевленныхъ блестящими надеждами предыдущаго похода, лишалось бодрости и нравственной силы. Однакоже все исполняло свой долгъ, и въ половинѣ Іюня Кутузовъ одержалъ немаловажную побѣду надъ собравшеюся довольно многочисленною Турецкою арміей. Потомъ все лѣто въ частыхъ встрѣчахъ съ непріятелемъ Русскіе всегда брали верхъ, и за каждымъ успѣхомъ послѣдовало предложеніе о мирѣ, который одинъ былъ только цѣлю желаній правительства и войска. Главнымъ его условіемъ все-таки оставались Молдавія и Валахія, столько разъ нами занимаемая, которыя полтора лѣта, какъ кладъ, намъ не даются.

Осенью узнали, что Наполеонъ веренесъ Францію за Эльбу и съ гранью поставилъ Любекъ на Балтійскомъ морѣ, и такимъ образомъ захватилъ не только Ганзаатическіе города, но и владѣнія герцога Ольденбургскаго, Россіи преданнаго и многими родственными узами съ императорскимъ домомъ связаннаго. Тогда не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ намѣреній всемірнаго завоевателя, быстро къ намъ приближавшагося, никакичъ надеждъ не только на продолженіе съ нимъ мира, но и на кратковременную отсрочку войны. Мы съ Турками сдѣлались уступчивѣе, сбавили спѣси и, вмѣсто двухъ большихъ княжествъ, стали ограничиваться рѣкою Прутомъ и узкою Бессарабіей, мнѣ послѣ столько знакомою. Съ этимъ дѣломъ скорѣе можно было поладить; прошелъ даже слухъ, что Кутузовъ, столько же дипломатъ, какъ и воинъ, успѣлъ уже подписать о томъ и трактатъ,

и Маринъ, болѣе царедворецъ, чѣмъ поэтъ и воинъ, успѣлъ уже на этотъ случай написать стихи, въ которые вклеилъ каламбуръ, что старикъ наказалъ мусульманъ *и мечемъ, и Прутомъ*. Ожиданія не сбылись: хотя трактатъ и дѣйствительно былъ подписанъ, но стараніями Французскаго посольства въ Константинополь не былъ ратификованъ, и всю зиму на этотъ счетъ остались мы въ безпокойномъ состояніи.

Я говорю все *мы*, разумѣя подъ этимъ болѣешую часть жителей Петербурга, а внутри Россіи только тѣхъ людей, кои, одарены будучи разумомъ и чувствомъ, имѣли довольно просвѣщенія, чтобы видѣть опасность, грозящую ихъ отечеству и скорбѣть о томъ. Число безчувственныхъ невѣждъ, разумѣется, было всотеро больше, и они, какъ говорится о мужикахъ, тогда только перекрестились, когда громъ грянулъ надъ ними.

Мнѣ хотѣлось имъ уподобиться и по крайней мѣрѣ въ продолженіи этого прекраснаго лѣта вести жизнь беззаботной твари. Я старался ничего не дѣлать, какъ только пить, ѣсть, спать и разгуливать по дачамъ безъ всякихъ мыслей, и сначала мнѣ сіе удавалось. Вдругъ одно небесное явленіе смутило меня: показалась на горизонтѣ ужасная, великолѣпная, блестящая комета съ огромнымъ хвостомъ, которой подобной я во всю жизнь мою не видывалъ ни прежде, ни послѣ. Все лѣто, вплоть до осени, горѣла она на нашемъ небѣ и освѣщала мои вечернія и ночныя прогулки. Какъ простолюдинъ, вѣровалъ я въ сіе страшное знаменіе и въ мрачныхъ мысляхъ невольно сталъ переноситься въ будущее.

Одинъ случай, который можно было бы назвать пріятнымъ, еслибы причина его не была весьма незабавная, неожиданный для меня пріѣздъ моихъ родителей, еще болѣе нарушилъ то животное спокойствіе, которое въ это лѣто надѣялся я сохранять. Предупредивъ меня письмомъ только дня за два, прибыли они 24 Іюня. Непріятный процессъ, какіе впрочемъ всѣ они бываютъ, вызвалъ ихъ въ столицу.

Прежде нежели объясню я несправедливость, съ какою Сенатъ поступилъ противъ моей матери, да позволено мнѣ будетъ, чтобъ отдохнуть отъ тогдашняго грустнаго настоящаго, нынѣ пршедшаго, перенестись въ давно-прошедшее и приняться за рассказъ, которому не здѣсь мѣсто, а при самомъ началѣ сихъ Записокъ. Но подробности нѣкоторыхъ семейныхъ обстоятельствъ мнѣ не были извѣстны, когда я приступилъ къ сему труду: покойная родительница моя никогда не хотѣла ихъ мнѣ отгрызать, и только послѣ, одна девяностолѣтняя старуха, сохранившая твердо память, передала мнѣ слышанное отъ своей матери. Все нижеслѣдующее мой читатель можетъ пропустить; я писалъ болѣе для потомства моихъ братьевъ и сестеръ.

Когда при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1666 году, Пенза сдѣлана была городомъ, то первымъ въ нее воеводою посаженъ былъ мой пращуръ, Иванъ Кондратьевичъ Лебедевъ, мною уже упомянутый, человѣкъ великомоцный, богатый и щедрый. Въ шести верстахъ отъ города поселилъ онъ крестьянъ, построилъ имъ деревянную церковь и основалъ село Лебедевку, нынѣ принадлежащее моему племяннику. А потомъ въ самомъ городѣ, за рѣкою Пензой воздвигъ онъ на свой счетъ каменную церковь во имя Казанской Божіей Матери и черезъ рѣку построилъ мостъ, который доселѣ носить его фамильное имя, называется Лебедевскимъ; все это для того времени было очень важно. У него было два сына, между которыми, по его смерти, раздѣлилось его имущество: старшему, котораго не знаю какъ звали, отдалъ онъ вотчины свои близъ Казани, откуда онъ былъ родомъ; меньшому же Ивану (отъ кого мы приходимъ)—приобрѣтенныя имѣнія около Пензы, гдѣ онъ былъ пришельцемъ. Старшая отъ него отрасль сохранила, если еще не умножила, его богатство; меньшая не столько была счастлива. Въ проѣздъ мой черезъ Казань, зимою 1806 года, правнукъ его Евграфъ Алексѣевичъ Лебедевъ, внучатный братъ моей матери, принялъ меня не такъ какъ дальняго, а какъ близкаго родственника, и въ славномъ каменномъ домѣ своемъ радушно и роскошно угостилъ. Я о томъ забылъ упомянуть; но, право, всего вдругъ не припомнишь.

Прадѣдъ мой Иванъ Ивановичъ Лебедевъ, уже вдовый, умеръ довольно молодъ и оставилъ по себѣ единственнаго сына, осмилѣтнаго сироту, дѣда моего Петра Ивановича. Съ горестію надобно признаться, что Татарское иго на долго истребило между Русскими чувство справедливости и поселило между ними смѣлую, безстыдную наклонность къ похищенію чужой собственности. Богатому мальчику дана была опека, которая, безпрестанно грабя его, въ нѣсколько лѣтъ успѣла сдѣлать его почти нищимъ; и онъ, рѣшившись искать счастья въ службѣ, вступилъ простымъ рядовымъ въ гвардейскій Измайловскій полкъ. Тутъ начинается разсказъ моей старухи.

Въ это время въ Петербургѣ славился своею честностію, прямодушіемъ, любовію къ истинѣ генералъ-аншефъ Василій Ивановичъ Чулковъ, любимый императрицею Елисаветою Петровной и ею изъ простыхъ придворныхъ истопниковъ возведенный на знатную степень, котораго, можетъ быть, читатель мой помнить (по крайней мѣрѣ, я того желаю). Къ сему извѣстному защитнику отъ притѣсненій, для всѣхъ доступному вельможѣ, рѣшился прибѣгнуть робкій, обиженный дѣдъ мой. «Что тебѣ надобно?» спросилъ онъ его въ просительской прихожей; тотъ объяснился, какъ умѣлъ. «Да что за хорошенькій! Ну точно писанный мальчикъ!» сказалъ онъ, погладивъ ю голову и велѣлъ на

другой день въ назначенный часъ быть у себя, чтобы выслушать наединѣ.

Когда тотъ явился и обстоятельно разсказалъ ему свое горе, завязался между ними слѣдующій разговоръ. «Сколько тебѣ лѣтъ?»— «Восемнадцать».— «Хочешь ли жениться?»— «У меня о томъ и въ помышленіи не было».— «Ну а если я тебѣ сыщу хорошую невѣсту?» И вмѣстѣ съ этимъ велѣлъ вывести падчерицу свою, Марю Григорьевну Кривскую. Она была дѣвица лѣтъ тридцати, толстая, черная, рябая и, какъ сказывали (боюсь прогнѣвить ея тѣнь), ума болѣе чѣмъ ограниченаго. Обомлѣвъ мой бѣдный малый и съ простотою невинности отказалъ на отрѣзъ; предложенная удалилась. «Ну, такъ послушай же», сказалъ Чулковъ, «тебя никто не неволить; но знай, что если ты не согласишься, я въ дѣло твое не вступаю. И то всего имѣнія спасти не берусь, а только выручу тебѣ хорошій кусокъ хлѣба. Пораздумай хорошенько, и что придумаешь, приди мнѣ сказать». Ни живъ, ни мертвъ вышелъ несчастный. Такая грубость была тогда еще въ правахъ, что человѣкъ дѣйствительно-добрѣйшій, благонамѣреннѣйшій, не посовѣтился воспользоваться безнадежнымъ положеніемъ сироты, чтобы навязать ему свою падчерицу.

У жениха, кромѣ состоянія было все: онъ былъ совершенный красавецъ, миль, добръ и чрезвычайно уменъ; у невѣсты ничего, ни даже состоянія. Недѣли двѣ (говорить преданіе старухи) поплакалъ онъ, погрузился, помолился Богу и, видно, воля небесная положила ему на сердце принести себя въ жертву: его женили и возвратили ему часть его имѣнія (безъ этого вынужденнаго брака и меня не было бы на свѣтѣ). Таковъ Русскій человѣкъ: неволя его не убиваетъ, какъ людей другихъ націй, а напротивъ дѣлаетъ ко всему способнымъ; и онъ всегда готовъ покорить себѣ волю свою, а самъ покориться обстоятельствамъ. Женившись дѣдъ мой прожилъ всего только восемь лѣтъ и умеръ офицеромъ того же Измайловскаго полка. Трое дѣтей были плодомъ сего союза, въ послѣдствіи довольно счастливаго: дочь Елисавета, семью годами старѣе моей матери, бывшая въ замужествѣ за надворнымъ совѣтникомъ Сергѣемъ Семеновичемъ Тухачевскимъ, сынъ Илья, умершій въ малолѣтствѣ, и наконецъ, меньшая дочь, мать моя, Мавра, родившаяся три недѣли послѣ кончины отца своего.

Моя бабуа, которой такъ трудно было сыскать перваго мужа, легко нашла втораго. Въ семь второмъ бракѣ съ Иваномъ Львовичемъ Трескинымъ прожила она недолго и умерла, оставивъ ему двухъ малолѣтнихъ дѣтей, сына Петра, всегда остававшагося холостымъ, и дочь Надежду, вышедшую послѣ за одного господина Тютчева. Законная седьмая часть, во вдовствѣ полученная ею изъ Лебедевскаго имѣ-

ніа, разумѣется досталася сыну, за исключеніемъ трехъ мелкихъ дробей дочерямъ. Вотчимъ Трескинъ успѣлъ склонить своихъ падчерицъ (моихъ—тетку и мать), еще несовершеннолѣтнихъ, къ подписанію отреченія отъ мелкихъ дробей своихъ въ пользу брата. Прошли десятки лѣтъ, и когда сей братъ, Петръ Ивановичъ Трескинъ, скончался бездѣтенъ, то имѣніе, полученное имъ отъ матери, раздѣлилось между ея тремя дочерьми. Младшей, Надеждѣ Ивановны Тютчевой, уже не было на свѣтѣ, и ея мѣсто заступалъ малолѣтній сынъ.

Вступивъ въ совершеннолѣтіе, онъ сталъ жаловаться на несправедливость дѣлежа, утверждая, что тетки его, отреченіемъ отъ слѣдующихъ имъ послѣ матери долей, отказались и отъ правъ на всякое послѣ нея наслѣдство. По неясности законовъ, всякое у насъ неосновательное притязаніе служило доселѣ предлогомъ къ тяжбѣ; уѣздный судъ и гражданская палата присудили въ нашу пользу, и дѣло по апелляціи поступило въ Сенатъ. Московскіе его департаменты, не находясь подъ близкимъ надзоромъ Министерства Юстиціи, всегда извѣстны были лѣнностію, безпечностію или пристрастіемъ сенаторовъ, лихоимствомъ оберъ-секретарей и секретарей. Одинъ изъ сихъ послѣднихъ Шлыковъ, въ вѣдомостяхъ вызывая тяжущихся, поставилъ будто по ошибкѣ, титулярную совѣтницу Марью Васильеву, вмѣсто тайной совѣтницы Мавры Вигелевой, дабы тѣмъ устранить съ нашей стороны ходженіе по дѣлу. Какъ бы то ни было, оно нами проиграно въ Сенатѣ. Престарѣлаго отца моего взволновало такое мошенничество, и вслѣдствіе его столь явная несправедливость (какъ будто онъ не цѣлый вѣкъ прожилъ въ Россіи!), и онъ рѣшился ѣхать въ Петербургъ, съ намѣреніемъ, не довѣряя никому, самому хлопотать чрезъ Коммисію Прошеній о высочайшемъ повелѣніи пересмотрѣть дѣло въ общемъ собраніи департаментовъ *).

Живши почти на дачѣ, я не иначе какъ на другой день послѣ пріѣзда моихъ родителей могъ узнать о немъ и съ того дни, разумѣется, находился на безсмѣнномъ дежурствѣ при нихъ, ночевалъ же у Блудова; но только рѣдко, послѣ обѣда, могъ отлучаться домой.

Я содрогнулся, когда, послѣ годовой разлуки, въ первый разъ я увидѣлъ отца моего; мнѣ казалось, что не его самого, а только его тѣнь я вижу передъ собою. Хотя, конечно, былъ уже ему семьдесятъ второй годъ отъ роду, но не съ большимъ за годъ передъ тѣмъ былъ

---

*) Согласно его желанію, дѣло было разсматриваемо какъ въ общемъ собраніи Сената, такъ и въ Государственномъ Совѣтѣ; но онъ не имѣлъ горести видѣть рѣшенія обоихъ сихъ главныхъ судилищъ. Безъ особыхъ побужденій рѣдко случается, чтобы въ нихъ внимательно обсуживали рѣшенія Сената. Окончательно мы вездѣ проиграли.

онъ еще довольно свѣжъ и бодръ, а потомъ въ столь короткое время совершенно рухнулъ. Горести долго подкапывали и, наконецъ, сломили эту твердую натуру. Обидная отставка безъ вины, обвиненія и просьбы, потеря любимой невѣстки, а вскорѣ послѣ нея одного изъ сыновей, неудачное служеніе оставшихся, долги, опасное состояніе отечества, самая жизнь въ провинціи, гдѣ онъ прежде начальствовалъ и сошелъ на степень небогатаго помѣщика, наконецъ этотъ глупый процессъ, все соединилось, чтобы убивать его безотрадную старость; надежда ни откуда ему не свѣтила. Онъ все былъ на ногахъ, съ самаго утра до вечера одѣтъ съ головы до ногъ; у него была не болѣзнь, а разслабленіе всѣхъ нравственныхъ и физическихъ силъ, совершенное ихъ разрушеніе. Нервная система до того поражена была въ немъ, что онъ сдѣлался раздражителемъ, нетерпѣливъ, какъ ребенокъ. Увы! Чтò стало съ этимъ человѣкомъ! Охъ, какъ тяжело и жалко было смотрѣть на него. Чего не дѣлали мы съ матерью и съ прибывшею изъ Финляндіи для свиданія съ нимъ сестрою, чтобы какънибудь его развеселить, развлечь, ободрить! Усилія наши почти всегда оставались тщетны.

Я вообразилъ себѣ, что шумъ, многолюдство, блескъ праздника могутъ сколько-нибудь оживить, такъ сказать, гальванизовать сіе гаснущее, дорогое мнѣ существо. Приближался день именинъ императрицы Маріи Феодоровны, 22 Іюля, въ который ежегодно бывалъ въ Петергофѣ всенародный праздникъ; я сталъ уговаривать его туда поѣхать и не безъ труда могъ получить на то согласіе. Чтобы не утомить его въ одинъ день болѣе чѣмъ пятидесятиверстнымъ путешествіемъ взадъ и впередъ, мы приготовили ему въ Стрѣльнѣ, на квартирѣ конногвардейскихъ офицеровъ, двухъ братьевъ Беклемишевыхъ (племянниковъ зятя Алексѣева), удобный и покойный ночлеги, и наканунѣ праздника туда отправились; на другой день только послѣ обѣда мы были въ Петергофѣ. И чтò же? Все его сердило. Зачѣмъ тянется эта несносная, безконечная цѣпь экипажей? Зачѣмъ толпы народа такъ весело спѣвать на праздникъ? Зачѣмъ такое безчисленное множество огней? Это скорѣе похоже на пожаръ, чѣмъ на иллюминацію. И хотъ бы, по крайней мѣрѣ, былъ гнѣвъ, досада, пусть бы брань; а то все неудовольствіе — какой-то брюзгливый, невнятный ропотъ. Мы были при немъ безотлучно, какъ три няньки; на насъ совсѣмъ были нерастостныя лица, и куда какъ не веселъ былъ намъ этотъ вечеръ! Переночевавъ опять въ Стрѣльнѣ, на другой день воротились мы въ городъ.

Желаніе его исполнилось: дѣло съ Тютчевымъ велѣно пересмотрѣть въ общемъ собраніи Московскихъ департаментовъ Сената, и онъ, нѣсколько успокоенный, началъ собираться въ обратный путь. Въ пер-

выхъ числахъ Августа проводилъ я моихъ родителей до Средней Рогатки, что нынѣ называется Четыре Руки; прощаясь съ ними и чувствуя, что съ отцомъ расстаюсь на вѣки, не могъ я удержаться отъ слезъ, и это скорѣе огорчило его, чѣмъ тронуло. Возвратясь къ себѣ на Петербургскую Сторону, началъ я жить не веселѣе, но нѣсколько покойнѣе, въ обществѣ постоянного утѣшителя, скорого помощника моего Блудова. Черезъ мѣсяць надобно было подумать о переселеніи опять въ центръ города.

XIII.

Осень стояла сначала столь же ясная, тихая и жаркая, какъ лѣто; многіе приписывали это дѣйствию кометы, которая все продолжала еще бѣдой сверкать намъ въ очи. Эта осень замѣчательна была двумя событіями въ столицѣ: окончаніемъ и освященіемъ Казанскаго собора и основаніемъ Царскосельскаго Лицея.

Вообще цари, и особенно самодержавные, любятъ оставлять потомству огромные памятники своего царствованія; и замѣчательно, что чѣмъ болѣе народъ былъ угнетенъ, униженъ, тѣмъ выше они воздымались: доказательствомъ тому служатъ въ преданіяхъ существующій Вавилонъ, пирамиды, Коллизей и все Египетское и Римское гигантское зодчество (Греческія произведенія въ семь родъ болѣе отличаются граціей и совершенствомъ формъ). Когда императоръ Павелъ окончилъ свой по мнѣнію его чудо-дворецъ, что нынѣ Михайловскій или Инженерный замокъ, и на короткое время поселился въ семь сооруженномъ себѣ храмѣ, то задумалъ воздвигнуть другой храмъ и Божеству, и незадолго передъ смертію своею заложилъ новый Казанскій соборъ. Старый, даже при Елисаветѣ, стоялъ почти на краю нераспространившагося еще города, надъ мутнымъ ручьемъ, называемымъ Черною рѣчкой, что нынѣ вычищенный, но все-таки грязный Екатерининскій каналъ. Подобно нѣкоторымъ, находящимся донныѣ въ Петербургѣ церквамъ, былъ онъ ничто иное какъ продолговатый, просторный каменный сарай съ довольно-высокимъ деревяннымъ куполомъ; позади его находилось обширное мѣсто, избранное для помѣщенія его великаго преемника.

Великимъ строителемъ новаго храма назначенъ былъ графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ. Онъ всегда былъ покровитель художниковъ и любитель художествъ, не знаю до какой степени въ нихъ свѣдующій; съ иностраннымъ воспитаніемъ и вкусами сочетая Русскіе навыки и хлѣбосольство, жилъ онъ барски, по Воскресеньямъ угощалъ у себя не однимъ рожденіемъ, но и талантами отличающихся людей. Онъ былъ старикъ просвѣщенный, умный и благородный, однакоже,

вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно искусный паредворецъ, чтобы ладить со всѣми любимцами царей и пользоваться благосклонностію четырехъ вѣнценосцевъ. Ему удалось устранить отъ строенія собора, строившаго Михайловскій замокъ, самозванца-архитектора Бренну, весьма любимого Павломъ, бывшаго въ Италіи едва ли посредственнымъ маляромъ *), и предложить доморощеннаго своего зодчаго Воронихина. У Павла совсѣмъ не было вкуса, у Александра очень много; но въ первые годы своего царствованія чрезвычайно любилъ онъ колонны, вездѣ онѣ были ему надобны, и оттого-то сохранилъ онъ утвержденный отцомъ его планъ, ибо на немъ находились онѣ въ большомъ изобиліи.

Все огороженное мѣсто вокругъ новостроящагося храма, равно какъ и входъ во внутренность его, когда строеніе его начало приходить къ окончанію, оставались открыты для любопытныхъ; не такъ какъ нынѣ, когда никому, исключая самыхъ избранныхъ, не дозволяется взглянуть на работы, производящіяся десятки лѣтъ, когда какъ будто опасаются, чтобы порядочно одѣтые люди днемъ не утащили лежащіе кирпичъ и известку, когда фиглярство строителей хочетъ какою-то таинственностію закрыть отъ народа совершаемыя имъ чудеса. Мнѣ иногда случалось входить въ достраивающееся зданіе, и нельзя было не подивиться богатству, расточаемому для внутренняго его убранства. Мраморный узорчатый помостъ, необъятной величины полированные монолиты, составляющіе длинную колоннаду, серебряныя рѣшетки, двери и паникадилы, покрытыя золотомъ и облитыя бриліантами иконы, все должно было изумлять входящихъ во храмъ. Нѣкоторые однакоже позволяли себѣ сравнивать архитектора съ неискуснымъ поваромъ, который, начиная всѣ кушанья свои перцомъ, инбиремъ, корицей, всякими пряностями, думаетъ стряпнѣ своей придать необычайно-пріятный вкусъ.

Ровно черезъ десять лѣтъ послѣ вѣнчанія на царство императора Александра, 15 Сентября, происходило освященіе новаго храма. Всѣ носящіе мундиръ, безъ изъятія, были допущены во внутренность его; у меня мундира не было, и я на улицѣ скромно стоялъ между фраками и крестьянскими кафтанами, въ народной толпѣ. День былъ жаркій, ни вѣтра, ни облачка на небѣ, и умиленный народъ радостно смотрѣлъ на крестный ходъ и на свѣтлыя очи и веселый ликъ идущаго въ немъ

---

*) Если кто умѣетъ сколько-нибудь рисовать, тому у насъ нетрудно назвать себя архитекторомъ. Стоитъ только проводить линіи подлиннѣе, давать прожескированному зданію большія пропорціи, отовсюду заимствовать для него орнаменты и на чертежѣ вкось и вкривъ ихъ прилаживать: за прочность строенія отвѣчаетъ каменныхъ дѣлъ мастеръ. Такимъ образомъ прославился у насъ Монферранъ.

Царя, что уже такъ рѣдко случалось ему видѣть. Тутъ первый разъ въ жизни узрѣлъ я пятнадцатилѣтняго мальчика, будущаго властелина моего, будущую судьбу мою, Николая Павловича.

Въ этотъ день Государь былъ щедръ: старика Строгонова изъ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ пожаловалъ онъ въ первый классъ, награда столь рѣдкая, что почиталась тогда происшествіемъ. Всякое сильное ощущеніе въ старости служить придиркою для смерти: печаль и радость равно убиваютъ ее. Отчего же, если не отъ радости, черезъ десять дней скоростижно было умереть здоровому графу Строгонову? Незадолго, 26 Августа, видѣли его на дачѣ, когда онъ праздновалъ именины сватки своей Голицыной, гуляющаго вечеромъ въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ. Тѣло его предано землѣ въ построенномъ подъ надзоромъ его соборѣ. И въ этомъ увидѣли худое для Россіи предзнаменованіе.

Не столь блестящимъ образомъ, въ Октябрѣ было открытіе Царскосельскаго лицея. Кто подаль мысль или кто первый имѣлъ ее объ его основаніи, не знаю, но если не ошибаюсь, то кажется самъ Государь. Въ первоначальные счастливые годы его царствованія, любилъ онъ свою простонародность (слово, которымъ я думаю замѣнить употребляемое нынѣ популярное *). Наскучивъ пышностію и величіемъ, среди коихъ возросъ, всегда любилъ онъ также простоту, какъ въ одѣяніи, такъ и въ образѣ жизни. Изъ всѣхъ дворцовъ своихъ, самый укромнѣйшій, совсѣмъ забытый Каменноостровскій дворецъ, выбралъ онъ лѣтнимъ своимъ мѣстопробываніемъ. Одна сторона его обращена была къ рѣкѣ, другая къ саду, въ которомъ два большіе входа, одинъ противъ другаго, дѣлали его проходнымъ, такъ что люди всякаго званія, даже простые мужики, могли безвозбранно толпами ходить (и ходили) подъ самыми окнами, не высоко надъ землею стоящаго царскаго кабинета и почти въ него заглядывать. Это его чрезвычайно тѣшило и радовало. Такъ было до Тильзитскаго мира, послѣ котораго сталъ онъ предпочитать Царское Село.

Странная была участь этого казеннаго городка и дворца его! Онъ никогда при началѣ, а всегда подъ конецъ царствованія государей дѣлался любимымъ ихъ убѣжищемъ. Мѣсто подаренное Петромъ Великимъ Екатеринѣ I-й, въ сторонѣ отъ большой Московской дороги, тайкомъ отъ него засадила она липовыми деревьями и построила на немъ трехъэтажное высокое, но не обширное зданіе. Въ Августѣ 1724 года въ первый разъ угощала она тутъ своего дарителя; все ему чрезвычайно понравилось, и онъ возвѣстилъ, что не только гостить, но даже

*) Народность въ переводѣ значить *nationalité*.

часто будетъ жить у нея; въ слѣдующемъ Январѣ онъ скончался. Говорятъ, что Анна Ивановна передъ смертію неоднократно собиралась туда переѣхать, но что Биронъ всегда ее отговаривалъ отъ того. Елисавета Петровна строила Зимній дворецъ, а въ окрестностяхъ Петербурга, на островахъ Крестовскомъ, Петровскомъ, на Средней Рогаткѣ, на мызѣ Пеллѣ, небольшіе крестообразные дома, величаемые дворцами, не для жительства своего, а для отдохновенія во время частыхъ своихъ прогулокъ. Постояннѣ всего жила она въ Петергофѣ; въ Царское Село никогда не заглядывала, какъ вдругъ, во второй половинѣ своего правленія, плѣнилась имъ, растянула фасадъ построеннаго ею матерью дворца, не будучи расточительна, посадила въ него миліоны и сдѣлалась настоящею основательницей сего истинно-царскаго жилища. Нѣсколько лѣтъ Екатерина II также предпочитала Петергофскій видъ на взморье другимъ увеселительнымъ мѣстамъ своей столицы, пока не прилѣпилась къ Царскому Селу; тогда наложила она на него свою могущественную руку и тутъ, какъ и во всемъ что предпринимала, творила чудеса, такъ что сынъ ея, малолѣтній, когда она вступала на престолъ, все почиталъ тутъ ея созданіемъ. Конечно не изъ сыновней нѣжности совершенно бросилъ онъ Царское Село и на поддержаніе его никакихъ суммъ не велѣлъ отпускать; все начало глхнуть, поростать крапивою, покрываться тиной, все портиться, валиться, и сіе грозящее разрушеніе пѣвецъ Екатерины, Державинъ, грустно изобразилъ въ стихахъ своихъ, подъ названіемъ *Развалины*. Окружающимъ Павла I жалко стало Русскаго Версаля, и они, убѣдивъ его, что ово твореніе не одной матери его, но бабки и прабабки склонили въ Іюль 1800 года въ него переѣхать. Онъ прожилъ тутъ до Сентября, съ быстротою, съ которой отъ одного чувства переходилъ къ другому, нашелъ мѣсто сіе очаровательнымъ, гораздо лучше его Павловска, и объявилъ намѣреніе свое каждое лѣто проводить въ немъ по два мѣсяца. Онъ не могъ его исполнить: въ Мартъ его не стало.

Я помню то почтительное удивленіе, смѣшанное съ тоской, съ которыми раза два случалось мнѣ посѣтить садъ и дворецъ Царско-сельскіе, въ первые годы Александра. Присмотръ за тѣмъ и за другимъ, казался дѣйствіемъ одного приличія; небрежность, съ какою сохраняютъ у насъ пышныя надгробныя памятники, и тутъ была замѣтна: вездѣ царствовала пустота. Все это перемѣнилось въ 1808 году. Императоръ Александръ сталъ убѣгать сближенія съ подданными, въ преданности коихъ началъ сомнѣваться; въ расположеніи духа, въ которомъ онъ находился, уединеніе сдѣлалось для него привлекательно: онъ поселился въ Царскомъ Селѣ и часто бывалъ въ немъ и зимой. Густой, сосновый боръ, обнесенный каменною оградой, называемый

Звѣринцемъ, но въ которомъ не дикіе звѣри были видны, а одна дикая природа, нерѣдко посѣщала онъ и любилъ теряться въ чащѣ его вѣковыхъ деревьевъ съ мрачными мыслями, глубоко въ головѣ его затаенными; гораздо послѣ украсилъ онъ сіе любимое мѣсто и превратилъ его въ неподобный паркъ.

Но надобно было сколько нибудь оживить сію пустыню. Чадолобіе было всегда отличительною чертою характера четырехъ братьевъ, сыновей Павла I-го, и этимъ они совсѣмъ не походили на отца. Два раза надежда поманила родительскимъ счастьемъ и два раза она обманула Александра. Но вчужѣ не переставалъ онъ любить нѣжный дѣтскій возрастъ и полагалъ, что разсадникъ будущихъ, вѣрныхъ ему служителей, составленный изъ невинныхъ, веселыхъ отроковъ, будетъ утѣшителенъ для его взоровъ. И для того, кажется, и помѣстилъ онъ его подлѣ самага дворца, въ высокомъ и длинномъ павильонѣ, построенномъ Екатериною для великихъ княжонъ, малолѣтнихъ ея внучекъ.

При торжественномъ открытіи лица находился Тургеневъ; отъ него узналъ я нѣкоторыя о томъ подробности. Вычитывая воспитанниковъ, сыновей извѣстныхъ отцовъ, между прочимъ назвалъ онъ одного двѣнадцатилѣтняго мальчика, племянника Василья Львовича, маленькаго Пушкина, который, по словамъ его, всѣхъ удивлялъ остроуміемъ и живостію. Странное дѣло! Дотогѣ слушалъ я его довольно разсѣянно, а когда произнесъ онъ это имя, то въ мигъ пробудилось все мое вниманіе. Мнѣ какъ будто слышался первый далекій гулъ той славы, которая вскорѣ потомъ должна была гремѣть по всей Россіи; какъ будто впередъ что-то сказало мнѣ, что бесѣда его доставить мнѣ въ жизни столько радостныхъ, усладительныхъ, а чтеніе его столько восторженныхъ часовъ.

Какъ водится въ природѣ, за осенью пришла зима, въ этотъ годъ для меня скучная, невыносимая. Чтобы не раздражить слабости родителя моего, я продолжалъ все числиться на службѣ, нуждаться во всемъ и жить день за день, ничего лучшаго не видя впереди. Въ этомъ состояніи я охотно принялъ приглашеніе сестры моей встрѣтить у нея новый годъ въ Финляндскомъ уѣздномъ городкѣ, уже не въ Нейшлотѣ, а гораздо ближе, въ Кексгольмѣ, куда бригада и полкъ мужа ея были переведены. Туда отправился я на третій день послѣ Рождества.

Помѣщеніе имѣли тутъ супруги гораздо удобнѣе и просторнѣе, чѣмъ въ Нейшлотѣ: большой одноэтажный каменный домъ, бывшій комендантскій, въ упраздненной крѣпости. Припасы всѣ были дешевы, а нѣкоторые предметы роскоши, по близости, можно было легко выписывать изъ Петербурга; житье, да и только! У меня на сердцѣ до того было ча

весело, что изъ новыхъ лицъ, посѣтителей и посѣтительницъ, я никого не замѣчалъ, никого не помню. Чтобы сколько-нибудь развеселить меня, хотя на одинъ вечеръ разсѣять и собственную тоску и весело начать наступающій годъ, добрая сестра моя наканунѣ 1 Января затѣяла большой пиръ. Какъ не вѣрить примѣтамъ? Вѣдь этотъ начинающійся годъ былъ нашъ роковой двѣнадцатый годъ; что ни дѣлала бѣдная сестра, судьба такъ устроила, чтобы намъ печально его встрѣтить. Вечеромъ полученныя съ почты бумаги и прїездъ одного чело-вѣка разстроили всѣ наши намѣренія и на нѣсколько часовъ даже не дали забыть намъ горе. Вечеринку, однакоже, не отложили; но для насъ съ сестрой она совсѣмъ не была забавна. Молодые люди обоого пола веселились, плясали; а я, хотя по лѣтамъ и принадлежалъ еще къ ихъ возрасту, смотрѣлъ на нихъ съ досадою и удивленіемъ, какъ будто бы они обязаны были раздѣлять мои чувства.

Отъ военнаго министра тотъ вечеръ получено приказаніе зятю моему, по волѣ Государя, отправиться въ Абовъ, для принятія временнаго начальства надъ пѣхотною дивизіей генерала Демидова, заболѣвшаго и уволеннаго въ отпускъ. Это было знакомъ довѣренности, совсѣмъ не несчастіемъ, но въ тоже время величайшимъ разстройствомъ въ домашнихъ обстоятельствахъ.

Другая вѣсть была для насъ не менѣ тревожна. Въмѣсто матери, которая не въ силахъ была уже писать, братъ и сестры увѣдомляли насъ изъ Пензы, что нашъ отецъ совершенно упадетъ духомъ и даже примѣтно слабѣетъ и тѣломъ; и хотя все на ногахъ и продолжаетъ выѣзжать, но они мало имѣютъ надежды долго сохранить его.

Наконецъ, прискакавшій Алексѣй Даниловичъ Копіевъ съ бодримъ духомъ и не совсѣмъ сокрушеннымъ сердцемъ объявилъ имъ еще вѣсть, которая мнѣ показалась бѣдственною. Передъ отъѣздомъ, я тоже что-то слышалъ, но никакъ не могъ тому повѣрить, чтобы Выборгскую губернію захотѣли отнять у Россіи и, присоединивъ къ новымъ завоеваніямъ, составить изъ нихъ какое-то отдѣльное отъ нея государство, подъ названіемъ Великаго Княжества Финляндскаго. Какъ ни тайно производилось о томъ дѣло, хлопотунъ Копіевъ, заблаговременно о немъ провѣдавъ и зная, какое плохое житье будетъ Русскимъ подъ управленіемъ высшаго сословія туземцевъ, все однихъ Шведовъ, ненавидящихъ Россію, зная, что Русскіе владѣльцы вынуждены будутъ за безцѣногъ кидать свои имѣнія, первый поспѣшилъ довольно выгоднымъ образомъ сбыть свою мызу, получить за нее деньги и прїехалъ совершить только продажный актъ. Конечно и Копіеву не совсѣмъ пріятно было расстаться съ гнѣздомъ имъ самимъ свитымъ, куда лѣтомъ мирно удалялся онъ съ семействомъ, откуда въ столицѣ имѣлъ

всегда свѣжіе запасы, и онъ не старался скрывать своего сожалѣнія; но по крайней мѣрѣ безъ убытка лишился онъ своего пріюта. Другіе же тутъ случившіеся Русскіе чиновники и владѣльцы, пораженные симъ извѣстіемъ, точно какъ одурѣли.

Манифестъ о семъ событіи, въ этомъ краю столь важномъ, положено было обнародовать въ новый годъ; слѣдовательно тутъ онъ не могъ еще быть полученъ. Такими подарками, étrennes, при наступленіи года, Государь, съ помощію Сперанскаго, любилъ насъ дарить. Въ эту же эпоху, во всемъ, что было вредно и постыдно для Россіи, всегда находишь руку Сперанскаго. Императоръ Александръ имѣлъ нѣкоторыя собственныя мнѣнія, которыя лучшими доводами трудно было поколебать; на примѣръ, мысль о маленькихъ царствахъ, ему подвластныхъ, а отъ Россіи вовсе независимыхъ, нѣтъ сомнѣнія, родилась въ его головѣ. Но всякій приближенный къ нему патріотъ и честный человекъ обязанъ былъ объяснить ему весь вредъ, который можетъ произойти отъ того для главнаго государства. Сперанскій, имѣя свои особенныя виды, того не сдѣлалъ; напротивъ, онъ одобрилъ намѣреніе, поощрялъ приступить къ его исполненію и предложилъ себя главнымъ орудіемъ въ этомъ дѣлѣ.

«Какое право имѣете вы, государь, можно было бы сказать ему, безъ бою, безъ всякой видимой причины, безъ многократныхъ поражений и слѣдствія ихъ (вынужденнаго примиренія), не для спасенія цѣлаго государства, по одному произволу вашему, отрывать отъ Россіи области, не вами, а вашими предками и ихъ подданными пріобрѣтенныя? Для чего дѣлаются завоеванія, если не для усиленія государственнаго тѣла? Они достояніе не только еще царя, какъ народа, ихъ совершившаго; онъ старается распространить предѣлы земли своей для того, чтобы внутри ея пользоваться болѣею безопасностію; а вы опасности опять къ нему приближаете. Знаете ли вы исторію этого народа, государь? Читали-ли вы ее? Если вы свѣдѣнія ваши о ней почерпнули только изъ уроковъ вашего Лагарпа или изъ чтенія невѣжды и лжеца Рюльера, то плохо же вы ее знаете. Стало быть, вамъ неизвѣстно, что этотъ народъ, ослабленный, изнеможенный, со всѣхъ сторонъ тѣснимый, давимый сильными, лютыми врагами, болѣе его въ ратномъ дѣлѣ свѣдущими, Татарами, Турками, Поляками, Литвою, Ливоніей и Швеціей, медленно приподнявшись и поддержанный единою вѣрою отцовъ своихъ и силою великаго своего имени, не убоился подставить имъ грудь свою, пять столѣтій на смерть съ ними бился и, о чудо! устоялъ и всѣхъ одолѣлъ. И теперь, когда, благодаря его вѣковымъ усиліямъ, вы, потомокъ избранныхъ имъ Романовыхъ, красуетесь и возвышаетесь предъ другими земными владыками, задумали вы въ руки злодѣямъ его, побѣ-

жденнымъ, но не обезоруженнымъ, предать дѣтей вашихъ, ихъ побѣдителей, ихъ прежнія жертвы. О горе! О стыдъ! Въ исторіи народовъ найдите мнѣ другой примѣръ столь несправедливому дѣйствию необузданной воли царской: ни великій Петръ, ни могущій Наполеонъ ни на что подобное бы не рѣшились. Откуда взяли вы, что вамъ дана власть, по прихоти вашей, единымъ почеркомъ пера и одною каплею чернилъ, уничтожать то что сотворено сотнями тысячъ штыковъ и цѣлыми рѣками крови? Нѣтъ, нѣтъ, будьте велики, но да будетъ велика и Россія ваша! Само Провидѣніе доселѣ вело ее за руку, и не вамъ дано будетъ разрушать то что въ вѣчной мудрости Своей Оно устраиваетъ». Такъ конечно въ презираемой нами старинѣ заговорилъ бы не одинъ брадатый бояринъ, зная, что вмѣстѣ съ тѣмъ подъ топоръ подставляетъ онъ голову свою. Теперь по большей части своекорыстные льстецы и обманщики, тайные непріатели, а при случаѣ и мятежники, а не вѣрные и смѣлые слуги государей, окружаютъ ихъ въ Европѣ.

Все вышесказанное, разумѣется, не столько относится къ Финляндіи, какъ къ другой гораздо обширнѣйшей странѣ, которую въ послѣдствіи намѣревались отмежевать отъ Россіи. Кажется, само Небо насылало внезапныя происшествія и нѣкоторыхъ людей, каковы Карамзинъ, Поццо-ди-Борго, чтобы препятствовать исполненію дурнаго умысла, коего послѣдствія могли бы быть ужасны. Незлопамятный народъ Русскій давно забылъ вѣковыя обиды, врагами нанесенныя; но главѣ его не должно ихъ забывать, не для отмщенія, а для истребленія возможности имъ возобновиться. Богъ любилъ еще Александра: Онъ не пустилъ ему совершить замышляемое преступленіе.

Можетъ быть, Сперанскій полагалъ, что при всеобщемъ неудовольствіи столь смѣлая несправедливость Царя еще болѣе возстановитъ противъ него подданныхъ. Ни мало: онъ ошибся, и такой поступокъ, который въ другомъ государствѣ взволновалъ бы всѣхъ, остался незамѣченнымъ. При неизмѣримомъ пространствѣ земель, коимъ владѣетъ Россія, нѣкоторые только посмотрѣли на то какъ на уступку немногихъ десятинъ, богатою вотчиною, другой небольшой сосѣдней деревнѣ, одному же съ нею помѣщику принадлежащей. Всѣ взоры устремлены были на Западъ и на Югъ, а до Сѣвера никому дѣла не было. Лучше сказать, никто почти не узналъ о томъ; въ этомъ случаѣ Россія была, какъ огромная хоромина, для изображенія величины которой есть поговорка, что въ одномъ углу обѣдаютъ, а въ другомъ не вѣдаютъ. По самому названію, присоединеніе Старой Финляндіи къ Новой показалось дѣломъ весьма естественнымъ, простою правительственною мѣрою, совсѣмъ не политическимъ фактомъ.

Нынѣ плоды этого отчужденія видимы очень явственно, но никто не хочет взять труда замѣтить ихъ. Старанія правителей изжить нашихъ соотечественниковъ имѣли совершенный успѣхъ; какъ говорить простой народъ, Русскимъ духомъ тамъ уже нигдѣ не пахнетъ, онъ нетерпимъ, и въ шестидесяти верстахъ отъ столицы можно себя почитать совсѣмъ въ чужой землѣ. Въ военныхъ и торговыхъ приморскихъ городахъ, гдѣ стоятъ или куда показываются наши корабли, люди, составляющіе ихъ экипажи, не могутъ имѣть никакихъ сношеній съ жителями высшаго рязрада, а только пируютъ по трактирамъ, да веселятся и пляшутъ съ непристойными женщинами. Число Русскихъ, заглядывающихъ въ Финляндію, ничтожно; черезъ нее лежитъ дорога только что въ Стокгольмъ, а кому охота туда ѣздить? Да къ тому же моремъ можно сдѣлать сіе скорѣе, и покойнѣе, и дешевлѣ. Лѣтомъ, во время морскихъ купавій, бываетъ много охотниковъ, которые, пользуясь близостію разстоянія и удобностію пароходства, изъ Ревеля дѣлаютъ прогулки въ Гельсингфорсъ. Тамъ, оглянувъ городъ и его окрестности, накупивъ дешево множество иностранныхъ, у насъ заграничныхъ, а тамъ дозволенныхъ товаровъ и ни съ кѣмъ не познанившись, черезъ нѣсколько дней спѣшатъ оттуда воротиться. Бываютъ также лѣтомъ изъ Петербурга поѣздки любопытныхъ, чтобы полюбоваться водопадомъ Иматры, который охотно назвалъ бы я Русскою Ніагарой, еслибъ тутъ что нибудь Русскаго оставалось; эти путешествія бываютъ, такъ сказать, мгновенныя, и ни тѣ ни другія никакихъ слѣдовъ за собою не оставляютъ. Вотъ всѣ сношенія, которыя остались у Россіи съ покореннымъ ею краемъ. Благодаря бѣшенной страсти нашей къ заграничнымъ путешествіямъ, нѣтъ Итальянскаго или Нѣмецкаго небольшого города, гдѣ бы нынѣ не нашли вы болѣе Русскихъ, чѣмъ въ главномъ городѣ Финляндіи.

Ни мы, ни Шведы—не коренные ея жители. Кромѣ права завоеванія, ни мы, ни они другаго права надъ нею не имѣемъ и, кажется оно обыкновенно принадлежитъ послѣднему. Для бѣдныхъ Финновъ совершенно равно, кто бы ни управлялъ ими—южные или западные ихъ завоеватели, лишь бы управляемы они были правосудно. Кому же пожертвованы права, честь и выгоды государства? Горсти иноземныхъ его враговъ. Будь всеобщая война, къ которой Швеція непременно противъ насъ пристанетъ, и тогда мы увидимъ, какъ поступать сіи новые вѣрноподданные. Впрочемъ и теперь, чтобы увидѣть это, стобитъ только побывать въ Гельсингфорсѣ: почти ото всѣхъ посѣтившихъ его единоземцевъ моихъ слышалъ я о ненавистныхъ, дерзкихъ взглядахъ, коими тамошніе авторитеты встрѣчали ихъ въ публичныхъ мѣстахъ, коль скоро узнавали, что они Русскіе. Въ Петербургѣ оно

не совсѣмъ такъ: Шведо-Финскія бѣдныя красавицы охотно выходятъ за Русскихъ богачей, и у нихъ только можно изрѣдка встрѣчать небольшое число ихъ земляковъ, въ столицѣ живущихъ. Нѣкоторые изъ нихъ числятся при дворѣ и являются на придворныхъ и званыхъ балахъ, короткости ни съ кѣмъ изъ Русскихъ не имѣютъ, всѣхъ ихъ вообще чуждаются. Надобно правду сказать, что и наши не очень охотно ищутъ ихъ общества.

Такъ какъ съ тѣхъ поръ никогда не случилось мнѣ и надѣюсь никогда не случится болѣе быть въ Финляндіи, то я нашелъ, что здѣсь единственное мѣсто, гдѣ могу я говорить объ ней и о причинахъ, которыя вѣчно совершенно отдѣляютъ ее будутъ отъ Россіи, если въ отношеніяхъ ихъ никакой перемѣны не послѣдуетъ *).

Въ день Крещенія Господня, въ который былъ точно крещенскій морозъ, видѣлъ я зрѣлище изумительное. Не знаю, какъ тамъ теперь, а тогда Русскіе священники ходили еще въ этотъ день съ крестами на воду, къ устроенной для того Иордани. Лишь только освященіе воды кончилось, откуда ни возмись голая женщина, которая съ необыкновенною быстротою кинулась въ прорубь, пробывъ въ ней съ минуту, выскочила и также быстро исчезла. Это была семидесятипятилѣтняя вдова Русскаго унтеръ-офицера, у которой на душѣ тяготѣлъ какой-то важный грѣхъ, и она ежегодно такимъ образомъ старалась очищать себя отъ него.

На другой день поѣхалъ я обратно въ Петербургъ.

Возвратясь послѣ краткаго отсутствія, я нашелъ его жителей нѣсколько уже въ тревожномъ ожиданіи. Находясь гораздо болѣе въ со-сѣдствѣ съ Европой, по образу жизни и по всякаго рода сношеніямъ принадлежа къ ней болѣе, чѣмъ внутреннія части государства, Петербургъ сильнѣе чужалъ приближающуюся грозу, которая однакоже не надъ нимъ должна была разразиться. Трудно объяснить состояніе, въ которомъ находились тогда умы; не видно было унынія, отчаянія, но

---

*) Лѣтъ черезъ двадцать послѣ соединенія двухъ Финляндіи былъ я очень коротко знакомъ съ министромъ статсъ-секретаремъ Великаго Княжества Финляндскаго графомъ Ребиндеромъ и могу сказать, что пользовался пріязнью этого почтеннаго человѣка, искренно, но тайно любящаго Россію, которой онъ всѣмъ былъ обязанъ. Не рѣдко посѣщалъ онъ меня, я его тоже, но всегда принять былъ у него только что въ кабинетѣ. Разъ пришло мнѣ въ голову спросить его: зачѣмъ не представляетъ онъ меня своей графинѣ и почему считаетъ недостойнымъ быть въ его гостиной? Онъ вздохнулъ и, пожавъ мнѣ руку, сказалъ, что онъ почелъ бы себя счастливымъ, еслибъ могъ онъ сіе сдѣлать, но что знакомство наше принужденъ выдавать онъ за официальное: ибо по извѣстному моему патріотизму, всякая связь между нами могла бы навлечь на него подозрѣніе въ любви къ Русскимъ, сдѣлать его ненавистнымъ для Финляндцевъ, возбудить ихъ интриги противъ него и нанести ему великій вредъ. Все это просилъ онъ меня сохранить въ тайнѣ, и его смерть дала мнѣ право нарушить мой обѣтъ.

также и смѣлой въ себѣ увѣренности: замѣтно было какое-то грустное чувство, не совсѣмъ лишенное надежды. Казалось, всѣ думали, а многіе и говорили: ну что дѣлать, увидимъ, что-то Богъ дастъ! Въ высшемъ кругу старались веселиться, чтобы показать или придать себѣ болѣе бодрости. Такъ иногда испуганные громко распѣваютъ, чтобы заглушить въ себѣ страхъ.

Забыты прежнія неудовольствія на правительство. Противъ чрезвычайнаго умноженія налоговъ, требованія добровольныхъ приношеній не поднялся ни малѣйшій ропотъ: всѣ чувствовали, что при наступленіи рѣшительной, окончательной борьбы, государству нужны всевозможныя вспомогательныя средства. Гвардіи велѣно приготовиться къ выступленію въ походъ и, нѣжно смотря на нее, напередъ всѣ уже напутствовали ее благословеніями; офицеры вдругъ всѣ выросли и въ глазахъ гражданъ сдѣлались существами священными. Возвращеніе на спокойно-печальный Петербургъ было тогда истинно-трогательно. Въ немъ много иностраннаго и иностранцевъ; за то онъ заключаетъ въ себѣ все лучшее, что производитъ земля Русская, цвѣтъ юношества ея и все что въ ней есть образованнѣйшаго. Его Русскихъ жителей упрекаютъ въ холодности къ отечеству единственно оттого, что въ другой древней столицѣ чувства выражаются обыкновенно съ чрезвычайнымъ преувеличеніемъ; но это свойство скорѣе простонародія, чѣмъ образованныхъ классовъ.

Разставшись съ мужемъ, къ концу Генваря, сестра моя привезла въ Петербургъ двухъ малолѣтнихъ сыновей, которые, въ награду за заслуги отца ихъ, пожалованы были пажами, но только не опредѣлены еще въ Пажескій корпусъ. Она пріѣхала о томъ просить; ибо въ кочевой жизни, которая вновь ей предстояла, десяти или двѣнадцатилѣтніе мальчики были бы для нея великою обузой.

Мы поселились вмѣстѣ и, какъ умѣли, старались другъ друга утѣшать, какъ вдругъ получили странное письмо отъ брата изъ Пензы. Онъ, который во всемъ былъ примѣромъ точности, такъ неясно, такъ неопредѣленно, съ такимъ примѣтнымъ смущеніемъ писалъ о внезапно умножившейся болѣзни отца нашего, что понять истину было бы не трудно, еслибъ люди до послѣдней минуты не отказывались вѣрить тому, чего страшатся. Онъ прибавлялъ, что отецъ не только соглашается на мой пріѣздъ, но и самъ изъявилъ желаніе скорѣе меня видѣть, и что онъ съ своей стороны приглашаетъ меня поспѣшить отъѣздомъ. Сборы мои, въ томъ числѣ и полученіе отпуска, продолжались не болѣе сутокъ; 14 Февраля оставилъ я Петербургъ и въ слезахъ горестную сестру.

До Москвы я быстро домчался, но въ ней взяло меня раздумье. Къ чему я спѣшу? подумалъ я. Еслибъ я былъ увѣренъ, что въ нашемъ домѣ все благополучно, то и часу бы не остался; еслибы, по крайней мѣрѣ, могъ ожидать, что приму его послѣдній вздохъ, то, кажется, не остановился бы и на минуту; но теперь, дня на два, на три пусть хотя невѣдѣніе замѣнитъ мнѣ надежду.

Я остановился въ домѣ трехъ братьевъ Товаровыхъ, изъ которыхъ съ меньшимъ были мы великіе пріятели. Этотъ большой деревянный домъ находился (и что удивительно послѣ всего около него происходившаго, находится и понынѣ) близъ Кузнецкаго моста, на концѣ Газетнаго переулка. Мой милый хозяинъ Александръ Григорьевичъ, чувствительный, сердобольный, скрывалъ отъ меня ему уже извѣстную истину, старался всячески развлекать и для меня отказался отъ пиршествъ наступившей суматошной Масляницы. За то старшіе братья, великіе Московскіе франты, безъ памяти веселились. Безпрестанно появлялись и исчезали посѣтители, то собирались шумною толпой, то разсѣвались по лицу разгульной Москвы. Я только что оставилъ Петербургъ, и такая противоположность меня поразила. Вслѣдствіе сдѣланныхъ мною разспросовъ, узналъ я, что Масляница совсѣмъ тутъ не виновата и что такъ продолжается всю зиму. Молодежь никогда еще столько не вертопрашничала, франтики никогда еще пестрѣе и смѣшнѣе не одѣвались, никогда столько не разорялись на наряды, простой народъ никогда еще столько не пилъ и не бѣянилъ. Одинъ богатый и скупой старикъ, Позняковъ, который вѣкъ копилъ деньги, при концѣ дней своихъ вздумалъ купить огромный домъ, великолѣпно отдѣлалъ его и эту зиму пустился промотываться на пиры.

Невольно приходилось мнѣ иногда заговаривать о предметѣ, который, не смотря на собственное горе, не переставалъ еще наполнять мое воображеніе, о грядущемъ на насъ ураганѣ; а весельчаки не весьма учтиво принимались хохотать. Одинъ изъ нихъ, близкій родственникъ Товаровыхъ, Макаровъ 2-й, извѣстный читателю, сказалъ мнѣ: «Да какое намъ дѣло до Европы? Пусть тамъ воюють, дерутся, мирятся; мы здѣсь веселимся, пируемъ и ничего знать не хотимъ». Какіе-то молодые люди, которые за нимъ начинали карабкаться на Парнасъ, и также, какъ онъ, вѣчно обрывались, ему поддакивали съ улыбкой. «Глѣвъ Господень надъ старою грѣшницей, подумалъ я; не сдобровать Русскому Вавилону». Можетъ быть, я ошибаюсь; но бывали минуты въ моей жизни, въ которыя мнѣ казалось, что я одаренъ ясновидѣніемъ. Бывало на старый, на священный Кремль не взгляну я безъ благоговѣнія, а тутъ смотрѣлъ на него съ ужасомъ: мнѣ чудилось, что на башняхъ его вижу я *Мане-Оскель-Фаресъ*, тѣ страш-

ныя слова, которыя невидимая рука огненными буквами писала на стѣнѣ во время прршества Валтазарова.

Оставилъ я городъ, который уже въ иномъ видѣ долженъ былъ узрѣть. Въ самую минугу выѣзда моего изъ Рогожской заставы, вмѣстѣ со мною проѣхала чья то погребальная процессія, и потомъ, странное дѣло, во всю дорогу все говорило мнѣ о смерти, все напоминало объ ней. На станціи Мошки, близъ Мурома, захотѣлось мнѣ отдохнуть; я былъ тогда неприхотливъ и растянулся на голой лавкѣ. На ней же, повыше меня, лежало что-то длинное, покрытое простыней; входя въ избу, съ просонья мнѣ показалось, что это собранный холстъ. Проснувшись поутру, я увидѣлъ, что это трупъ покойника, положенный подъ образа, и что я проспалъ у ногъ его. На другой станціи за Муромомъ нашель я въ почтовой избѣ вынось тѣла младенца. Далѣе за Арзамасомъ, гласъ смерти сдѣлался мнѣ какъ будто еще слышнѣе; у меня правилъ лошадьми молодой, красивый парень, который такъ и заливался слезами; когда я спросилъ его о причинѣ, онъ отвѣчалъ мнѣ: «Да чтò, баринъ, у меня и руки и ноги трясутся, я себя не помню; ребята сказывали, что у меня отецъ померъ на той станціи, куда мы ѣдемъ. Охъ, да кабы ты зналъ, какъ я люблю его!» Подѣзжая ночью къ Саранску, въ сильномъ волненіи, свозъ слезы смотрѣлъ я на чистое небо, усѣянное звѣздами; вдругъ одна отдѣлилась отъ нихъ и упала. Я упрямился, а небо не хотѣло оставить мнѣ минуты сомнѣнія. Я все это помню какъ диво, хотя и очень знаю, что не для меня многогрѣшнаго могутъ твориться чудеса, и передаю это просто, какъ оно было, читателю: повѣрять ли онъ мнѣ или не повѣрять, мнѣ все равно. Съ этого времени началось мое суевѣріе.

Наконецъ, въ Саранскѣ безжалостный станціонный смотритель поспѣшилъ объявить мнѣ извѣстіе, къ которому болѣе недѣли я былъ приготовленъ. Не смотря на то, чтò произошло со мною, не буду описывать. Рано по утру, 21 Февраля, привезли меня въ Пензу.

Я здѣсь остановлюсь Въ продолженіи немногихъ лѣтъ совершаются величайшія перемѣны въ судьбахъ нашего отечества, равно какъ и цѣлаго міра. Для меня тоже начинается новая жизнь. Не знаю, для изображенія сихъ перемѣнъ едва ли достаточно будетъ одной, послѣдующей части.